Лейла Хугаева

Рационализм против эмпиризма

Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Лейла
Х98 Рационализм против эмпиризма : Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации / Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 236 с.
ISBN 978-5-4498-0900-1

Эта книга разбивает традиционное представление о том, что рационализм и эмпиризм дополняют друг друга в современной эпистемологии. Она доказывает, что противостояние рационализма и эмпиризма закончилось победой эмпиризма, что стало серьезным препятствием на пути развития социальной науки. Социальный дарвинизм не только дает абсолютно ложное представление о человеке, но также мешает становлению истинной науки. Речь в книге пойдет об альтернативе дарвиновской парадигме: теории психической энергии.

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-5-4498-0900-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

«Из теории эволюции вытекает еще одно следствие, которое независимо от частного механизма эволюции, предложенного Дарвином. Если человек и животные имеют общего предка и если развитие человека проходило такие стадии, в пределах которых изменения носили настолько длительный и малозаметный характер, что были существа, о которых мы не знаем, причислить ли их к людям или к животным, то возникает вопрос: на какой стадии эволюции люди или их получеловеческие предки начинают быть равными между собой? Проделал ли бы питекантроп прямоходящий, если бы он был надлежащим образом воспитан, такую же работу, как Ньютон? Написал ли бы пильдаунский человек стихи Шекспира, если бы он был осужден за браконьерство? Решительный сторонник равенства, который отвечает на эти вопросы положительно, будет вынужден рассматривать человекообразных обезьян равными человеческим существам. А почему мы останавливаемся на человекообразных обезьянах? Я не вижу, что он может выдвинуть против аргумента в пользу голосования для устриц. Сторонник эволюции может настаивать на том, что не только учение о равенстве всех людей, но также права человека должны быть

признаны не биологическими, поскольку они делают слишком выразительными различие между человеком и другими животными»

Бертран Рассел История западной философии

Принято считать, что рационалисты — это философы, которые отдают приоритет разуму, а эмпирики — это философы, предпочитающие разуму опыт, чувственные данные. Но поскольку ни те, ни другие не обходятся без разума и опыта, то рационализм и эмпиризм не только не противоречат друг другу, но дополняют друг друга, составляя, так сказать базис современной эпистемологии.

Это неправда. Рационалисты говорят о метафизике интеллекта, а не о каком-то расплывчатом разуме, который Дарвин, например, трактовал, как способность медведя подвинуть палкой хлеб. Такое неопределенное понятие разума ничего не говорит о разуме и может быть истолковано как угодно.

Рационалисты же, начиная с Пифагора и элеатов (Парменид, Ксенофан, Анаксагор) и Платона уже говорят о совершенно определенном разуме — о метафизике интеллекта. Это значит, что они понимают интеллект как два противоположных полюса: законы природы с одной стороны и мышление человека с другой стороны, как способность открывать и контролировать эти законы. Но оба полюса составляют части единого целого, единого интеллекта, составляющего «сущее» нашего космоса. Это и есть представление о разуме как о метафизике интеллекта.

Я поставила целью этой книги показать, что объективная реальность, познание человеком этой реальности и дух человека, как особая природная энергия, нерасторжимо связаны с метафизикой интеллекта и не могут без нее существовать. Что эмпиризм, преобладающий в современной западной науке, никоим образом не включает в себя и не предполагает рационализма в его истинном значении. Совершенно напротив, эмпиризм отрицает метафизику интеллекта, отрицает наличие неизменных

законов природы, отрицает мышление человека как способность видеть и открывать эти законы природы. Именно поэтому, эмпиризм неизбежно отрицает и объективную реальность, а его теория познания это скептицизм, субъективизм или агностицизм.

Принято считать, что Аристотель это «разбавленный здравым смыслом Платон», но это обобщение философии Платона и Аристотеля также в корне неверно, как обобщение рационализма и эмпиризма как дополняющих друг друга теорий. Платон завершил становление пифагоровской метафизики интеллекта, Аристотель разрушил эту метафизику. Платон — апостол знания, объективной реальности и Духа, как активного интеллекта человека. Аристотель — апостол скептицизма, эмпиризма, софистики и человека, как разумного животного.

В этом же смысле Декарт противостоит Гоббсу, а их знаменитая переписка это классическая дуэль рационализма и эмпиризма. Руссо противостоит Вольтеру. Постольку поскольку Бэкон, Беркли и Локк понимали разум как метафизику интеллекта, их, безусловно, следует относить к видным представителям рационализма.

Знаменитая проблема индукции Юма не решена и не может быть решена в рамках эмпиризма, поскольку отрицание метафизики интеллекта означает отрицание объективной реальности: если нет законов природы, то нет и не может быть никакого познания, никакой истины, только интерпретация животными своей среды обитания. По той же причине не может быть объективной реальности и с точки зрения материализма Маркса, поставившего на место законов природы — самодвижение гегелевской диалектики.

Тот же антагонизм рационализма и эмпиризма в существе знаменитой полемики Эйнштейна и Бора. Будучи одним из выдающихся рационалистов нашего времени Эйнштейн настаивал на объективной реальности и неизменных законах природы, не принимая субъективистских интерпретаций эмпиризма Бора. Победа Бора была закономерным следствием общего пораже-

ния рационализма в современной парадигме западной науки. Речь не идет, конечно, о квантовой механике, только о выводах для эпистемологии. Эйнштейн, будучи одним из основоположников квантовой теории, всегда отдавал должное квантовой механике, хоть и считал некоторые из ее методов временными.

Юм, как известно, «изгнал субстанцию из психологии», отказавшись признавать существование Я, личности, как некоей неизменной сущности, и свел его к постоянно текучим и меняющимся ощущениям. Позже Огюст Конт отказался признавать психологию в силу «метафизичности» понятия Я, то есть личности. Потом Мах предложил в своей философии «нейтрального монизма» упразднить различие между психикой и физическим миром и свети все к опыту единых психофизических ощущений. В этой связи Гордон Олпорт писал о том, что позитивизм (а мы бы сказали эмпиризм в целом) нанес непоправимый удар по психологии личности. Так, благодаря эмпиризму, из науки выпал Дух как объект исследования; Дух, как особая природная энергия, основанная на разуме, на активном интеллекте; энергия, качественно отличающаяся от биологической энергии животных.

Победа эмпиризма означала победу «разумного животного» Аристотеля над Духом метафизики интеллекта Платона, и в конечном итоге закончилась становлением дарвиновской парадигмы безраздельно правящей в современной социальной «науке». Оказалось сравнительно легко доказать, что все опытные данные свидетельствуют против теории Дарвина (в части происхождения человека, то есть социал-дарвинизма). Дело не в том, произошли мы или не произошли от обезьян, а в том, что границей между обезьяной и человеком стало зарождение новой природной энергии, психической энергии, которая резко отделила человека от всего прочего животного мира. И это также очевидно из многочисленных исследований первобытного сознания, которое, как известно, насквозь мистично и не имеет ничего общего с законами биологического выживания животного мира. И прежде всего самому Дарвину, которому уже были известны эти

факты, нечего ответить. А позже со становлением логического мышления и научных способностей человека картина вообще настолько очевидно не согласуется с нелепой теорией Дарвина, что трудно понять, как она могла так долго продержаться.

Вред, нанесенный этой теории очевиден для всех у кого есть здравый смысл: это антиинтеллектуализм, антигуманизм, провокация агрессии (дарвинизм Гитлера или Маркса, например), и прежде всего торможение настоящей науки.

Кант, как известно, сделал безуспешную попытку соединить рационализм с эмпиризмом. Многие считают, что ему это удалось. На самом деле он разрушил рационализм, разрушив метафизику интеллекта: его «вещь в себе» отрицает законы природы, его «априори» — это способности воображения, которые приписывают законы природе. Априори не есть мышление, которое открывает законы природы. Поппер считал, что он сделал другую успешную попытку примирить рационализм с эмпиризмом, примеряя мир идей Платона к дарвинизму. Но и он, как и Кант, преуспел только в том, что разрушил метафизику интеллекта Платона, решив отказаться от «дуализма» двух его полюсов интеллекта.

Результатом этих усилий стало разделение всей западной науки на «естественные науки» о природе с одной стороны, с которыми имеет дело эмпиризм, и на «науки о духе» с другой стороны, с которыми имеют дело спекуляции Канта. Так, «науки о духе» стали частью спекулятивной мистики немецкой философии Канта, Фихте, Гегеля. Это спекулятивная мистика, берущая начало в субъективизме Канта, развивающаяся в «чистую субъективность» «интеллигенции самой по себе» у Фихте совершенно отрицает объективную реальность. На ее основе возникла философия истории как множественных самобытных уникальных цивилизаций, не связанных никакими общими закономерностями человеческой природы.

В результате естественное право, основанное на законах общей человеческой природы, было отвергнуто, как ложное. А позитивное право, проистекающее из договоров и контрак-

тов, было принято. Так, Поппер противопоставляет социальные «науки», законы которых могут быть только законами договорными, юридическими (а значит основанными на силовых институтах) — естественным наукам, основанным на законах природы.

Так возникла современная парадигма социальной науки, представленной двумя совершенно несовместимыми теориями: теорией дарвинизма с одной стороны, которая редуцирует психику до животного приспособления к среде; и теориями спекулятивной мистики, которая мистифицирует дух человека, представляя его не как природную энергию, основанную на способности видеть законы природы, а как мистику тайны и откровения, «бытия в себе» Гегеля, «интеллигенции самой по себе» Фихте, «законодательствующей святости» Канта. Именно в силу своей абсурдности и своей несовместимости эти теории дополняют и поддерживают друг друга, составляя безобразную физиономию современной научной парадигмы.

Сам термин «парадигма» — порождение субъективизма и скептицизма эмпиризма. Автор теории научных революций и сам мыслит в рамках дарвиновской парадигмы. Я принимаю термин как психологическую часть его теории, которая объясняет, почему сложившееся мировоззрение мешает увидеть очевидные факты, которые выпадают из этого мировоззрения. Но я не принимаю теории Томаса Куна в том смысле, в котором она является логическим продолжением теорий Поппера и Фуко об отсутствии истины, объективного знания и отрицания познания как накопительного процесса, приближающего нас к истине. Вместо объективного знания и истины — субъективизм, интерпретации, просто смена мировоззрений, не связанных между собой, как декораций в театре, «прерывности» между «дискурсивными формациями» и взаимное «убийство» конкурирующими теориями друг друга.

Когда Кун говорит, что Эйнштейновская революция была имена такой полной сменой декораций мировоззрения физиков, ему возражают, прежде всего, физики: Эйнштейн писал, что

ньютоновская механика заняла свое законное место в новой физике как частный случай теории относительности. И это не могло быть иначе, так как это была не гипотеза, которая вполне может быть отвергнута, а проверенная опытом теория, вполне обеспечивавшая контроль механической энергии. Понятие «парадигма» уместно лишь до тех пор, пока человечество относительно далеко на своем пути к истине от конечной цели. В этом случае гипотезы и теории вполне могут быть наивны и далеки от тех законов природы, которые они предназначены открывать. Усовершенствование теоретического инструментария мышления не есть «смена парадигм» в смысле отказа от одного мировоззрения в пользу другого, не связанного с прежним. Но процесс продвижения к истине, прогресс в становлении научного мировоззрения. Например, в свое время выработка платониками теории метафизики интеллекта была огромным шагом вперед в эпистемологии. Потом рационализм развивался у Декарта, Бэкона, Локка, Эйнштейна. Позже рационализм вытеснили мистики и эмпирики, так что в данном случае «смена парадигм» означала просто поиск истины методом проб и ошибок. Иерархия наук Огюста Конта, которую можно понимать как последовательное открытие природных энергий, была другим большим вкладом в развитие эпистемологии, но не могла обрести своего места в рамках эмпиризма. Та же судьба постигла энергетику Оствальда на базисе эмпиризма.

Возврат к рационализму позволит объединить иерархию наук Конта с энергетикой Оствальда в новой теории познания — энергетике. Тогда мир как совокупность природных энергий можно понимать как монады Лейбница, как системы законов движения различных природных энергий. Современная наука открыла уже множество природных энергий, что легко проверить доступом к силе этих энергий, наличием контроля. А иерархию наук Конта можно будет трактовать как последовательное открытие природных энергий и таким образом накопление знаний в приближении к истине (единственную кумулятивную теорию эпистемологии в эмпиризме). Понятно, что в этом

случае венчает его иерархию наук не социология, а именно психическая энергия.

Энергетика позволит, наконец, сосредоточить внимание на самой главной энергии, которую необходимо изучить человеку, на его собственной психической энергии, полностью и целиком выпадающей из современной парадигмы науки. Но это не значит, что вся прошлая социальная наука будет отменена как упраздненная «парадигма», как «убитая» в результате конкуренции с другими теориями. Это значит, что она неизбежно встанет на плечах предшествующего истинного и проверенного опытом материала, лишь внеся необходимые теоретические коррективы. Например, противостояние гуманистической психологии и психоанализа снимается, так как теория психической энергии трактует гуманизм первых как контрольную энергию психики, а поле Эгосистемы Фрейда как детерминированный ток психики. Эта точка зрения полностью соответствует оценке гуманистами теории Фрейда. Также обстоит вопрос и в социологии и других социальных дисциплинах. И остается надеяться, что мы настолько приблизимся к истине на этот раз, что в будущем нам больше не понадобиться термин «парадигма», потому что наши теории не будут означать зашоренности нашего мировоззрения грубыми приблизительными конструктами. Это конечно не значит, что поиск истины прекратится. Это значит, что дальнейший прогресс науки в рамках теории познания рационалистов — это целенаправленный поиск новых природных энергий на основе Энергетики как новой теории познания. Переходами от парадигм к парадигмам мы были обязаны ограниченности нашего знания. На данном этапе наш теоретический инструментарий уже сформирован, и мы знаем что ищем: законы движения природы, законы природных энергий. На этом задача науки исчерпывается. И здесь же решается вопрос теории и практики, который не смогли решить эмпирики, увязнув в тупике Юма. Контроль природных энергий, доступ к их силе есть неопровержимое доказательство наличия законов природы и нашей способности к постижению этих законов.

ГЛАВА 1. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА: РАЦИОНАЛИЗМ, ЭМПИРИЗМ И ЭНЕРГЕТИКА ОСТВАЛЬДА

1. Объективная реальность, идеализм, активный и пассивный интеллект
2. Субъективное отражение, материализм, интеллект как служанка
3. Мистики, догматизм и софистика
4. Рационалисты, эмпирики и Энергетика Оствальда
5. Выводы из метафизики интеллекта, которые будут развиваться в этой книге

«Мое собственное определение „материи“ может показаться неудачным; я определил бы ее как то, что удовлетворяет уравнениям физики. Возможно, нет ничего удовлетворяющего этим уравнениям, в таком случае либо физика, либо понятие „материи“ ошибочны. Если мы отрицаем субстанцию, тогда „материя“ должна быть логической конструкцией»

Б. Рассел

1. ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ИДЕАЛИЗМ, АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

1. Мы можем говорить о познании только в том случае, если с самого начала предполагаем, что материальный мир, который нас окружает имеет в своей основе форму в виде законов движения. Тогда наш мир — это единство формы и содержания, законов движения материи и самой материи.

2. Понятно, что такая интеллектуальная форма матери в виде неизменных законов движения будет объективной реальностью, тогда как сама материя только чувственным содержанием. Интеллект, как форма движения, форма существования первичен, материя как содержание — вторична. Интеллект реален, материя иллюзорна. Тем не менее, для того чтобы познать форму материи необходимо начинать с анализа самой этой материи.

3. Если интеллект в виде законов природы составляет объективную реальность, тогда способность человека к познанию этих законов движения есть неотъемлемая часть этого внешнего интеллекта, представляющая с ним единое целое, единую субстанцию, единую сущность. Это значит, что познание, как открытие законов движения не может быть субъективным, так как является не интерпретацией друг друга двух разных частей, а вскрытием одной частью интеллекта другой части интеллекта. Субъективно первичное чувственное отражение — ощущения, впечатления; анализ, дедукция, индукция, позволяющие увидеть закономерности природы из этого первичного материала восприятия — всегда объективно.

4. Таким образом, мы можем назвать познаваемую и познающую часть интеллекта двумя противоположными полюсами интеллекта: активным и пассивным интеллектом. Тогда мышление человека, позволяющее ему «видеть» законы природы — это активный интеллект, а сами законы природы будут пассивным интеллектом, объективной реальностью. Вместе активный и пассивный интеллект будут составлять единую субстанцию интеллекта, некое целое или «единое» как говорили древнегреческие метафизики.

5. Вот почему мы, вопреки всем утверждениям самых известных материалистов (Ленин) и эмпириков (Конт) можем утверждать, что Метафизика или иначе идеализм не только не противоречат науке и познанию, как способности видеть и постигать объективную действительность, но напротив являются единственным средством и методом для этого. Если не предположить такой метафизики в основе космоса, таких

двух полюсов интеллекта, составляющих существо познания, то мы никогда не сможем подняться выше субъективизма, догматизма и скептицизма материалистов и эмпириков.

6. Единое древних греков начиналось с пифагорейской философии, которой затем развили элеаты (Парменид, Зенон, Анаксагор). С Пифагора начинается концепция интеллекта как метафизики единого, положенного в существо мироздания. Мир Идей Платона стал органичным развитием метафизики интеллекта Пифагора и Парменида. В Новое время рационализм развивали Декарт, Спиноза и Лейбниц. И хотя Бэкона, Беркли и Локка принято относить к эмпирикам, мы увидим, что они также разделяли метафизику интеллекта рационалистов. В современной науке самым выдающимся рационалистом был несомненно Альберт Эйнштейн.

2. СУБЪЕКТИВНОЕ ОТРАЖЕНИЕ, МАТЕРИАЛИЗМ, ИНТЕЛЛЕКТ КАК СЛУЖАНКА

1. Теперь посмотрим, какие выводы относительно объективной реальности и теории познания мы можем сделать из философии материализма, признающего первичность материи в отношении к интеллекту.

Эти выводы со всей очевидностью сформулированы в теории современного скептицизма и субъективизма — у Юма и Канта.

Действительно, если не признавать первичность интеллекта в виде некой идеальной интеллектуальной основы бытия, в виде метафизики интеллекта, являющейся формой материи, в виде заложенного этой метафизикой детерминизма законов движения материи, то человек и его интеллект предстают только равными среди равных других частей природы. Интеллект человека уже не составная часть космического интеллекта, способная видеть и познавать его законы, уже не ключ к замку интеллектуальной формы вселенной, а всего лишь субъективный мир человека. То есть его интеллект — это его странности и особенности,

так же как весь прочий мир имеет свои особенности и свои странности. Одна вещь отражает другую вещь, получает ощущения и чувства, но они обе ничего не знают о сущности друг друга. Они не способны к «познанию», а только к субъективному отражению, то есть интерпретации одной вещи в особенностях восприятия другой вещи.

Таким образом, отказ от рационалистической метафизики логично ведет к отказу от познания, к субъективизму и скептицизму.

Разрушая рационалистический фундамент метафизики, то есть интеллект как форму мироздания, эмпирики вместе с дедукцией (интуитивной и дискурсивной) уничтожают и индукцию. Это очевидно, поскольку индукция есть способ познания законов природы путем обобщения и анализа опытного материла. А если мы более не признаем этих законов, то и утверждать, что вывели всеобщий закон, а не временную регулярность никак не можем. Поэтому и Юму и Канту осталось только сказать, что мы не открываем законы природы, а приписываем их ей. Юм говорил о привычке, в силу которой люди просто по инерции считают что наблюдаемые регулярности вечны и необходимы, а Кант о субъективном разуме, который придумывает законы для природы. Так или иначе, но эмпирики, признав опыт первичным, отказавшись от врожденных идей как неразрывной связи человеческого разума с мировым интеллектом, вынуждены были сделать и соответствующие выводы — о непознаваемой сущности внешнего мира, об отражении вместо познания, об явлении как образе вещи, чья сущность нам недоступна, об отсутствии законов природы, наконец.

Наиболее знаменитые эмпирики, позитивисты Огюст Конт и Эрнст Мах также как мы видели, вынуждены были оставаться на позициях субъективизма и скептицизма после разрушения метафизики интеллекта рационалистов. Мах вообще отказывался признавать какие-либо закономерности, заменив их описанием функциональных связей, а Конт настаивал на том, чтобы сосредоточить процесс познания только на практичных

и полезных вещах. Лучшую характеристику подобной иррациональности и многих других, вытекавших из его крайнего эмпиризма, дал Джон Милль в книге о позитивизме.

3. МИСТИКИ, ДОГМАТИЗМ И СОФИСТИКА

1. Принципиальное значение имеет разграничение Метафизики, которая со времен древних греков имеет значение Интеллекта как сущности мира и Мистики, значение которой прямо противоположно и состоит в иррациональности и отрыве от опыта, от объективной реальности логики и фактов. Мистика — это тот самый феномен, который описали антропологи в ходе изучения первобытного мышления. Понятно, насколько важно не путать эти два понятия. Тем не менее, до сих пор они считались чуть ли не синонимичными.

2. Конечно, современные мистики — уже не мистики с первобытным мышлением. Они имеют формальную логику, которую не имели аборигены и аппарат абстрактных рассуждений, развитый современной культурой. Тем не менее, они остаются мистиками как в противоречивости и иррациональности своего мышления, так и в неспособности согласовывать мировоззрение с опытом, с данными практики. Эта разновидность мышления описана в психиатрической литературе как шизоидное мышление. Оно также как мышление абориген имеет в своей основе мистику.

3. Колоссальная работа древних греков по развитию абстрактных понятий и логики, которая привела к открытию метафизики интеллекта, была переработана мистиками в другом русле.

Их «единое» — это не субстанция интеллекта в основе мироздания, как его сущность и форма, а некая всемогущая сила, таинственная и непознаваемая, самодостаточная и самоопределяющаяся. Это самодвижение в противоположность метафизике интеллекта, которая является не самодвижением, меняющимся и недоступным нашему познанию, а неизменными законами движения, открытыми для нашего мышления.

Понятно, что это просто шаг от тотемических всесильных богов, которые были полуживотными-полулюдьми, от языческих богов, которые были также полуживотными-полулюдьми к абстракции мистического всесилия в виде некоей «субстанции», существо которой и состоит в этом всесилии.

4. Таким образом, для этого единого, чье происхождение не связано с проблемами познания совершенно неважен вопрос о приоритете духа и материи: единое ли это рационалистов, где материя только материал для познания законов интеллекта; или эмпириков, где интеллект только служанка тела для его приспособления к окружающей среде остается неважным. Это просто абстрактное единое, всемогущее и таинственное в своей непознаваемости.

Примерно такой абстракцией является диалектический дух Гегеля и диалектическая материя Маркса, которые в сущности своей принципиально тождественны. Диалектика Гегеля, разрушая сознательно основы логики, сводится к диалектике древних софистов, доказывавших невозможность познания истины путем диалектического доказательства прямо противоположных вещей. Более того, утверждается о постоянном изменении законов этого духа или материи, о его «самодвижении», где мы прямо упираемся в мистику абориген.

Получается, что как дух Гегеля так и материя Маркса — одинокого далеки как от метафизики интеллекта рационалистов, так и от эмпиризма позитивистов.

5. Если эмпирики честно признают какие следствия для теории познания имеет позиция материализма, — субъективизм, скептицизм, то материализм марксистов продолжает утверждать объективную реальность и доступность абсолютной истины. Это как раз то, что называется в истории эпистемологии догматизмом, софистикой и мистицизмом. И мы должны отметить особую роль в этом мистическом догматизме — диалектической логики, разработанной Гегелем и принятой Марксом. Гневная буря, с которой Ленин обрушивается в «Материализме и эмпириокритизме» на марксистов, посмевших принять выводы эмпириков

о субъективности и скептицизме, вытекающие из позиции материалистов как раз со всей красноречивостью доказывает несопоставимость этих позиций.

Если эмпирики остаются учеными, ищущими правильный метод в науке, то диалектика Гегеля и материализм Маркса такая же мистика таинственного и всемогущего самодвижения субстанции как, скажем, мистика христианской философии.

Понятие практики, которое марксисты вводят для преодоления проблемы индукции, поставленной Юмом, на деле оказывается такой же фикцией, такой же химерой в роли опытного контроля теории, как диалектика в роли логики. На аргумент Юма о том, что причинные связи нигде в природе невозможно наблюдать, а значит не опыт утверждает нас в правильности сделанных обобщений, марксисты вводят термин практики. Здесь опыт это не наблюдение причинных связей, а обратное воздействие на практику, которое доказывает связь с теорией.

Но поскольку это обратное воздействие практики на действительность по ходу меняет и саму действительность и следовательно теорию, поскольку законы природы, отраженные в теории тоже текучи, подверженные самодвижению диалектики материи, то понятно, что практика превращается в простую фикцию, а диалектика в «железобетонный догматизм» по удачному выражению Поппера.

4. РАЦИОНАЛИСТЫ, ЭМПИРИКИ И ЭНЕРГЕТИКА ОСТВАЛЬДА

1. Рационализм начинается с разработанной теории метафизики интеллекта, которая в свою очередь окончательно оформляется впервые в теории идей Платона. Тот факт, что наш тленный и текучий мир, в котором со времен Гераклита все стали замечать постоянную изменчивость имеет в своей основе некую единую и неизменную сущность стал великим открытием древних греков, которому они сами не могли надивиться.

Однако, идеи Платона — это еще не законы движения материи, хотя Платон правильно писал о том, что они сущность

материи. Поэтому стала возможной критика Аристотеля, не захотевшего признавать метафизику интеллекта и вернувшего идеи вещам. Действительно «форма» космоса как законов его движения, как различных природных энергий, которые мы можем «увидеть» только мышлением и «форма» конкретных вещей, которые мы видим обычным зрением — это очень разные точки зрения. Если законы движения легко соотнести с опытом путем наличия контроля над силой открытой энергии, то с «формой вещи» ничего подобного не получится проделать. Таким образом, рационализм на первых этапах своего формирования еще уязвим с позиций оторванности от опыта.

Не пренебрегали совсем первые рационалисты и индукцией, природа активно исследовалась, анализировалась, но это был первый опыт, пока очень мало связанный с теорией познания.

В целом, ограниченность раннего рационализма — это утверждение приоритета интуитивного познания или дискурса дедукции, что отрывало знание от опыта и вносило элементы мистицизма в метафизику интеллекта, унаследованные позже Декартом, Спинозой и Лейбницем.

Эмпирики также не могли справиться с проблемой обоснования теории опытом, что нашло выражение в проблеме индукции окончательно сформулированной у Юма. Помимо этого, как можно видеть из философии Канта и др эмпирики никак не могли преодолеть проблемы субъективизма, так как трактовали разум как рядовую часть материи.

Очевидно, что метафизика интеллекта не в образе теории идей Платона, а в образе Энергетики, трактующей метафизику сущего как законы движения материи способна решить проблему индукции и соединить рационализм с эмпиризмом, очистив и тот и другой от мистики.

Энергетику, предлагающую рассматривать мир как совокупность различных природных энергий (законы движения материи) предложил в свое время эмпирик Оствальд, друг известного теоретика эмпиризма Эрнста Маха. Понятно, что будучи

эмпириком он не мог трактовать понятие «Энергия» как совокупность законов движения, что есть чисто рационалистическое определение энергии. В результате его энергетика оказалась надуманной и неприемлемой и была справедливо раскритикована как рационалистами, так и материалистами (Планк, Эйнштейн, Ленин).

Если же принять теорию идей Платона с поправкой на конкретное определение сущности вещей как законов движения, то мы сможем совместить рационализм с эмпиризмом в Энергетике, как новой теории познания.

Здесь преодолевается как проблема индукции Юма, так и ограниченность рационалистической дедукции и связь опыта с теорией получает совершенно новую формулировку: как контроль силы, открытой энергии (законов ее движения).

2. Мы ставим задачу в этой книге доказать, что следующие две группы понятий взаимосвязаны и взаимообусловленны:

— Метафизика, объективная реальность, идеализм, активный и пассивный интеллект, познание, наука, опыт, индукция и дедукция, контроль теории опытом

— Материализм, мистика, субъективизм, отражение, скептицизм, догматизм, софистика.

3. Очевидно, что положение вещей, которые мы до сих пор имели в эпистемологии есть не больше не меньше как кризис теории познания.

В итоге, рационализм трактуется с кантовской развязностью и доходит до мистики всемогущего Я, устанавливающего самому себе законы, а «науки о духе» с его легкой руки, отделяются от «естественных наук», в которых все же признается детерминация природы. Карл Поппер на этой основе разделяет гуманитарные и естественные дисциплины, как право (юридизм) и, собственно, науку. Огюст Конт вообще исключает психологию из своей иерархии наук, так как со времен Юма эмпирики «рассеивают» субстанцию Я, которую тот объявил не более чем пучком текучих ощущений. Гордон Олпорт вынужден был заявить,

что упразднение «Я» в психологии имело далеко идущие негативные последствия.

Вторая характерная особенность современного состояния теории познания в том, что знание выставляют как «служанку биологии». Если в средневековье о разуме говорили как о «служанке теологии», то теперь на место христианской мистики стала мистика материализма. Например Карл Поппер пишет о знании как об эволюционном процессе приспособления к окружающей среде, свойственном человеку как специфическому биологическому виду, приспосабливающегося смекалкой вместо когтей и челюстей. Понятно, что в такой интерпретации уничтожается понятие интеллекта как объективной реальности и на его место становится субъективизм «отражения»: отражение животного также хорошо и также субъективно как отражение человека.

Наконец, такое положение вещей не могло не привести к агностицизму как признанию принципиальной непознаваемости мира. Выше мы говорили, что познание возможно только на основе признания метафизики интеллекта. Поэтому современные теории знания — от парадигм Томаса Куна, эволюционной эпистемологии Карла Поппера и до «дискурсионой формации» Фуко — это отказ признавать линейное развитие знания, «кумулятивный характер» и общую логику развития. Туда же относится и историцизм Гегеля и Маркса. В результате на место прогресса в познании предлагается теория «прерывностей», отдельных «эпистем», не связанных логически с другими эпистемами хронологического ряда. Надо сказать, что иерархия наук Огюста Конта в данном случае является почетным исключением и вкупе с энергетикой Оствальда может содействовать становлению рационалистической теории познания.

5. ВЫВОДЫ ИЗ МЕТАФИЗИКИ ИНТЕЛЛЕКТА, КОТОРЫЕ БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ В ЭТОЙ КНИГЕ

1. Разум человека, трактуемый не как психологическая субъективность человека, а как неотъемлемая часть мирового интеллекта, как активная его сторона, мышление, предназначенное для познания пассивной — законов природы, говорит об особом статусе психической энергии человека.

Человек не есть рядовая энергия среди других энергий природы, его способность видеть и познавать законы движения материи (законы движения других энергий и своей собственной) дает ему доступ к силе космоса через контроль этих энергий. Поэтому психическая энергия человека (не вся, а только разумная ее часть) имеет статус контрольной энергии, в то время как все прочие энергии природы, обладающие только пассивным интеллектом — детерминированные энергии.

Таким образом, метафизика интеллекта предстает в качестве пространства и времени движения самого человека, жизненный путь которого состоит в познании законов природы.

Это значит, что человек движется как в физическом мире, так и в пространстве интеллекта, в то время как животное обитает только в физическом мире. Пространство интеллекта — пространство законов природы, познавая эти законы человек движется в этом пространстве. Время этого пространства легко измерить, так как оно начинается с зарождением у человека способности мыслить и открывать законы природы и охватывает весь пройденный им путь — все знания, приобретенные человечеством. Время каждого отдельного человека равно количеству знаний, которые он постиг из всей суммы накопленного человеческого знания.

Способность квантов (микрочастиц, открытых в физике) выходить за пределы пространства-времени физического мира (то есть нарушать физические законы) стали трактовать как веский аргумент в пользу отсутствия единых законов природы и объективной реальности вообще. В свое время Эйнштейн которому

пришлось столкнуться с этой проблемой не стал уступать эмпирикам и остался на позиции рационализма, утверждая объективную действительность и возможность ее познания. Он также заявил, что решение этой проблемы будет связано с решением какой то более крупной задачи. Действительно, если открытие психической энергии и становление Энергетики Оствальда как современной теории познания можно считать такой крупной проблемой, то его пророчество оправдалось.

2. Огюст Конт представил эволюцию человечества в качестве трех стадий развития сознания: мистической, метафизической и научной. Но если Милль прав в том, что последнюю научную (позитивную) ему следовало назвать феноменальной в связи с тем, что он вслед за Кантом не признавал объективной действительности познаваемых явлений, то в отношении энергетики и метафизики интеллекта правильно говорить именно научная стадия.

В отношении метафизики наши представления с Контом резко расходятся. Вторая стадия в энергетике зовется диалектической или софистической, что одно и то же.

Периодизация стадий развития сознания в энергетике основано на той самой «субстанции Я», которую «изгнал Юм» и которую отказался признавать Огюст Конт.

— Мистическое Я: первобытное сознание, поле Эгосистемы Эго и СуперЭго З. Фрейда

— Диалектическое (софистическое) Я: шизоидное сознание, интеллектуальная эгозащита на поле Эгосистемы. Эрнст Кречмер, А. Кемпинский, К. Ясперс и др

— Научное Я: гуманистическое сознание, гуманистическая психология, полюса активного и пассивного интеллекта вместо поля Эгосистемы.

Здесь нужно особенно упомянуть Фихте, разработавшего концепцию поля Эгосистемы как взаимосвязанных и противопоставленных элементов Я и не-Я. Если Фихте не сыграл никакой роли в развитии метафизики интеллекта или теории познания, то его философия оказалась блестящей теорией психологии.

О парадигмах Томаса Куна можно сказать, что если это понятие не уместно в теории познания, где речь идет о прогрессе объективного знания, то смена парадигм с точки зрения софистически-диалектического сознания вполне удачное психологическое объяснение смены мировоззрения субъективистского сознания.

3. Наконец, с метафизикой интеллекта в полный рост встает религиозный вопрос. Выше мы уже видели, что идея Гегеля о развитии религии от мистических тотемов к языческим богам и абстракция софистов, одним из которых был он сам, а оттуда к христианству не приемлема, поскольку между этими уровнями сознания нет связи: мистика и софистика — это активность поля эгосистемы, то есть детерминированной энергии психики.

И только научное знание — это поле активного и пассивного полюсов интеллекта, так что становление религии идет параллельно со становлением науки, в полном соответствии с утверждением Эйнштейна об их тождестве. Это также объяснит нам религиозную метафизику многих других физиков: известно что Декарт, Лейбниц, Ньютон, Спиноза, Максвелл, Фарадей, Больцман, Планк и многие другие были метафизиками (но не мистиками!)

Мы можем видеть со времен Пифагора, что религия представляет тесную смесь мистики и метафизики и что по мере продвижения познания, религия все больше очищается от мистики и все больше приближается к науке. Наверное о такой религии говорил Эйнштейн как о новой религии, представители которой являются абсолютными безбожниками для старой.

Этот бунт против мистики в религии можно наблюдать уже в Евангелии: Лев Толстой посвятил свою книгу о четырех Евангелиях исследованию пути Христа как бунта против мистики старого завета. Об этом же упоминал позднее и Лютер, когда папская церковь стала винить его в бунте против церкви, Лютер сравнил с себя с Христом, который тоже в свое время восстал против мистики. В целом исследователи движения Реформации все в один голос признают ее огромное значение для

раскрепощения мысли, совести, освобождения человека от мистики и магии католицизма, не говоря уже о ее влияние на становление современных демократических государствах. Следует также отметить, что уже в средневековых католических монастырях шла интенсивная умственная работа, анализ античного наследия и выработка христианской философии. Философия Аристотеля, «великого систематизатора античности», а вовсе не мистика каких-нибудь абориген положена в основу этой философии. Это говорит о активных поисках рациональной метафизике и очищении ее от мистики.

Как представляется движение протестантизма, ставшее квинтэссенцией этого поиска только в стадии своего становления и дальнейшая рефлексия христианства приведет его к тождеству с наукой как метафизикой интеллекта.

ГЛАВА 2. АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ ПОЛЮСА ИНТЕЛЛЕКТА У РАЦИОНАЛИСТОВ

«Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благости мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной».

Ф. Бэкон Новый органон

В литературе по теории познания принято смешивать направления рационализма и эмпиризма. Например, рационализм определяется как философское направление, признающее разум основой познания, а эмпиризм как теория о том, что все наше знание основано на опыте. Поскольку ни те ни другие не пренебрегают разумом и опытом, провести разграничительную линию между этими двумя теориями познания оказывается просто невозможным. Как следствие, вопрос окончательно запутывается.

Однако, на деле между рационализмом и эмпиризмом существует принципиальная разница, несмотря на то, что и то и другое направления не обходятся без разума и опыта. Кто бы сказал, что Декарт и Лейбниц не признавали опыт неотъемлемой частью познания? А Юм, Конт или Мах отказывались от разума?

В чем же тогда принципиальное различие между ними?

Рационализм основан на признании Метафизики Интеллекта, то есть некоей онтологии Интеллекта, лежащей в основе мироздания. В этом случае разум становится частью этой бо-

жественной сущности, врожденной способностью человека к познанию законов природы, установленных богом. Поэтому познание в основе своей есть стремление к познанию истины ради самой истины, и только отчасти и по необходимости обслуживание своих биологических нужд (тоже для того чтобы сохранить здоровье и иметь возможность заниматься истинной целью своего существования, познанием и контролем). Понятно, что в этом случае, человек способен к познанию истины, если понимать под истинной заложенные в основе материального мира законы движения. И что без опыта ему никак не открыть этой истины.

Эмпирики эту онтологию Интеллекта отрицают, поэтому в их интерпретации разум, как познающая способность человека, имеет качественно другое значение. Просто как способность обобщения опыта животного в процессе приспособления к среде обитания и с целью приспособления к этой среде обитания. Здесь разум сводится на роль служанки биологии. Понятно, что в этом случае, познание будет только отражением животного своей среды, искаженным и неполным.

Между этими двумя позициями находятся интеллектуальные мистики, люди, которых принято называть софистами, диалектиками или догматиками, в силу того, что разум и опыт получают произвольные толкования и совершенно отвлекаются друг от друга.

Так, если для рационалистов характерно строгое разделение метафизики интеллекта на два полюса — активный и пассивный интеллект, то есть на законы природы с одной стороны и способность мышления открывать эти законы с другой стороны, то для мистиков-диалектиков разум всегда представлен единой субстанцией, самоопределяющейся и ничем не ограниченной в своей фантазии.

Таков неподвижный двигатель Аристотеля, который есть «мышление о мышление» и «мыслит себя», таков схоластический бог христиан, таков Дух-абсолют у Гегеля, такова диалектическая материя Маркса. Поэтому разум приобретает третье зна-

чение, отличное как от рационалистов, так и от эмпириков. Это известная характеристика философии схоластов как «служанки теологии», или служанки мистики» в более общем случае, поскольку ее цель абстрактная логика в доказательстве произвольных догматов положенных в основании какого-либо «диалектического единого». Это уже не конкретное понятие, как например инструмент постижения законов природы (движения) или инструмент для обслуживания биологических нужд человека, а некое таинственное «Ничто», поскольку то что само себя определяет и всегда находится в процессе становления и изменения не может быть никак определено. Поэтому мы говорим о диалектической (софистической, формальной) абстракции космоса, «универсалии» как о мистике, не имеющей отношения к науке. В отличие как от рационализма, так и от эмпиризма.

Поэтому очень важно не смешивать рационализм с мистиками-диалектиками, ибо первое — наука, а второе — софистика и догматизм. Это тем более важно, что Огюст Конт и широкое направление позитивизма, которое открыли его работы, обобщили метафизику рационалистов и мистику софистов как лженауку.

Итак, сформулируем еще раз в чем характерное отличие рационалистов от эмпириков и мистиков-софистов.

Рационалисты в процессе познания выделяют два противоположных полюса Интеллекта: активный интеллект (мышление) и пассивный интеллект (законы природы). Законы природы изначально даны и неизменны, таким образом наш разум, который их познает, тоже задан конечной определенностью и неизменностью этих законов и должен постоянно считаться с опытом, чтобы иметь доступ к ним и открыть эти законы в конечном итоге. Мы всегда можем проверить наши научные изыскания доступом к законам природы, контролем открытых природных энергий на практике.

В связи с таким четким определением рационализма мы можем наглядно видеть, что Френсис Бэкон, также как епископ Беркли или Джон Локк оказываются рационалистами, тогда как

их принято было относить к эмпирикам. Френсис Бэкон открыто и недвусмысленно критикует эмпиризм в «Новом органоне» (хотя совершенно справедливо еще больше достается от него диалектике Аристотеля и теологии).

Мы привели его цитату в качестве эпилога к этой главе, со всей очевидностью демонстрирующей его позицию Метафизики Интеллекта и двух полюсов этого Интеллекта:

> «Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благости мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной».

Это сравнение единения активного и пассивного интеллекта в процессе познания со свадьбой встречается у многих мыслителей: так Платон говорит о том, что мы стремимся с пылом влюбленных к истине, и Ницше называет себя женихом истины, а Томас Пейн пишет о Франклине как о любовнике истины и тд и тп

Здесь же Бэкон очень определенно говорит о неизменной природе вещей, как интеллектуальной форме материи, выражающей ее существо и о Духе, как природного, врожденного ума, способного к постижению и открытию этой формы. Его упоминание божественной благости не есть противоречивой с полемикой против мистики теологии: онтология интеллекта прямо противоположна интеллектуальной мистике софистов. И далее он пишет в том же духе, так что ни у кого не может возникнуть сомнения, что ученый, известный в истории гносеологии как пионер и основатель эмпиризма, на самом деле всегда был рационалистом (и что пользование индукцией ни в коем случае не делает человека эмпириком, как пользование дедукцией рационалистом):

> «Но если тот обычный способ суждения диалектиков был так хлопотлив и утомлял такие умы, то насколько больше придется трудиться, при этом другом способе, который извлекается из глубин духа, но также и из недр природы?

Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет *метафизику,* а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет *физику*.

Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать *форму* данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения (ибо таковы имеющиеся у нас слова, более всего приближающиеся к обозначению этой цели).
Тот же, кто знает формы, — тот охватывает единство природы в несходных материях. И следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было, чего никогда не привели бы к осуществлению ни ход природных явлений, ни искусственные опыты, ни самый случай и что никогда не представилось бы человеческому мышлению. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие.

XX
Разум, предоставленный самому себе, вступает на тот же путь, на какой ведут правила диалектики, а именно на первый. Ибо дух стремится подняться к наиболее общему, чтобы там успокоиться, и слишком скоро начинает пренебрегать опытом. Но это зло еще увеличила диалектика своими пышными диспутами.

XXI
Разум, предоставленный самому себе, если это ум трезвый, терпеливый и упорный (особенно, если *ему* не мешают усвоенные ранее учения), пытается отчасти идти по второму, истинному пути, но с малым успехом.
Ибо разум, если им не управляют и не помогают ему, бессилен и вовсе не способен преодолеть темноту вещей.

XXII
Оба эти пути исходят из ощущений и частностей и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частностей, другой надлежащим образом задерживается на них.
Один сразу же устанавливает некие общности, абстрактные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более сообразно природе.

> **XXIII**
> Немалое различие существует между идолами человеческого ума и идеями божественного разума, т. е. между пустыми мнениями и истинными признаками и подлинными чертами созданий природы, каковыми они открываются» Френсис Бэкон Новый Органон.

Разумеется, у ранних рационалистов, то есть в древнегреческой традиции, берущей начало у Пифагора и оформляющейся окончательно в теории идей Платона рационализм еще содержал хорошую примесь мистики, то есть того значения опыта, которое ему придавали уже Декарт и Лейбниц в Новое время, древние греки еще не знали. У Платона как известно много аргументации о том, что опыт или вовсе не нужен или даже может повредить истинному знанию, но тем не менее его теория идей — это безусловно метафизика интеллекта, как активного и пассивного полюсов, как мышления и законов природы, представляющих единое целое. Его законы природы неизменны, как сущность физического мира и только сам физический мир текуч и изменчив, а тяга ума к познанию врожденна и есть тяга однородных вещей (полюсов интеллекта друг к другу). В этом его радикальное отличие от мистики «диалектического материализма» Аристотеля, который уничтожает метафизику неизменных идей Платона и диалектически выводит свою единую материальную субстанцию, самоопределяющуюся и текучую подобно реке Гераклита.

Но и Платон в Тимее принимает знаменитую попытку анализа существа материи, за которую его особенно хвалил Гейзенберг.

> «Общий план мироздания он приписывает замыслу Демиурга. То же относится и ко всем небесным светилам: они были созданы в соответствии с общим планом. В остальном же все процессы совершаются как и у Демокрита, в соответствии с законами необходимости. Эти законы вскрываются Платоном в ходе анализа рядов процессов, которые по сути дела являются ничем иным, как процессами физико-химических превращений или фазовых переходов вещества. А что касается Гейзенберга, то он особенно подчеркивает близость концепций Платона современным тенденциям развития теории элемен-

> тарных частиц. Атомистическая концепция, изложенная в „Тимее“ Платона, не только стоит особняком в античной науке: она представляет собой поразительное, уникальное и в каких-то отношениях провидческое явление в истории европейского естествознания»

И. Рожанский Платон
и современная физика

Метафизику интеллекта как онтологию сущего Платон развивает в своей знаменитой концепции Блага — Демиурга, установившего полюса активного и пассивного интеллекта как одной единой субстанции:

> «— Так разве не будет уместно сказать в защиту нашего взгляда, что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу.
> Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и поистине жить, и питаться, и лишь таким образом избавится от бремени, но раньше — никак.
>
> — Вот и считай, что я утверждаю это и о том, что порождается благом, — ведь благо произвело его подобным самому себе: чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам.
> — Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума.
> — Похоже на это.
> — Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им

> и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой»

Платон Государство

С Декарта, как известно, начинается современная философия и вместе с ней то особое внимание опыту, которое принесло Просвещение Нового времени. Декарт безусловно пишет о познании как интуитивном и дедуктивном процессе математической логики, но он же тратит большую часть своего времени на опыты над животными и другие эксперименты. В результате чего он совместно с Гарвеем становится первооткрывателем кровообращения. Поэтому вовсе не приоритет дедукции и интуиции в его теории познания делает его рационалистом, а метафизика интеллекта, утверждаемая в его философии.

Это тот же Демиург Платона, установивший активный и пассивный полюса интеллекта, которые Декарт называет субстанцией и строго разделяет как активность мышления и детерминированную законами природы материю. «Духи» и «вещи», «мышление» и «материя», «субъект» и «объект» познания, «познающий» и «познаваемое», «сущность» и «существующее».

Отвлекаясь от философии рационалистов, мы можем сказать, что для теории познания совершенно неважно провозглашали ли философы своих Демиургов — Благом, целенаправленно несущим красоту и справедливость вселенной, подобно Платону и Лейбницу; или же подобно Декарту и Спинозе считали этого Демиурга основоположником механической детерминации вселенной, лишенной нравственный целей. Также неважна специфика онтологии их философии, то какую структуру получает сущее в их системе бытия — одной субстанции, двух или множества субстанций, как у Лейбница. Важно только, чтобы Демиург оставался метафизикой интеллекта, каковым он и предстает в философии всех рационалистов — создателем неизменных законов природы с одной стороны и способности к познанию этих законов, мышления — с другой.

Упразднив дуализм мышления и материи Декарта как субстанций, его последователи Спиноза и Лейбниц тем не менее сохраняют противопоставление мышления и протяжения как атрибутов, как параллелизма психического и физического миров. Таким образом, метафизика интеллекта Платона и Декарта полностью сохраняется в философии Спинозы и Лейбница, как в неизменном мире «сущностей», то есть установленных законов природы, так и в понимании познания как притяжения активного и пассивного полюсов интеллекта, «интеллектуальной любви к Богу», «свадебного убранства Духа и Вселенной».

«Царство разумных существ является сферой действия божественной любви, или благости, и потому есть царство благодати. Царство природы является сферой проявления божественной мудрости, направленной на достижение наибольшего метафизического совершенства, и потому должно быть названо царством физическим, или природным. Но при своей противоположности оба царства находятся между собой в самой строгой гармонии. Эта гармония сводится к гармонии «между Богом, рассматриваемым как строитель мировой машины, и Богом рассматриваемым как монарх божественного царства духов», — цитирует В. Беляев Лейбница в книге «Лейбниц и Спиноза».

> «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога,, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна»

В. Беляев Лейбниц и Спинозы

«Метафизика» Беркли, от обвинений в которой так яростно отмахивался Эрнст Мах, и которую так смакует Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», как выясняется, вовсе не является мистикой софистов, но стандартной метафизикой интеллекта рационалистов.

> «Это воспринимающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Этими словами я обозначаю

> не одну из своих идей, но вещь совершенно отличную от них, в которой они существуют или что тоже самое, которой они воспринимаются. Все наши идеи, ощущения или вещи, воспринимаемые нами, под какими бы именами мы их не рассматривали, очевидно, неактивны, в них нет никакой силы или деятельности. Само бытие идеи подразумевает пассивность или инертность.
> Дух есть простое нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется рассудком; как производящее их или иным способом действующее на них — волей».

Д. Беркли Трактат о принципах человеческого знания

> «Но какую бы власть я ни имел над моими собственными мыслями, я нахожу что идеи, действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в схожей зависимости от моей воли. Не суть создания моей воли. Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их. Те определенные правила и установленные методы, коими ум, от которого мы зависим, вызывает в нас идеи ощущений, называется законами природы; мы познаем их на опыте, который учит нас, что такие то и такие то идеи сопровождаются такими то идеями в обычном порядке вещей»

Д. Беркли Трактат о принципах человеческого знания

Как можно видеть из приведенных цитат, Беркли пишет о том же Демиурге, «уме», который производит «идеи» реального мира, и о познании как двух полюсах интеллекта: пассивного (законы природы, установленные этим божественным умом» и активного (духи, мыслящие субъекты, постигающие законы природы). В этом смысле философия Юма — это классическая теория познания рационализма.

Известно, что другой знаменитый «эмпирик» — Джон Локк, также признавал Демиурга, положившего в основе вселенной свои законы природы, а также ум, «душу», как врожденную способность мыслить, открывать законы природы. Да, безусловно, Локк автор большой теории, которая должна была бы объяснить происхождение всего знания из опыта, но ему как известно не удалось оставаться последовательным и непротиворечивым в этом своем предприятии. В конечном итоге, он вынужден пи-

сать вслед за Платоном, Декартом и Спинозой о математике как о врожденном, априорном знании.

> «Но не только рационалист Декарт учитывает особенности эмпирического естествознания, как бы „нисходит“ до него, но и эмпирик Локк „возвышается“ до ряда рационалистических высот. По мере того как Локк поднимался от эмпирического основания своей исходной идеи о чувственном происхождении знаний к объяснению рациональных познавательных способностей, к объяснению смысла теории истины и назначения науки, в его эмпирико-сенсуалистическом кафтане, с которым он тронулся в путь, появились зияющие прорехи. В частности, при объяснении природы математики Локк гораздо ближе Декарту и Спинозе, чем самому себе в исходном пункте осуществления задуманной программы. Это не значит, что Локк изменил эмпиризму, хотя при объяснении высших познавательных способностей он стал полурационалистом, полуэмпириком. Ни эмпиризм, ни рационализм вполне последовательно провести нельзя»

Г. Заиченко Джон Локк

Душа же, познающий «ум» с самого начала фигурирует в его философии как данность, нет и намека на «рассеянного субъекта» Юма, который свел «Я» к текучему пучку ощущений. Локк пишет о душе, которая воспринимает, об уме, который абстрагирует и анализирует. Он пишет о врожденной природе человеческой души, отраженной в философии гуманизма евангелия.

> «В случае с нравственными истинами Локк не терзается мучительными раздумьями в поисках эмпирических корней нравственных предписаний, так как по его схеме сама природа нравственных идей как „смешанных модусов“ отрывает их от действительности. О „смешанных модусах“ он пишет: „Ум часто прилагает активную силу при образовании таких различных сочетаний: запасшись однажды простыми идеями, он может складывать их в различные соединения и создавать таким образом множество разных сложных идей, не исследуя того, существуют ли они в таком сочетании в природе. Оттого-то, я думаю, такие идеи и называются „понятиями“, что они будто имеют в человеческих мыслях более подлинное и прочное существование, нежели в действительности вещей, и что для образования таких идей достаточно, чтобы ум соединил их части и чтобы они были согласны с разумом безотносительно к тому,

> имеют ли они какое-нибудь реальное бытие". Сейчас уместно ответить и на вопрос: в чем причина особого статуса тех истин, которые Локк связывал с сенситивным, наименее достоверным видом знания; каким образом в сенситивном виде знания может быть выделено как рациональный момент понимание истины как соответствия идей свойствам вещей? В своем учении об интуиции как самом достоверном виде знания Локк выделяет понимание интуиции как основы для познания бытия бога. С этой теологической уступкой связано противопоставление интуиции как основы для последующего доказательства существования бога сенситивному, наименее достоверному знанию единичных вещей».

Г. Заиченко Джон Локк

Можно видеть как марксистская традиция смешивает понятия рационализма и эмпиризма не умея провести принципиальной границы между этими двумя теориями познания, и ссылаясь по своему обыкновению на различия в приорите разума или чувств. Можно подумать, что Декарта обходился без опыта, а Локк без разума в своих теориях познания.

> «Сегодня уже весьма наивными выглядят попытки „ловить" Локка на том, что он не только допускает, но и исследует рациональные формы знания а рационалистов — на том, что они допускают и исследуют эмпирические формы знания. В каком же смысле тогда оправдано противопоставление этих программ? А в том, что в программе эмпиризма Локка источником знания о мире являются ощущения, опыт, а в программе рационализма Декарта — разум»

Г. Заиченко Джон Локк

На самом деле, «противопоставление этих программ», то есть рационализма и эмпиризма происходит, как мы указывали выше, из того принципиального момента — наличествует ли метафизика интеллекта, представляющая познание активным и пассивным полюсами интеллекта или нет. Во всех приведенных выше случаях, такая метафизика присутствует, а значит мы с полным правом можем определить авторов этих теорий как рационалистов, даже если предшествующая позиция веками относила Бэкона, Беркли и Локк к «эмпирикам».

ГЛАВА 3. МЕТАФИЗИКА И МИСТИКА У АРИСТОТЕЛЯ

1. Метафизика интеллекта, разум и дух
2. Спекулятивная мистика (софистика, диалектика, догматизм)
3. Материализм и эмпиризм Аристотеля

«Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма как идеализма вообще»

В. Ленин

1. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА, РАЗУМ И ДУХ

Мы уже видели как по разному может трактоваться понятие разума в зависимости от того стоит ли человек на позиции рационализма, эмпиризма или же мистики (догматизма, софистики).

Так же беспощадно склоняли понятия «метафизики» и «духа». Поэтому необходимо дать четкое определение этим терминам и противопоставить их определениям, принятым в других системах.

Если понимать интеллект как заданную форму материи, тогда интеллект — это законы движения природы. А познание — это способность видеть форму материи, способность открывать законы движения материи через анализ этой материи (индукцию и дедукцию). Таким образом, разум человека получает очень четкое определение, вытекающее из определения материи как движения, а интеллекта как законов этого движения (сущности, формы, идеи).

Понятно, что если мы признаем наличие такой интеллектуальной формы, если мы признаем единые и неизменные законы движения материи, то мы признаем некую «метафизику», «идеальный» или мир. Признаем не в смысле его отрыва от природы,

поскольку законы движения не могут быть чем то принципиально иным, нежели само это движение, а в смысле интеллекта как некоего самостоятельного базиса существования материи. Никакой другой метафизики кроме интеллектуальных законов, лежащих в основе движения материи нет, и быть не может. Все «лешие и домовые», которыми Ленин пугает идеалистов, столь же материальны, как и он сам, поскольку не имеют никакого отношения к интеллекту. Равно и мистика первобытного сознания абориген, которая наделяла животных всесилием и поклонялась им — абсолютно материальна. Что может быть материальнее силы? Пусть даже несколько преувеличенной в воображении.

Другое дело закономерности интеллекта, не доступные физическому восприятию и могущие быть воспринятыми только другим таким же интеллектом.

Остается определиться с таким важнейшим понятием в истории человечества как Дух. О Духе начали писать пифагорейцы, элеаты и академики, продолжили картезианцы, спинозисты, Лейбниц. Гегель и Толстой писали о духе, анализируя философию Евангелия. Философия Духа становится центральной темой схоластического средневековья, и получает свое развитие в немецкой философии. Но тождественен ли этот дух самому себе в этих различных философиях?

Из метафизики интеллекта можно сделать вывод о духе, как особой природной энергии, специфика которой связана с ее способностью познания и контроля. Это энергия разума, способная к контролю всех прочих детерминированных энергий космоса и доступу к их силе. Понятно, что уничтожение метафизики как интеллектуальной формы космоса, или разума как способности видеть и контролировать эту форму в чьей-либо философии будет означать и уничтожение духа, как особой энергии человека, вытекающей из его причастности метафизике.

В этой связи хотелось бы сказать, забегая вперед, что когда Бертран Рассел пишет, что открытием Канта стала метафизика, основанная на морали — он ошибается, потому что нет и не может быть никакой метафизики, кроме интеллектуальной. Кант

в отчаянной попытке совместить несовместимое — рационализм с эмпиризмом — просто стал одним из тех, кто вбил еще один железный гвоздь в крышку гроба метафизики интеллекта. И как всегда бывает в таких случаях, оказал большое содействие диалектике, в том смысле этого термина, в котором он сам его определяет (софистика).

2. СПЕКУЛЯТИВНАЯ МИСТИКА (СОФИСТИКА, ДИАЛЕКТИКА, ДОГМАТИЗМ)

Мистиками были аборигены: первобытное сознание насквозь мистично. Я писала об освещение этой темы у Леви-Брюля и Дюркгейма. Фрейд рассмотрел сознание aбориген как «поле Эгосистемы»: противопоставленные и системно связанные психические фигуры Эго и СуперЭго.

Знаменитое Я и не-Я Фихте с поразительной проницательностью характеризует это поле Эгосистемы (об этом подробнее позже). Однако, у Фихте речь уже идет не просто о мистике, а о спекулятивной мистике. Спекулятивная мистика отличается от мистики абориген включением в процесс Эгозащиты — логики; то есть если эгозащита абориген это магия, колдовство, поклонение тотемам, страх сверхъестественных сил и тп, то спекулятивная эгозащита — это построение формально-логических систем (философий в том числе) о победе Эго над СуперЭго, Я над не-Я.

Отсюда очевидно, чем спекулятивная эгозащита отличается от науки, то есть от метафизики интеллекта: она оторвана от реальности, от внешнего мира и законов природы в его основе и занята фантазиями и играми воображения на поле Эгосистемы. Именно поэтому, и та мистика, которая использует логику, это тоже в конечном итоге только мистика и ничего больше.

Хорошо сказал об этом Кьеркегор:

> «Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает; Далеко не преуспев в том, чтобы все более и более быть собою, оно проявляется, напротив, все более

> и более как гипотетичное Я. при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь, в конце концов, все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, этот человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству»

Кьеркегор Болезнь к смерти

Действительно, мы сможем убедиться, что абсолютная свобода спекулятивной мистики только игра больного воображения. Отсюда очевидно, насколько нелепо смешивать под термином «метафизики», как это делается с легкой руки позитивистов, метафизику интеллекта, имеющую дело с законами природы с одной стороны, и спекулятивную мистику, являющуюся порождением поля эгосистемы человека, то есть детерминированной энергии психики, с другой стороны.

Несмотря на тот факт, что изобретателем самого термина «метафизика», то есть внеприродное или надприродное, считается Аристотель, именно он превратил метафизику интеллекта в мистику материализма, сведя на нет, таким образом, открытие

пифагоро-платоновской школы на долгие столетия и даже тысячелетия.

Философия Аристотеля — это эклектика стихийного эмпиризма с одной стороны и становление мистики материализма с другой стороны. Если рационализм Платона в Новое время развивали Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон, Беркли, Локк, Ньютон, Эйнштейн и др. рационалисты, то мистику Аристотеля унаследовали Кант, Фихте, Гегель, Маркс, Ленин, Шопенгауэр, Ницше, Сартр, Хайдеггер и все последующее антиинтеллектуалистское направление философии.

3. МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИЗМ АРИСТОТЕЛЯ

Легко доказать, что «метафизика» Аристотеля была на самом деле мистикой, поскольку метафизика имеет дело с законами природы и врожденными способностями мышления, а мистика — с воображением и софизмами. В первом случае речь о законах движения и доступе к природным энергиям, во втором случае речь идет об абстрактных количественных силах и иллюстрациях «искаженного опыта»: в точности как впоследствии делали марксисты-ленинисты. Аристотель в пику всем рационалистам, считавшим математическое знание самым очевидным врожденным инструментом мышления отказывает математике в статусе науки, по той причине, что ее выводы неизменны, и потому не могут отражать постоянно качественно меняющийся мир. Там где детерминист Спиноза жестко подчеркивал качественную неизменность мира, Аристотель подчеркивает его изменчивость, отказываясь признавать детерминированность космоса. В своем трактате «О душе» он прямо становится на точку зрения эмпириков на ум как «чистую доску сознания», на которой опыт пишет свои письмена и трактует психику как часть биологии организма.

> «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: *софистика, эмпирика* и *суеверие*.
> Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как

> построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей **метафизике** он это вновь повторил под более торжественным **названием,** будто бы желая разбирать вещи, а не слова. **Пусть** не смутит кого-либо то, что в его книгах «О животных», «Проблемы» и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, **и** он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта»

Ф. Бэкон Новый органон

Платоновский синтез пифагорейской метафизики раз и навсегда положил в основу текучего потока Гераклита — единое и неизменное сущее, логику природы, интеллект, разграничив физику и метафизику движения, как неизменное и единое с одной стороны и изменчивое и множественное с другой.

Аристотель, смешивая в своем «гилеморфизме» форму и материю, сущность и вещь, метафизику и физику возвращается к гераклитовскому потоку, к материализму, а, следовательно, к скептицизму. То, что постоянно меняется, в основе чего нет чего-то постоянного и неизменного, то, что движется хаотично, вне всяких законов — познать невозможно. Аристотель говорит о движении только как о материальном процессе, а не как о движущейся материи с одной стороны и законах, обуславливающих это движение с другой: это перемещение, качественное и количественное изменение, возникновение и уничтожение. Весь длинный и нудный анализ движения в равной степени далек как от метафизики интеллекта с ее детерминированностью космоса причинными связями, так и от эмпиризма с его настойчивыми попытками ограничиваться индукцией в процессе познания.

Спекуляции Аристотеля берут широкий размах: переходя от категориального анализа, к причинам формы, материи, производства и цели, далее к потенциальной и актуальной материи, а оттуда к неподвижному двигателю, он рассказывает обо всем, о чем угодно, кроме общих законов движения материи и методах познания и контроля этих законов. Он заявляет, что законы материи в целом познать невозможно, а только реализацию тех или иных конкретных потенций, то есть движущуюся вещь, что законы подлунного мира радикально отличаются от законов надлунного. Вместо общих законов движения материи, он предлагает картину мира как единого механизма, движимого единым мощным неподвижным двигателем, совершенным и всесильным. Несовершенство и слабость всех прочих «конечных вещей» или субстанций приводится в движение этим внешним источником всесилия, которому они все стремятся подражать. Как можно видеть, в его картине мира нет ничего, что напоминало бы «материю, удовлетворяющую уравнениям физики»; нет даже намека на то, что его материя управляется некими уравнениями.

Знаменитый вывод его категориального анализа, о том, что «субстанция не есть эссенция», то есть что вещь не равна своей сущности и что сущности без вещей не существуют, позволяет ему раскритиковать «мир идей» Платона и противопоставить ему материализм «гилеморфизма», то есть нераздельности вещи и ее сущности. Бертран Рассел пишет, что это заслуга Аристотеля, который увидел очевидную нелепость в философии Платона, не понимавшего, что универсалии есть просто способность абстракции и существуют только в уме человека. Безусловно, те абстракции, о которых тогда шла речь, как стадии в мыслительной обработке информации. Сама же метафизика интеллекта как законы движения не могла быть только абстракциями ума, иначе процесс познания становился невозможным. Законы природы или существуют реально, или все наше познание иллюзия. Он часто пишет что, разделение вещей и их сущности (идей) происходит только в человеческом уме и не может иметь места

в космосе. Это прямое следствие замены познания на «отражение», замены полюсов интеллекта на отражение одной физической вещи в другой физической вещи. Аристотель упраздняет мир идей Платона, но продолжает считать себя создателем новой метафизики.

Однако, на самом деле на месте пифагоро-платоновского античного синтеза метафизики интеллекта становится спекулятивный материализм Аристотеля, софистика и догматизм. Его космическое движение — это не законы природы, а мистика противостояния абстрактных сил, Я и не-Я Фихте.

Его совершенный и всесильный неподвижный двигатель, к которому стремятся все вещи и в том числе люди в своем движении, тот же механизм количественного противостояния сил, о котором пишет Фихте, как о страдании Я пока оно не достигнет прогресса в обладании не-Я и не обхватит его всего. Так и у Аристотеля движение начинается не в силу законов природы, а из страдания, слабости и несовершенства вещей, влекущихся к силе и совершенству внешнего всемогущества, которое в свою очередь составляет самодостаточную субстанцию, «мышление о мышление» подобно «интеллигенции в себе» Фихте.

Из отрицания метафизики интеллекта, логично вытекает и скептицизм Аристотеля, в котором его особенно упрекал Эпикур. Если нет законов природы — их нельзя познать. Аристотель пишет об очень ограниченной способности познания у человека. Самого человека определяет как разумное животное, а душу как «форму» или идею тела, суть которое в том, чтобы быть двигателем тела. Так что не только душа без тела существовать не может, но и представить себе смысл существования души вне обслуживания биологии тела весьма проблематично.

Определив человека как животное, он сделал далеко идущие выводы для этики, противопоставив и здесь свою философию Сократу Платона. Если этика Платона знаменита своим интеллектуализмом и связывает добродетель с познанием, то Аристотель говорит о чистой доске сознания и об опыте, который рисует правила поведения в сознании подрастающей пси-

хики. Нет не только законов природы, но и врожденного ума, не только пассивного интеллекта, но и активного. Поэтому нет добра и зла, черту между которыми проводит интеллект и знание законов природы. Добродетель — это всего лишь «золотая середина» между крайностями в поведении. Аристотель прямо отрицает интеллектуалистский подход не только в этике, но и в политике. С Аристотеля начинается весь пафос «табула раса», «чистой доски сознания», лишенной врожденных идей, которые позже примут у Юма вид «рассеянного субъекта», отрицание существования «Я», и станут доводами в пользу бихевиоризма в психологии.

Государством должны управлять не философы Платона, а военные, и равенство неуместно, но должны быть классы, иерархия и рабы. Греки должны править неспособными к цивилизации варварами, и хорошо бы, чтобы его ученик Александр Македонский сумел осуществить эту мечту. Однако все закончилось печально: отравлением Александра и обвинением Аристотеля в предательстве эллинской свободы и родины в пользу македонцев.

Влияние Аристотеля на средневековую схоластику общеизвестно. Темные века средневековья создали тот тип спекулятивной мистики и железобетонного догматизма, об который долгое время разбивались все попытки научного исследования. Именно поэтому в Новое время вместе со спекулятивной мистикой снесли и метафизику интеллекта как колоссальное препятствие на пути науки. Цель этой книги показать глубокое заблуждение в отождествлении метафизики интеллекта и спекулятивной мистики.

ГЛАВА 4. ЭМПИРИЗМ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

1. Объективная реальность и пространство интеллекта
2. Эмпиризм как отказ от метафизики интеллекта
3. Проблема индукции Давида Юма
4. Объективная реальность и материализм
5. Эмпиризм и современная наука

«Эмпирическая школа философов выводит еще более нелепые и невежественные суждения, чем школа софистов или рационалистов, потому что эти суждения основаны не на свете обычных понятий (кои хотя и слабы и поверхностны, но все же некоторым образом всеобщи и относятся ко многому), но на узости и смутности немногих опытов. И вот, такая философия кажется вероятной и почти несомненной тем, кто ежедневно занимается такого рода опытами и развращает ими свое воображение; всем же остальным она кажется невероятной и пустой. Но пренебречь предосторожностью против такого рода философий не следует. Ибо я уже предчувствую и предсказываю, что если люди, побужденные нашими указаниями и распростившись с софистическими учениями, серьезно займутся опытом, то тогда, вследствие преждевременной и торопливой горячности разума и его стремления вознестись

к общему и к началам вещей, возможно, возникнет большая опасность от философий этого рода»

Ф. Бэкон Новый органон

1. ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТА

Спор об объективной реальности — очень важный спор. Способны ли мы видеть мир таким каков он есть, то есть познавать его, или же мы способны только к отражению, то есть искаженному восприятию одной части материи в другой ее части?

Тут весь вопрос состоит в том, что значит познать таким, каков он есть на самом деле? Это значит наличие законов природы, законов движения материи и способности познавать эти законы. Понятно, что в этом случае объективная реальность существует, также как существует объективное мышление человека, способное постигать эти законы.

Но в этом случае мы говорим об онтологии интеллекта, о метафизике, о пространстве интеллекта, доступ в который и означает процесс познания.

В этом случае материя уже не является самостоятельной реальностью, но проявлением реальности интеллекта. Она представлена в ощущениях, как элементы опыта, из которого мы можем приходить к открытию, положенных в основе этой материи законов движения.

Вот почему для рационалистов, признававших метафизику интеллекта, вопрос о доступности абсолютной истины всегда решался положительно. И почему материя, как самостоятельная субстанция не признавалась ни Платоном, ни Декартом, ни Беркли. Вот как пишет об этом Беркли:

> «Вы скажете, есть много вещей, объяснимых посредством материи и движения; уберите их, и разрушится вся корпускулярная философия, подрываются те механические принципы, которые были с таким успехом применяемы к объяснению явлений. Короче говоря, какие бы успехи ни были сделаны как древними, так и новыми философами

> в деле изучения природы, все они исходят из предположения, что телесная субстанция или материя действительно существует. На это я отвечаю: нет ни одного явления, объясненного этим предположением, которое не могло бы быть объяснено без него, что легко доказать при помощи индукции из конкретных примеров. Если слово „материя" понимать в житейском смысле как комбинацию чувственных качеств, таких как протяженность, плотность, вес и др, то меня нельзя обвинять в уничтожении материи. Но если понимать в философском смысле как „субстанцию материи" — как основу акциденций и качеств вне ума, — то тогда я действительно признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало»

Д. Беркли Трактат о принципах человеческого знания

Как мы можем видеть Беркли, как и другие рационалисты, нигде не отрицает материи как чувственного мира, он отрицает философскую абстракцию материи как самопроизвольного движения: это и означает его термин «вне ума». Субстанция детерминированная не законами интеллекта, а чем то «вне ума», что он называет «ничто».

Дуализм системы Платона также резко проводит эту черту между поток гераклитовой реки мира, то есть физического мира и неизменными законами интеллекта, которыми детерминирован этот поток. Для него также как для всех прочих рационалистов, объективная реальность есть реальность онтологии интеллекта, а материя есть только проявления, модусы, акциденции этого интеллекта.

Например, Декарт писал в ответ на возражения Гоббса: «реальности возможны большие и меньшие именно в той степени, в какой субстанция реальнее, чем модус. Если, наконец, существует бесконечная и независимая субстанция, то она еще более реальна, чем конечная и зависимая».

В этом и состоит существо познания как особой специфики взаимодействия человека и мира: принадлежности человека к этой онтологии интеллекта, его способность видеть законы природы, лежащие в основе движения космоса и таким образом быть вхожими в пространство интеллекта.

2. ЭМПИРИЗМ КАК ОТКАЗ ОТ МЕТАФИЗИКИ ИНТЕЛЛЕКТА

Логично, что когда Эрнст Мах снес всю рационалистическую крышу философии Беркли о космическом разуме, установившем законы природы и уме человека, как способности видеть и понимать эти законы, и оставил только отрицание материи, как объективной реальности, — ему пришлось стать на позиции субъективизма и агностицизма. Эта общая для всех эмпириков позиция, которая прямо следует из уничтожения метафизики интеллекта, и тот факт, что эмпирики признают эти следствия отказа от метафизики (в отличие например от Маркса и Ленина), говорит об их интеллектуальной честности, или более строгой логике.

Позиция материализма — это позиция, которая объявляет человека заложником некоей самопроизвольной силы, находящейся «вне ума», движение которого либо хаотично, либо недоступно познанию, либо доступно искаженно и очень ограничено. В этом случае, человека трактуют не как Духа, не как психическую энергию рационализма, а как животное, мозг и нервы с функциями отражения и приспособления к окружающей среде. Отсюда автоматически следует замена процесса познания как «вхожести» интеллекта человека в пространство онтологии интеллекта — на искаженное отражение одного куска материи в другом куске, подобно тому например как некоторые змеи воспринимают среду по температурным характеристикам. Человек и становится таким заурядным животным, способным к отражению среды своей обитания (что мы уже наблюдали у Аристотеля) и перестает быть Духом Платона, способного видеть онтологию интеллекта.

Ленин был возмущен этими следствиями субъективизма и агностицизма, которые логично влечет за собой философия материализма, и старается отстоять объективную реальность и доступность научного знания в «Материализме и эмпириокритицизме», несмотря на очевидность несовместимости объективности и науки с позицией материализма. Он противопоставляет мнение Фейербаха эмпирикам, откровенно заявившим, что без

метафизики интеллекта мир делится на «явления» (феномены), то есть на то как искажается материальный мир в нашем восприятии, и на «вещи в себе», то есть на то, каковы они на самом деле. И что только первое нам доступно, но не второе. Фейербах возражает, что причина только в органической разнице различных физических вещей, искажающих природу друг друга при восприятии.

> «Фейербах очень остроумно и наглядно поясняет, как нелепо принимать какой-то «трансцензус» от мира явлений к миру в себе, какую-то непереходимую пропасть, созданную попами и перенятую у них профессорами философии. Вот одно из таких пояснений: «Конечно, произведения фантазии тоже — произведения природы, ибо и сила фантазии, подобно всем остальным силам человека, есть в последнем счете (zuletzt), по своей основе, по своему происхождению сила природы, но тем не менее человек есть существо, отличающееся от солнца, луны и звезд, от камней, животных и растений, одним словом, — от всех тех существ (Wesen), которые он обозначает общим термином: природа, — и, следовательно, представления (Bilder) человека о солнце, луне и звездах и о всех остальных существах природы (Naturwesen), хотя и эти представления суть произведения природы, но *другие* произведения, отличающиеся от их предметов в природе» «... Так и человек есть существо природы (Naturwesen), подобно солнцу, звезде, растению, животному, камню, но тем не менее он отличается от природы и, следовательно, природа в голове и в сердце человека отличается от природы вне человеческой головы и вне человеческого сердца... И если даже между человеком и человеком, между мышлением и мышлением есть такая разница, которую нельзя игнорировать, то насколько больше должна быть разница между немыслящим, нечеловеческим, нетождественным с нами существом самим по себе (Wesen an sich) и тем же самым существом, как мы его мыслим, представляем и понимаем?»

В. Ленин Материализм
и эмпириокритицизм

Так и есть, непонятно только почему это аргумент в пользу Ленина, тогда как наоборот железобетонное доказательство недоступности «вещи в себе» вне метафизики интеллекта.

Однако, борьба за объективную реальность после уничтожения метафизики интеллекта вовсе не ограничилась противостоя-

нием марксистов и позитивистов. Самое драматичное развитие она имела в физике, когда открытие квантов разделило физиков на позитивистов, отстаивавших субъективизм во главе с Бором и рационалистов, возглавляемых Эйнштейном, не желавших отказываться ни от метафизики интеллекта, ни от объективной реальности. Однако, в отличие от марксистов, материализм которых не позволял им говорить об объективной реальности, для позиции Эйнштейна, исходившего из рационализма Платона и Спинозы, это было вполне логично.

3. ПРОБЛЕМА ИНДУКЦИИ ДАВИДА ЮМА

Уже Беркли писал, что отказ от метафизики интеллекта, что предположение о некоей самопроизвольной материи «вне ума» неизбежно ведет к признанию «вещей в себе» недоступных познанию и таким образом, скептицизму и агностицизму. Однако, наиболее полно обобщил этот вывод Давид Юм, показав в своей книге, как эмпиризм ведет к скептицизму. Это обобщения Юма получило название «проблемы индукции» в философии. Бертран Рассел подчеркивает тот факт, что скептицизм Юма имел своим источником полный отказ от метафизики, в отличии от метафизика Локка, например:

> «У Локка философское направление, зачинателем которого он был, разработано еще не полностью; он признает ценными доводы Декарта относительно существования Бога. Беркли выдвинул совершенно новый аргумент, а Юм, который завершил новую философию, отвергал метафизику полностью и считал, что ничего нельзя раскрыть рассуждением о предметах, с которыми имеет дело метафизика. Этот взгляд господствовал в эмпирической школе»

Б. Рассел История западной философии

Отказавшись от метафизики, эмпирики вынуждены были заменить понятие познания, как встречу активного и пассивного полюсов интеллекта — понятием отражения, как восприятием одной физической вещи другой вещи, как искажение этой вещи, сущность которой остается недосягаемой (вещь в себе). Юм го-

ворит о том, что наблюдение последовательности явлений в природе не позволяет нам говорить о том, что мы видим законы интеллекта, причинно-следственные связи, а не просто повторяемость некоторой последовательности, которой завтра или сейчас уже может не быть. Солнце вставало каждое утро все это время, но не факт, что оно встанет завтра. Только тот факт, что часто повторяется одно и то же не говорит о том, что мы видим закон. Мы только приписываем этот закон природе в нашем воображении.

> «Итак, наша идея необходимости и причинности порождается исключительно единообразием, замечаемым в действиях природы, где сходные объекты всегда соединены друг с другом, а наш ум побуждается привычкой к тому, чтобы заключать об одном из них при появлении другого. Эти два условия исчерпывают собой ту необходимость, которую мы приписываем материи. Помимо постоянного соединения сходных объектов и следующего за этим заключения от одного из них к другому у нас нет иной идеи необходимости или связи»

Д. Юм «О познании»

Действительно, если отказаться от метафизики интеллекта, от того что в фундаменте природы лежат законы интеллекта, управляющие ее движением, что мы не можем трактовать регулярность событий, как закономерность причинных связей. Этот глубокомысленный вывод Юма получил название «проблемы индукции», ставшей ахиллесовой пятой всей западной науки. Знаменитая трансцендентальная философия Канта стала попыткой решить «проблему индукции» Юма, где Кант как известно возводит в правило непознаваемость «вещей в себе» и «феноменологию» человеческого познания, имеющего дело только с феноменами, с искаженными образами действительности или с ограниченными сведениями о ней, но не с самой действительностью. Объективная действительность еще раз была упразднена.

Позитивизм Огюста Конта стал продолжением решения, предложенного Имануилом Кантом.

> «Основная доктрина истинной философии, по мнению Конта, равно как и характер его определения позитивной философии, могут быть кратко выражены таким образом: мы познаем одни только феномены, да и знание наше о феноменах — относительно, а не абсолютно. Мы не знаем ни сущности, ни даже действительного способа возникновения ни одного факта: мы знаем только отношения последовательности или сходства фактов друг к другу. Эти отношения постоянны, то есть всегда одни и те же при одних и тех же обстоятельствах. Постоянные сходства, связывающие явления между собой, и постоянная последовательность, объединяющая их в виде предшествующих и последующих, — называется законами этих явлений. Законы явлений — вот все что мы знаем относительно явлений. Сущность их природы и их первичные, деятельные или конечные причины остаются нам неизвестными и для нас недоступными. Но в первый раз истинная доктрина во всей ее общности была понята Юмом, который довел ее несколько дальше, чем то сделал Конт. Юм не только утверждал, что единственные причины явлений, доступные нашему познанию — суть лишь другие явления, им неизменно предшествующие, но что и нет причин иного рода. Причина в его толковании означает неизменно предшествующее. Это единственный пункт в учении Юма, вызвавший нападение Канта, его великого противника, который утверждая, так же как и Конт, что мы не знаем ничего о вещах самих по себе, о ноуменах, о действительной сущности и действительных причинах, принимал однако безусловно их существование. Конт также не имел ничего против этого, по крайней мере весь его образ выражения заставляет так думать»

Дж. Милль Огюст Конт и позитивизм

Огюст Конт стал источником многих проницательных и оригинальных идей, но в целом его философия позитивизма привела к разновидности спекулятивной мистики, о которой Дж. Милль, большой поклонник Конта, вынужден был написать, что ее «писал человек, никогда в жизни не смеявшийся». Так поражает вводимый Контом культ собственной личности «регламентируемый в таких мелочах, какими известны французы среди европейцев и Конт среди французов», заключает Милль. Другие исследователи сравнивают его философию с христианским кальвинизмом.

Карл Поппер сделал другую известную попытку решить «проблему индукции» Юма, о которой он так пишет в своей книге:

> «В результате полученных Юмом выводов он — один из самых рационально мыслящих людей в истории — превратился в скептика. Его вывод, что повторяемость не имеет совершенно никакой доказательной силы, хотя и играет доминирующую роль в нашей когнитивной жизни, привел его к заключению, что наш разум играет лишь незначительную роль в процессе понимания. Обнаруживается, что наше «знание» носит характер не просто верования, а верования, не поддающегося рациональному обоснованию — иррациональной веры. Заключение Юма с еще большей силой и безнадежностью сформулировал Бертран Рассел в своей книге «История западной философии». Рассел говорит о юмовской трактовке индукции: «Юмовская философия отражает банкротство рационализма 18 века», и далее: «Поэтому важно выяснить, существует ли вообще ответ на проблему Юма в рамках философии, являющейся целиком или преимущественно эмпирической. Если нет, значит, с точки зрения интеллекта нет никакой разницы между здравым умом и безумием. Безумца, считающего себя яйцом-пашот, можно осудить исключительно на том основании, что он находится в меньшинстве...» Далее Рассел утверждает, что если отвергнуть индукцию, то «всякая попытка прийти к общим научным законам, исходя из отдельных наблюдений, оказывается ложной и эмпирик никуда не может уйти от юмовского скептицизма»

К. Поппер Объективное знание

Действительно, Рассел проявляет мало оптимизма в возможности решения проблемы индукции, по крайней мере в рамках философии эмпиризма:

> «Я думаю, что, может быть, наиболее сильный аргумент в пользу Юма можно вывести из характера причинных законов физики. Выясняется, что простые правила формы „*А* является причиной *В*“ никогда не допускаются в науке, кроме как в качестве грубого предположения на ее ранних ступенях. Причинные законы, которые заменяют такие простые правила в высокоразвитых науках, настолько сложны, что никто не может предположить, что они даны в восприятии; все они, очевидно, являются тщательно сделанными выводами из наблюдаемого процесса развития природы. Я оставляю в стороне рас-

> смотрения современной квантовой теории, которая усиливает вышеизложенное заключение. Насколько это касается физических наук, Юм целиком прав: такое суждение, как „*A* является причиной *B*“, никогда нельзя принять, и нашу склонность принять его можно объяснить законами привычки и ассоциации»

Б. Рассел История западной философии

4. ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МАТЕРИАЛИЗМ

Но если Кант, Конт, Мах, Поппер пытались решить проблему индукции в рамках философии эмпиризма, то марксисты ответили им с позиций своей философии «диалектического материализма». Эта философия представляет такой же крутой переход от метафизики интеллекта рационалистов к спекулятивной мистике в Новое время, какой в античность совершил Аристотель, упразднивший мир идей Платона и заменивший его «диалектикой» своего неподвижного двигателя и вечно текучих «гилеморфем». Так и гегельяно-марксизм переход от рациональной традиции картезианства к спекулятивной мистике немецкой классической философии.

Маркс, Энгельс и Ленин поставили себе целью спасать «объективную реальность» от посягательств эмпириков, но отождествление объективной реальности с субстанцией материи как источника самодвижения мало чем могло им помочь. Эмпирики обвиняли их в этой связи в «метафизике», но напрасно, метафизика рационалистов как раз успешно решает проблему индукции Юма (если переформулировать мир идей Платона в законы движения пространства интеллекта и контроль силы природных энергий). Причина их глубокого заблуждения в спекулятивной мистике, в разработке абстрактного понятия материи, имеющего самопроизвольное движение, вне детерминации интеллекта. «Диалектика» Разума-Абсолюта Гегеля, всецело перенятая Марксом для его «материи» — не имела ничего общего с неизменными законами природы и была как известно вечным «становлением духа», то есть постоянным изменением. Здесь уже неважно назвать ли эту абстракцию — духом, материей или квинтессен-

цией, важно что онтология интеллекта, как неизменных законов природы и врожденных способностей к постижению этих законов оказывается упраздненной. Остается только шабаш этого «становящегося» ничто, по меткому выражению Беркли.

> «Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается, „принадлежит ли к восприятию“., т. е. является ли источником восприятия *объективная реальность?* Если да, то вы — материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придете к субъективизму, к агностицизму, — все равно, будете ли вы отрицать познаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму). Непоследовательность вашего эмпиризма, вашей философии опыта будет состоять в таком случае в том, что вы отрицаете объективное содержание в опыте, объективную истину в опытном познании. Сторонники линии Канта и Юма (в числе последних Мах и Авенариус, поскольку они не являются чистыми берклианцами) называют нас, материалистов, „метафизиками“ за то̀, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений. Мы, материалисты, вслед за Энгельсом, называем кантианцев и юмистов *агностиками* за то̀, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Агностик говорит: *не знаю,* есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это (см. выше слова Энгельса, излагавшего позицию агностика). Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений»

В. Ленин Материализм
и эмпириокритицизм

Эмпирики правильно упрекают их в спекулятивной мистике и софистике: объективная реальность никак не может быть связана ни с чем напоминающим диалектический путь становления Разума-абсолюта. И обращение к практике у Маркса, которую игнорировал Гегель абсолютно ничего не изменит как можно видеть на примере того же Аристотеля, который как говорит Бэкон,

произвольно пользовался фактами для подтверждения своих софизмов. Ленин подробно пишет об этом в «Материализме и эмпириокритицизме», цитируя соответствующие места из Энгельса и Маркса. Вопрос сводится к отказу решать проблему теоретически и поставить на ее место практическую проблему: обратное воздействие на действительность. Сейчас, спустя сто лет после успешного внедрения в марксизма-ленинизма в «практику» можно уверено говорить о том, что как не искусно толковали «практику», а в конечном итоге колоссальный отрыв теории марксизма от практики стал очевиден для всех.

Когда Ленин говорит, что «материя есть объективная реальность», он забывает, что не умеет дать определения термину «материя», если только он не принимает «махистского» комплекса ощущений. Но он не принимает. Тогда как он ответит Беркли на вопрос о том, что же такое материя как субстанция?

> «Махисты презрительно пожимают плечами по поводу «устарелых» взглядов «догматиков» — материалистов, которые держатся за опровергнутое будто бы «новейшей наукой» и «новейшим позитивизмом» понятие *материи.* О новых теориях физики, касающихся строения материи, речь будет у нас особо. Но совершенно непозволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п. Мах «открыл элементы мира»: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый, престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому

> говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть *младенческий лепет,* есть бессмысленное повторение доводов модной *реакционной* философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?
>
> Но ведь он сам цитирует Фейербаха, где сказано, что одна природная вещь непременно искажает в своем восприятии другую природную вещь? В итоге, он ничего не может сказать о материи, кроме как противопоставить ее сознанию человека. То, что дано человеку в его ощущениях. Не то же ли говорят и «махисты»? А сознание — это в свою очередь высшая форма материи, или функция «мозга». Вот и получается тавтология и то самое «ничто», которое он пытается выдать за «объективную реальность». А вместо реальности те самые «Я и не-Я», которые он так горячо критикует в начале своего повествования. Сознание и материя, я и не-я, «противоположность которая исчезает за пределами гносеологической постановки вопроса»,

уверяет Ленин, но тогда как марксист определяет материю?

5. ЭМПИРИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Какие же последствия имел эмпиризм для развития европейской науки? Я думаю их можно обобщить следующим образом:

1) Упразднение «субстанции Я», личности, «духа», психической энергии. Известно, что Огюст вообще отказался найти место психологии в своей иерархии наук, не признавая реальности «духа», который Юм упразднил как недоступный эмпирическому восприятию. В конечном итоге, и все его планы сделать изучение общества настоящей наукой потерпели сокрушительное фиаско. Вот как пишет об этом Дж. Милль:

> «Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии им отвергаемой?

> Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человеке из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Дж. Ст. Милль Огюст Конт
и позитивизм

Гордон Олпорт, выдающийся психолог 20 века, вынужден был констатировать, что психология стала дисциплиной без реального объекта исследования, из нее выпало сознание человека, его личность, его «Я»:

> «Полный упадок понятия души и частичный упадок Я произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, — короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подозрительны, Я выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдает слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии Я престижа не извлечешь».

Гордон Олпорт

2. Место гуманизма занял дарвинизм и бихевиоризм. Прежде всего, теория Дарвина стала возможна и так глубоко укоренилась в сознании людей благодаря именно победному шествию эмпиризма и материализма. Дарвин прямо говорит о том, что не делает качественного различия между психикой человека

и животного и сводит все различия к количеству ума, как бы нелепо это не звучало. Так что он постулирует разум у животного и говорит, что смысл существования человека также как у животного в приспособлении к среде обитания и что отличие человека только в том, что у него больше способностей для такого приспособления.

Понятно, что дарвинизм упраздняет всю этику гуманизма и ставит на ее место релятивизм, «по ту сторону добра и зла», как пишет об этом Ницше, называвший человека мостом от обезьяны к сверхчеловеку (как легко эмпиризм переходит к спекулятивной мистике). Ницше пишет о воле к власти как мотивации человека, Фрейд о сексуальных и агрессивных инстинктах, бихевиористы об условных рефлексах. И для всех для них «дух», мотивируемый поисками истины ради счастья которое дает сам процесс познания, тот самый дух рационалистов, Сократа и Декарта, оказывается пережитком, который больше никто не принимает во внимание. Так, Карл Поппер вполне усваивает точку зрения Дарвина полностью отождествляя мотивацию человека с мотивацией животного и строит на этой доктрине свою теорию познания (эволюционную эпистемологию). Надо сказать, что качество теории познания оказывается соответствующим.

3. Апология безумия. Бертран Рассел очень верно предвидел, что проблема индукции Юма приведет к стиранию границ между разумом и безумием, что мы можем наблюдать уже в философии Мишеля Фуко. Если «генеалогия морали» Ницше упраздняет гуманистическую этику, то «История безумия» Фуко есть откровенная апология безумия, основанная на утверждении отсутствия критериев истины и возможности демаркации границ между умом и безумием. Впрочем, это процесс нарастания спекулятивной мистики, начинающийся в истории эмпиризма с Канта и развивающийся по линии философского антиинтеллектуализма.

4. Очень важным следствием победы эмпиризма над рационализмом является победа позитивного права над естественным правом. Отделение «наук о духе» от «естественных наук», кото-

рое является логическим следствием упразднения личности и психологии с одной стороны, и утверждения спекулятивной мистики Канта о «законодательствующем практическом разуме», «интеллигенции в себе» с другой. Вследствие чего, когда Поппер пишет о том, что в социальной сфере никакая наука невозможна, а только законы позитивного права, то есть что люди сами придумывают и согласовывают, ему никто не может возразить по существу. Вместе с рационализмом погибла и школа естественного права.

В действительности это значит неспособность сопротивления аппарату насилия юридизма, и отсутствие контроля управления, поскольку стандартные демократические механизмы контроля мало эффективны по всеобщему признанию. Международное сообщество научного контроля, которое могло бы контролировать национальные системы права с научной точки зрения, а также участие национальных научных институтов в законотворчестве своих стран могли бы стать значительно более эффективным средством контроля власти и противостояния ее абсолютизации.

5. Разрушение представлений о наличии объективной реальности, которая действительно может иметь место быть только в случае допущения метафизики интеллекта. Так, современные теории познания, такие как эволюционная эпистемология Поппера, парадигмы и научные революции Томаса Куна или «дискурсивная формация» Мишеля Фуко трактуют «знание» как несвязанное логически и хронологически накопленные массивы информации, трактуемые субъективно, с психологически предвзято и ограничено, и как следствие представляющее собой некое «прерывное» пространство, противоречивое и бессвязное. Так, эмпиризм поставил под сомнение не только поиски истины, не только упразднил объективную реальность, но также и самую возможность какого-либо прогресса в познании.

ГЛАВА 5. СПЕКУЛЯТИВНАЯ МИСТИКА НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Кант разрушает метафизику интеллекта: мир феноменов и мир ноуменов
2. Рационалисты и Поле Интеллекта
3. Поле Эгосистемы и мистика
4. Система чистой субъективности «Я и не-Я» у Фихте

«Russell also manages a dig at German philosophical idealism. He states that Fichte was the first of the modern philosophers who veiled their own love of power beneath a garment of metaphysics. Fichte believed that the ego was the sole existing phenomenon in the world. But he also managed to argue that it was the duty of Germans to fight Napoleon. «Both the Germans and the French, of course, are only emanations of Fichte, but the Germans are a higher emanation, that is to say they are nearer to the one ultimate reality, which is Fichte's own'. There is here a foretaste of the iconoclasm towards some revered thinkers which later so shocked the high-minded in his *History of Western Philosophy*»

Samuel Brittan Preface to Bertrand Russell"s Power

1. КАНТ РАЗРУШАЕТ МЕТАФИЗИКУ ИНТЕЛЛЕКТА: МИР ФЕНОМЕНОВ И МИР НОУМЕНОВ

Принято считать, что Кант соединил рационализм с эмпиризмом. Однако, как мы показали сделать это невозможно. Нельзя оставить метафизику интеллекта только наполовину. Либо она есть и тогда это рациональная философия, либо ее нет и тогда это философия эмпиризма.

Всем известно понятие, которым Кант отказался признавать законы природы — «вещь в себе», что означает недоступность познания законов природы или их отсутствие. Таким образом, Кант прямо отрицает пассивный интеллект. Но может быть, он признает врожденную способность разума к познанию? Нет, поскольку вещь в себе недоступна познанию, то и априори Канта — это не мышление, вскрывающее законы природы, а воображение, приписывающее ей законы произвольно. Врожденные идеи Платона, Декарта или Лейбница — это способность мышления открывать законы природы. Врожденные идеи Канта — это способность воображения приписывать законы природе, которых у нее либо совсем нет, либо нам недоступно знание о них. Это воображение, фантазии, а вовсе не активный интеллект рационалистов.

Таким образом, трансцендентальная философия Канта, устраняет единый космос интеллекта и материи, как формы и содержания энергии, и ставит на их место мир феноменов и ноуменов, то есть мир субъективного отражения с одной стороны и мир реальных вещей с другой. Мостов между этими двумя мирами нет. Переход от одного к другому возможен только иллюзорный, в воображении; строительство этой иллюзии и стало темой спекулятивной мистики трансцендентальной философии Канта.

2. РАЦИОНАЛИСТЫ И ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТА

> «— Так разве не будет уместно сказать в защиту нашего взгляда, что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех

> сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу.
> Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и поистине жить, и питаться, и лишь таким образом избавится от бремени, но раньше — никак»

Эти слова Платона в полной мере передают существо притяжения двух полюсов Интеллекта: разума человека с одной стороны и законов природы с другой. Это притяжение и создает то «поле интеллекта», которое порождает наше Я, как поток психической энергии, как эмоции любви к знанию и к окружающей среде.

Декарт говорил уже о существе психической энергии в своем «Я мыслю, следовательно, существую».

«Разность потенциалов» всех прочих энергий только задана интеллектом, но представляет обычные физические сущности, полюса силового поля человеческой энергии образованы непосредственно интеллектом. Это и делает его частью пространства интеллекта, сосредотачивает в его руках силу контроля природных энергий. В этом смысле миф о происхождении от «святого духа» имеет смысл, так как источником энергии человека является поле интеллекта, его способность и влечение к знанию. Разумеется, не вся человеческая энергия имеет источником поле интеллекта. Есть также совершенно заурядная психическая энергия, в основе которое заурядное силовое поле или иначе поле Эгосистемы. Но о нем мы поговорим ниже.

О том, что влечение к знанию, к истине составляет существо человеческой психике, двигательный мотив его «души» написано очень много и прежде всего автобиографической литературы великих мыслителей и художников. Одним из наиболее ярких примеров можно найти в статьях и сборниках высказываний Альберта Эйнштенйа. Но конечно не только у него. Этот факт

давно стал общим местом, банальностью, по крайней мере для людей, которые на себе испытали тяжесть и интерес мыслительного труда. Наша задача посмотреть, как этот факт получает объяснение с точки зрения теории психической энергии.

Итак, мы трактуем «Я» как поток психической энергии, образованный полюсами интеллекта, как стремление нашего разума к познанию законов природы. Это вполне материальная энергия, материю которой мы ощущаем как наши эмоции (само слово эмоции означает внутреннее движение и имеет тот же корень что и мотивация).

Как и все прочие природные энергии, психическая энергия человека имеет в своей основе закон сохранения силы (ЗСС ПЭ). Понятно, что наше стремление к знанию не противоречит этому закону, так как сосредотачивает в руках человечества силы природы. Сам термин «Я» имеет смысловую нагрузку, заданную законом сохранения силы психики «тот, чью силу надо сохранить». Когда мы говорим Я, мы имеем ввиду именно это.

Однако, поток эмоций Я помимо любви к знанию и боли от недостатка знаний имеет и другую специфику поляризации эмоций, в основе которой совесть, сочувствие и потребность в справедливости. Нам больно, когда больно нашим ближним, или когда мы виноваты перед ними, или когда кто-то несправедливо с ними поступил. Нам больно до такой степени, что мы готовы жертвовать собой, чтобы исправить эту ситуацию. Это говорит о том, наше «Я» как объект контроля закона сохранения силы психики (то есть как то чью силу надо сохранить) шире индивида и включает в себя всех людей с полем интеллекта (или полем совести, что тоже самое). Поэтому все великие гуманисты всегда писали, что люди значительно больше похожи, чем отличны друг от друга и когда отличны в поверхностных вещах, но не в существе.

Тот факт, что психическая энергия «включается» с активизацией поля интеллекта легко также наблюдать и из известного феномена с так называемыми детьми «маугли», то есть детьми, которые подобно маугли были в с младенчества выращены

в среде животных. Как известно, такие дети превращаются в животных, и перевоспитать их уже не удается. Просто потому, что отсутствие речи и обучения не активизировали поле интеллекта, и психическая энергия осталась неиспользованным потенциалом.

Гуманистическая философия и психология со времен Сократа Платона рассматривает такое Я поля интеллекта как здоровье и силу, к которым следует стремится. Мы могли бы добавить в терминах теории психической энергии, что здоровая психика — это психика отвечающая закону сохранения силы психики, и в данном случае это означает развитую науку и технику, доступ к компетентной работе, сотрудничество и взаимную поддержку коллектива. Ну и конечно юмор и эстетику.

3. ПОЛЕ ЭГОСИСТЕМЫ И МИСТИКА

Уже Платон различает качественно различные «токи» психической энергии в человеке, сравнивая психику с тремя конями в одной упряжке, где один конь философ, второй честолюбец, а третий сребролюбец. Причем, только философствующее Я поля интеллекта признается истинным и здоровым, тогда остальные лошади мешают правильному движению и являются источником болезни.

Так в истории науки проблематизируется вопрос о настоящем и ложном Я, который получает детальную разработку в трудах современных гуманистов, особенно у Маслоу, Фромма, Хорни, Юнга, Роджерса, Адлера и др. Кьеркегор, которого считают предтечей современной гуманистической психологии также ставит вопрос об истинном и ложном Я центральной проблемой «Болезни к смерти». Позже исследования антропологов значительно расширили наши знания об этом ложном Я накоплением информации о первобытном сознании, насквозь мистичном и не имеющим ничего общего с дарвиновским «выживанием», поскольку все силы организма тратились в противоположном направлении.

Какую интерпретацию этот вопрос получает в теории психической энергии? Здесь уместна метафора с человеком и его отражением в зеркале, или же еще лучше с человеком и его фотографией. И то и другое — физические явления, одинаково реальные. Но это совершенно разные явления. Пока человек считает свою фотографию своей фотографией — она на своем месте. Но если он начинает ассоциировать ее с собой, или если он считает что отражение в зеркале и он сам — это одно и то же, то здесь источник грубой ошибки.

Таково происхождение поля Эгосистемы, о котором тоже уже написаны тома книг. Все что связано с тщеславием, страхом позора и самовлюбленностью, злорадством и садомазохизмом, завистливостью и неконтролируемыми влечениями, расстройством воли, компульсией, конформизмом или аутичностью принято относить к патологической тематике психике, или иначе к «ложному Я».

Однако, до сих пор никто не пытался объяснить происхождение этого феномена в энергетических терминах. «Ложное Я» скорее играло роль вспомогательного конструкта в исследовательской работе, чем претендовало на реальную онтологию. «Поле Эгосистемы» — это попытка теории психической энергии объяснить происхождение ложного Я как ментальной реальности.

Поле Эгосистемы представлено двумя фигурами — Эго и СуперЭго, противостоящими и системно связанными. Вот почему мы можем говорить о том, что это противоположные полюса силового поля психики (то есть второго силового поля психики). Впервые это силовое поле на материалах общения с сотнями пациентов описал в своих трудах Зигмунд Фрейд. Следует сразу оговориться, что он не считал это поле «ложным Я», некоей фикцией и паразитом на теле реального Я, но напротив считал, что нашел настоящий механизм психики человека. В этом и состоит его принципиальное расхождение с гуманистами, а не в том, что гуманисты вообще не признают поля Эгосистемы.

Понятно, что Фрейд не мог дать правдоподобного объяснения этому феномену, ведь он не знал о том, что это паразит

на теле здоровой психики. Объяснения, которые давал Фрейд не могли никого удовлетворить, поскольку он искал источник в биологии и не увидел даже того, что имеет дело с силовым полем совершенно иной энергии. Хотя надо отдать ему должное, он понял, что писал о психической энергии, но не сформулировал «силового поля» для своих взаимосвязанных и противостоящих фигур Эго и СуперЭго.

Это за него сделали мы. Какого же наше объяснения происхождения поля Эгосистемы? Закон сохранения силы психики имеет две системы контроля:

— физический контроль

— научный контроль.

Поскольку становление научного контроля тянется веками, а первобытные люди еще не имеют даже логики (или только ее зачатки), то сначала включается физический контроль закона сохранения силы. Этот факт (то есть то что аборигены уже люди, уже психическая энергия, а не биологическая) объясняет мистичность первобытного сознания и их абсолютное качественное отличие от «умных обезьян», чтобы там не говорил Дарвин.

Как это работает? Физический контроль, который не способен дать научную информацию о среде, дает чувственную информацию о соотношении сил самого человека и противостоящей ему среды. Так получаются чувственные ментальные фигуры Эго и СуперЭго, или Я и не-Я, которые являются базовой информацией о соотношении сил человека и среды для закона сохранения силы психики (то есть для его физического контроля).

Понятно, что в данном случае (в отличие от научной информации), информация будет вся из рук вон ложная и искаженная. Тот самый случай, о котором Бэкон и Кьеркегор писали как о «кривом зеркале» сознания. Нов чем будет специфика этой информации:

— это абстракция двух количественных сил, то есть весь мир и сам человек абстрагированы до однородной силы. Дюркгейм в этой связи даже связывает первобытное мировоззрение

со взглядами современных физиков, тоже видящих во всем энергии. И напрасно, поскольку физики видят качественно различные энергии на основе понимания законов их движения. В данном случае речь идет об однородной силе, различающейся только количеством

— это абстрактная количественная сила берется как максимум на который способно воображение, всемогущество, бесконечность

— это две противостоящие силы, различающиеся только количеством, Эго и СуперЭго, Я и не-Я.

Вот собственно вот эта специфика отражения соотношения сил человека и среды физическим контролем закона сохранения силы психики и представляет всю «мистичность» сознания абориген. Понятно, что здесь нет ничего «метафизического», ничего, что было бы способно заглянуть в параллельный мир интеллектуальных сущностей. Только искаженное отражение одной физической вещи другой физической вещи. Это и есть отличие «субъективного чувственного восприятия» от объективного научного, искаженного от истинного.

Понятно, что эти фигуры составляют систему; действительно их можно понимать только как противоположные полюса силового поля психики, которое активизирует детерминированный ток психики. «Информация» о соотношении сил показывает громадное превосходство сил внешнего мира над немощным Эго (поэтому Фрейд назвал их Эго и СуперЭго), и в то же время противостояние этой огромной среды. Вот почему Леви-Брюль и другие исследователи пишут о том, что эмоциональный фон абориген составляет «страх сверхъестественных сил». То есть страх, порождаемый полем Эгосистемы, можем перевести мы. Действительно, угроза такого всемогущего противника не может не породить сильный страх. Это и есть активизация Эгозащиты, как детерминированного тока психики. Отныне аборигены будут поклоняться этим всемогущим силам среды в виде тотемов и тратить все свои силы на жертвоприношения и самоистязания,

чтобы их умилостивить. В этом и состоит существо «Эгозащиты» — защиты Эго от СуперЭго, и отличие, радикальное отличие, первобытных людей от самых умных обезьян. Люди еще не пользуются умом как таковым, поскольку поле Эгосистемы его не предполагает, но они уже радикально отличаются от животных, которые ведут свою биологическую работу, на своем биологическом поле выживания.

Можно видеть, что активность детерминированной энергии психики не имеет ничего общего ни с биологическим выживанием, ни с выживанием человека как рационального существа. Поле Эгосистемы действительно подкладывает свинью в виде ложной информации и стимуляции ложной активности. Это патология, вредный паразит, разрушающий энергию поля интеллекта человека. Тем не менее, это неживой паразит и аналогия с биологическим паразитом будет неуместной, где один организм выживает за счет разрушения другого. Здесь можно сравнить скорее с попаданием под поезд или что-нибудь еще в этом роде.

Поэтому когда Дюркгейм, стараясь оправдать мистику абориген пишет, что много подобных абсурдных аналогий и в цивилизованном социуме и приводит случаи, когда в авторитет возводятся совершенно неуместные люди и уважаются только из глупости и силового их превосходства, то этот факт наоборот доказывает, что и современная цивилизация не свободна и не может быть свободна от поля Эгосистемы, изучение которого еще даже не стало предметом науки.

Однако человек не догадывается о том, что у него два Я. Он говорит Я и тогда, когда хочет сказать о своем истинном Я, то есть о потоке живых эмоций, порожденных полем интеллекта и совести; и он снова говорит Я, когда имеет ввиду Эго на поле Эгосистемы. Это результат наличия двух систем контроля закона сохранения силы психики. Он не умеет отличить свое истинное Я от его отражения, от его фотографии и тратит все свои силы на служение своей фотографии, удивляясь, почем становится все немощней и несчастнее.

Выход из этого тупика подскажет сам закон сохранения силы психики. Разоблачение двух систем контроля закона сохранения силы приведет к сознательному отказу от физического контроля, который разрушает истинную силу психики. Понятно, что этот поиск отнимет у человека не одно столетие и не одно тысячелетие.

Испокон веков великие люди пишут об этом противоборстве двух сил в психике — здоровье и патологии, жизни и смерти, доброты и злорадства, совести и тщеславия, юмора и ханжества, справедливости и цинизма. Наиболее знаменитые религиозные системы имеют в своей основе разоблачение ложного Я с целью спасения истинного Я. Об этом же писали и великие писатели, чьи труды составляют наследие классической литературы общечеловеческого фона. Но в них проблема выражена мифом, который часто стирает самое существо вопроса, как отказ от себя в христианстве, где борьбу с ложным Я можно трактовать как вообще отказ от себя. Мифологическое изложение существа проблемы помогло интуитивно ее осознать многим, но не могло помочь искоренить проблему. Более того, смесь мифа и реальности всегда возможность еще больше запутать сознание людей и использовать для консервации мистического сознания.

Так или иначе, но на сегодняшний день вполне свободными от поля Эгосистемы оказывались довольно редкие исключительные личности с громадным интеллектуальным потенциалом (самоактуалы Маслоу, например).

4. СИСТЕМА ЧИСТОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ «Я И НЕ-Я» У ФИХТЕ

Встав на позицию эмпиризма Юма, Кант разрушил в своей философии здание метафизики картезианства: его вещь в себе отрицает законы природы, его разум априори, который основан на воображении и который не открывает законы природы, а приписывает их ей — это конец метафизики интеллекта с его активным и пассивным полюсами. На место интеллекта

и познания истины становится воображение и толкование природы.

Философия Канта на место рационализма, который признает внешнюю объективную реальность, ставит «чистую субъективность» спекулятивной мистики, существо которой в том, что спекуляции интеллекта более не имеют дело с объективной реальностью, но с субъективным материалом «отражения» данного конкретного субъекта. Если метафизика интеллекта уничтожена, если человеческий разум больше не часть космического интеллекта, вхожая в его пространство, то интеллект превращается в особенность человеческой субъективности, так же мало значащей для космоса и его реальности как реальность любой другой конечной «вещи». Теперь его интеллект — только способ специфически человеческой субъективности.

Таким образом, с перенесением спекуляций интеллекта из внешнего объективной космоса во внутренний мир чувственного отражения, Кант открывает страницу философии спекулятивной мистики. И как результат его субъект — это безграничная свобода «Я», которой не было и не могло быть у рационалистов, понимавших свободу как «осознанную необходимость законов природы» ли как доступ к контролю природных энергий, сказали бы мы.

Уже у Канта четко противопоставляется абсолютная свобода «практического разума», то есть субъекта в отношении себя самого и такая же недоступность объекта, как закрытой «вещи в себе». Мир оказывается рассечен его «трансцендентальной философией» на две параллельные вселенные, на Я, которое может приписать себя любые законы и на «не-Я», весь прочий мир, недоступный пониманию и познанию. Мы видели, что для Платона, человек и космос соединялись в неразрывное целое, будучи частями единого интеллекта, что проявлялось в познании человеком законов вселенной. Также дело обстояло у Спинозы и Лейбница, и даже две субстанции Декарта тождественны в своей сути, поскольку мышление способно познавать законы природы материи. Но с началом трансцендентальной филосо-

фии все меняется: между Я и всем прочим миром образуется непроходимая пропасть феноменов и ноуменов, искаженных нами образов действительности и самой действительности.

У Фихте это противопоставление Я и всего прочего мира обретет уже четкую формулу — Я и не-Я, где подчеркивается, что интеллект не имеет отношения к происхождению этой формулы, но только «бессознательное воображение».

Система Я и не-Я Фихте дает исчерпывающее описание поля Эгосистемы, которое Фрейд почерпнул из фактов практики, а Фихте путем теоретического анализа. Это

— система, где Я и не-Я не существуют независимо друг от друга

— эта система возникла бессознательно, без участия демонстративного интеллекта

— это количественная абстракция, сводящая весь мир к количественному противостоянию сил Я и всего прочего мира

— это противостояние — источник страха, «страдания», запускающего эгозащиту.

Вот как Куно Фишер вкратце пишет о теории Я и не-Я Фихте:

> «Фихте подчеркивает то обстоятельство, что не-Я ни в коем случае не есть дискурсивное понятие, возникшее через абстрагирование от всего данного, как думает обычное мышление. Оба первые основоположения наукоучения, или первые, изначальные действия интеллигенции, выражаются формулой: ≪Я полагает себя и свою противоположность. Противоположное Я (не-Я) не есть вещь в себе, не есть нечто вне Я находящееся; граница Я абсолютна, она непреодолима; то, что полагается, полагается только через Я и в Я. Поэтому положение должно быть определено точнее: Я полагает не-Я в Я
>
> Соединение противоположностей в одном и том же субъекте есть противоречие. Я полагает себя как противоречие: оно есть это противоречие в силу своей первоначальной сущности или в силу своего первоначального деяния. Противоречие требует решения. Следовательно, в Я необходима деятельность, разрешающая противоречие, создаваемое двумя первыми действиями.

Я и не-Я суть противоположности, которые вмещают в себя безусловно все; оба они полагаются в Я, следовательно, все полагается в Я и вне него нет ничего, что можно было бы полагать.

Страдание Я может пониматься только как уменьшенная деятельность Я, как единица этой деятельности, как количество Я. Я страдает, поскольку оно недеятельно, и, поскольку Я недеятельно, деятельно не-Я. Следовательно, в конце концов и на не-Я следует смотреть как на количество Я.

Поставленная перед теоретическим наукоучением задача имеет своим предметом естественное развитие теоретического Я. Этим она точно определена и заключена в твердые границы. Границы этого развития суть в то же время границы прагматической истории духа: исходный пункт есть низшая ступень, конечный пункт — высшая ступень. В начале собственный продукт кажется для Я только объектом, в конце объект кажется ему всецело его продуктом; сперва Я полагает свой продукт как объект, т. е. оно полагает себя как определяемое через не-Я; в конце Я полагает свой объект как продукт, т. е. *оно узнает,* что оно полагает себя как определяемое через не-Я. Вполне определен также и закон всего развития или прогрессивного поднимания. Закон гласит: Я = Я. То, что *есть* Я, оно *есть для себя*. То, что оно делает, оно возвышает до сознания: именно это возвышение есть необходимое развитие от низшей ступени к высшей.

Не-Я есть бессознательный продукт способности воображения: следовательно, категория причинности создается способностью воображения. Только через способность воображения появляется эта категория в рассудке. ≪Так называемая категория действенности возникла, как оказывается здесь, исключительно благодаря способности воображения: таким **образом,** ***нигто не может возникнуть в рассудке инаге, как посредством способности воображения*** ***. Рассудок не создает** категорию, он только делает ее закономерной. Юм правильно усмотрел, что категория причинности имеет свое начало в способности воображения; на этом основании он, однако, неправильно отвергал ее объективное значение. ≪В наукоучении они возникают *одновременно с объектами,* для того чтобы сделать последние возможными, на почве способности воображения≫. Юм и Маймон говорят: ≪Так как причинность возникает в способности воображения, то она неприменима к самим объектам, поэтому ее применение к ним есть самообман≫. Здесь, наоборот, самообман скептика. Если бы они так же правильно судили о происхождении

> объекта, как о происхождении категории! Наукоучение разрешает загадку. Так как причинность возникает из способности воображения, то потому и только потому она и применима к объектам. Ибо эти последние имеют совершенно одинаковое с категориями происхождение! Если не признать это происхождение объектов, если принять, что объекты или что-нибудь в них дано без содействия Я, то как можно объяснить познание? Как можно опровергнуть скептицизм? В этом слабость прежнего критицизма.
>
> Эту свободу самосознания, увеличивающуюся вместе со способностью к отвлечению, можно проследить ≪от ребенка, впервые покидающего свою колыбель, до популярного философа, еще принимающего материальное образование идей и вопрошающего о местопребывании души≫, и далее до наукоучения».
> Когда Я осознает свою полную свободу от объектов, то для него становится очевидным, что оно может определяться только самим собой, что оно находится во взаимодействии с самим собой и что, следовательно, если оно определяется каким-нибудь объектом, то оно само себя к этому приводит, т. е. ≪полагает само себя как определяемое через не-Я≫. Но именно это и было основоположением теоретического наукоучения: теперь оно стало им для Я. Я уже не только теоретическое, но оно сознает и познает себя как основу своего теоретического отношения. Этим теоретическое наукоучение заканчивает предначертанный ему путь и разрешает свою задачу. Я осознает себя как способность отвлекаться от всех объектов, как чистую субъективность, как Я, которое определяется только через самого себя».

Можно наглядно видеть, что субъективизм мира феноменоменов, который начинается у Канта и достигает своей логической завершенности у Фихте — есть не больше не меньше как спекулятивная эгозащита, то есть активность формального интеллекта на поле Эгосистемы. В этом смысле это действительно «чистая субъективность», хотя ей бесконечно далеко до «абсолютной свободы».

Спекулятивная мистика характеризует в той или иной степени и всю последующую философскую традицию, обязанную своим существованием трансцендентальной философии Канта. Так, если Гегель заявляет о том, что покончил с субъективизмом Канта и Фихте, и пишет историю «объективного духа», то тем не ме-

нее, он ни на шаг не продвигается назад, к метафизике интеллекта рационалистов, разрушенной Кантом.

Вместо пассивного и активного полюсов интеллекта как законов природы и способности мышления открывать эти законы, он рисует все те же фигуры Я и не-Я Фихте, которые в его философии получают название Абсолюта (духа) и его Инобытия (материи). «Развитием» Абсолюта, который не есть неизменное сущее, но находится в постоянном изменении и становлении движет мистическая диалектика, автоматизм противоречий. В результате об этом Абсолюте также как о Я Фихте нельзя сказать ничего больше, кроме того, что это «процесс познания самого себя». Человек, в сознании которого «просыпается абсолют» таким образом овладевает «инобытием» материи. Как можно видеть философия Гегеля, несмотря на официально заявленную программу преодоления субъективизма Канта и Фихте, и попытки соединить противостояние я и не-я у Фихте, оказывается развитием спекулятивной мистики.

Ничего принципиального не изменил в философии Гегеля и Маркс, сохранивший диалектику, а следовательно и разрушенную метафизику интеллекта. Мы видели в предыдущей главе, что попытки марксистов, также как и попытки Гегеля вернуться к объективной реальности вне метафизики интеллекта потерпели сокрушительное фиаско.

Куно Фишер пишет, что исследование Я, как прогресса «духа» на основе «воображения» стало спецификой всей последующей немецкой классической философии:

«Задача наукоучения — проследить и представить это развитие: наукоучение есть, как выражается

Фихте, ***«прагматическая история человеческого духа».*** **В этой** задаче и в ее решении мы узнаем образец и мотив, заимствованный от Фихте ближайшими системами, которые следуют за наукоучением и вытекают из него. Эту же задачу поставил себе Шеллинг в своем ≪Трансцендентальном идеализме≫, Гегель в своей

> ≪Феноменологии духа≫. Ни один вопрос во всем фихтевском учении не имел большего значения, чем обоснование теоретического Я через творческую способность воображения. Именно этой стороной наукоучение привлекло к себе Новалиса и Фр. Шлегеля и представилось на один миг романтической школе, обожествлявшей силу воображения, родственной ей философией. Чем по своему учению о трансцендентальной апперцепции был Кант для Фихте, тем стал по своей теории способности воображения Фихте для Шеллинга и Гегеля».

Куно Фишер Фихте

Маркс был последним последователем Канта, который делал ставку на рационализм, на попытки найти науку и объективную реальность на поле спекулятивной мистики. Шопенгауэр, а позже Ницше и Сартр, уже окончательно отказываются от интеллекта и объективной реальности, и от воображения Канта переходят прямо к воле, демонстративно минуя интеллект и науку вообще. «Воля к власти» Ницше, как и вся его философия антиинтеллектуализма — классический пример спекулятивной мистики, как формального интеллекта на поле Эгозащиты.

ГЛАВА 6. ДУША У РАЦИОНАЛИСТОВ И ДУША У МИСТИКОВ

1. Дух и метафизика интеллекта
2. Христианство как синтез метафизики интеллекта и мистики
3. Душа у мистиков

«Концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом, но у них она принимает гораздо более конкретную форму, чем у греческих философов. Согласно греческой доктрине (которую можно обнаружить во многих произведениях христианской философии, но не в распространенной форме христианства), чувственный мир, существующий в пространстве и времени, является иллюзией; при помощи интеллектуальной и моральной дисциплины человек может научиться жить в вечном мире — единственно реальном. Напротив, в еврейской и христианской доктринах иной мир понимался не как нечто *метафизически* отличное от мира сего, а как будущее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки. В этом веровании воплотилась психология мстительности, и оно было понятно всем и каждому, тогда как доктрины

греческих философов общепонятными
не являлись»

Бертран Рассел
История западной философии

1. ДУХ И МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА

Понятие души появляется с философией метафизики Интеллекта. Это уже не просто активный интеллекта как способность мышления познавать законы природы, но природная энергия психики, интенсивные эмоции любви, счастья, юмора, которые становятся доступны человеку благодаря этому ключу к тайнам природы, к истине, к пассивному интеллекту.

Вся философия рационализма — это философия любви и счастья, которые становятся доступными благодаря наличию мышления у человека и способности к постижению истины. Платон, захлебываясь от восторга, рассказывает о неописуемой красоте и мощи своего мира сущностей, мира истины, которая отражается в нашем несовершенном текучем мире. Но человек может видеть не только красоту этого несовершенного мира, но саму идею красоты, не только справедливость конкретных людей, но саму идею справедливости и тд. И это делает человека счастливым, это наполняет его интенсивным потоком эмоций радости и любознательноси, это огромный источник энергии, которые мы чувствуем внутри себя в виде любви к знанию, красоте, справедливости, дружбе.

Его доступ в это Пространство Интеллекта противопоставляет энергию человека энергии всего прочего мира, поскольку делает человека существом божественным, причастным к управлению вселенной. У человека есть не только разум, но и воля, он не только видит истину, но способен совершать выбор и принимать решения. Это свобода осознанной необходимости, контроль себя и природы. И в этом смысле человек противостоит всему прочему пассивному миру, который будучи вместилищем всей красоты и мощи божественного интеллекта не знает

об этом, не способен созерцать этой красоты, чувствовать эту мощь, радоваться этой силе любви, которую рождает сознание. Позже, о душе, как особенной энергии духа, берущей начало в разуме и воле, хорошо скажет Жан-Жак Руссо в Эмиле:

> «Правда, значит, что человек — царь земли, им населяемой; ибо он не только укрощает животных, не только распоряжается стихиями, благодаря своей изобретательности, но даже один только на земле и оказывается умеющим распоряжаться ими; он даже присваивает себе через созерцание самые светила, к которым не может приблизиться. Пусть мне покажут другое на земле животное, которое умеет пользоваться огнем и заставит восхищаться солнцем. Как! Я могу наблюдать, познавать существа и их отношения, могу чувствовать, что такое порядок, красота, добродетель, могу созерцать Вселенную, подняться до руки, ею управляющей, могу любить добро и творить его — и после этого мне равняться со зверями! Низкая душа! Это твоя мрачная философия делает тебя подобным зверям; или, скорее сказать, ты тщетно хочешь унизить себя: твой гений свидетельствует против твоих принципов, твое благожелательное сердце обличает твое же учение, и даже твое злоупотребление своими способностями, к твоей досаде, доказывает их превосходство»

Эмиль Руссо

В противоположность Вольтеру и Дидро, своим современникам и приятелям, Руссо не встанет на позицию эмпириков, берущую начало у Аристотеля и заканчивающуюся в «Происхождении человека» Дарвина.

И конечно, Платон, не мог не заметить, что далеко не все в человеке — это энергия разума и воли. Есть прямо противоположная энергия, в основе которой не осознанность воли и разумный выбор, а компульсия и автоматизмы, разлагающие и подчиняющие разумное начало в человеке. «Наиболее порядочная» часть души в рабстве и подчинении у «порочной и неистовой»:

> «Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчине-

> нии, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая»

Государство Платон

> «У них настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю»

Платон Государство

Таким образом, у Платона проблематизируется вопрос о «ложном Я», детерминированной энергии психики, не связанной с разумом и волей интеллекта, то есть с Духом.

Вся сила, мощь и счастье Духа берут начало в интеллекте, и напротив, все темные и слепые побуждения души происходят из невежества и животной составляющей человека. Поэтому, Бертран Рассел пишет, что Сократ связывает понятие добродетели со знанием, а порока с невежеством. Но уже у Аристотеля, отменившего метафизику интеллекта, отменяется и Дух, как активный интеллект и этика, как добродетель, связанная со знанием.

> «Однако сознание, внутреннее сознание — это решающий фактор. Решающий всегда, когда речь идет о Я. Оно дает этому Я меру. Чем больше сознания, тем больше Я; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше Я. У человека без воли не существует и Я; однако чем больше воли, тем более он осознает самого себя.
> Подобно тому как чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол — это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почему же? Попросту он является

> жертвой чувственности, и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств — приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего... Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом. Несмотря на все свое тщеславие и самолюбие, люди обыкновенно имеют весьма смутное представление или даже вовсе никакого о том, что значит быть духовными, быть тем абсолютом, каким может быть человек. Представим себе некий дом, каждый этаж которого: подвал, первый, второй этаж и т. д. — имел бы свой определенный разряд жильцов; сравним теперь жизнь с таким домом: смешно и жалко, но разве большая часть людей не предпочитает в этом своем доме подвал? Все мы являемся синтезом с духовным предназначением, такова наша структура, но кто отказывается жить в подвале, в категориях чувственного? Человек не просто предпочитает жить там, ему это нравится настолько, что он гневается, когда ему предлагают этаж хозяев — всегда свободный и ожидающий его, — ибо, в конце концов, ему принадлежит весь дом. Да, в противоположность Сократу, люди менее всего боятся ошибаться».

Болезнь к смерти Кьеркегор

Кьеркегор, представитель как раз той христианской философии, которая видела в христианстве философию платонизма. Позже, из смеси платонизма и мистики возникнет христианство, и как правильно замечает Рассел, его последователи поделятся на тех, кто будет видеть в нем либо мистику, либо платонизм. Кьеркегор, философия которого дала начало современной гуманистической психологии, был ярким представителем второго рода христиан.

Рационалисты развили идею платонизма о происхождении Духа из интеллекта, о свободе человека, как осознанной необходимости, о связи разума и воли, и проистекающих из них силы и счастья. «Я мыслю, следовательно существую» Декарта — это и есть душа как дух порожденный метафизикой интеллекта. Царство Духов у Лейбница, прямо противопоставленное всем прочим монадам, своим умом, силой и счастьем; интеллектуальная любовь к богу, сила и счастье сопутствующие ей у Спинозы — вот особая психическая энергия человека, берущая начало в метафизике интеллекта. И конечно, Спиноза, также как и Пла-

тон, не мог не видеть и не понимать, что помимо энергии Духа, берущей начало в интеллекте, человек также обладает и другой энергией, никак не связанной с разумом и волей, но напротив с «ложными мнениями» и автоматизмами (аффектами).

> «Также и любовь, может происходить из верных понятий или из ложных, и первая ведет к наивысшему благу, а вторая к нашей гибели. мы видим и находим, что все хорошие страсти имеют такой характер и природу, что мы не можем без них существовать и сохраняться, и они как бы принадлежат нам существенно, как любовь, желание и все, что свойственно любви. Но дело обстоит совершенно иначе с теми, которые дурны и должны избегаться нами, так как мы без них не только можем существовать, но именно тогда только, когда освободились от них, становимся такими, какими должны быть»

Спиноза Этика

Именно в Этике рациональная философия Спинозы и Лейбница, вообще имеющая много общего, поскольку это два самых известных последователя Декарта, наиболее согласована. Лейбниц не нашел в чем он мог всерьез возразить Спинозе в этике, где Спиноза представил добродетель как способность разумного духа сопротивляться слепым аффектам, порождаем невежеством.

> «человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме. Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, Бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый как таковой едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением»

Этика Спиноза

Руссо почти дословно формулирует это общее для всей метафизики интеллекта и духа философии место о противостоянии духа как разумной энергии, и «порочной части души», берущей начало в ложной информации (невежества и мистики):

> «Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек — не единое: я хочу — и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его — и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять»

Эмиль Руссо

Гуманистическая психология стала преемницей рационализма в трактовке здоровья, силы и счастья психики как производных из интеллекта; а также в рассмотрении психики как самостоятельной энергии, духа, имеющего самостоятельную, не сводимую к биологии мотивацию. Самой известной теорией личности такого рода являются теории Абрахама Маслоу и Эриха Фромма, хотя конечно не только. Вот например как говорит Гордон Олпорт о независимости интеллектуальной мотивации:

Гордон Олпорт:

> *«Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение*

> *жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».*

Гордон Олпорт:

> *«У Х Кларк собрал суждения примерно трехсот хорошо образованных людей, каждый второй из которых указан в справочнике „Кто есть кто“ Когда их просили оценить факторы, конструктивно повлиявшие на креативность их жизни, главным оказался „интерес и удовлетворенность работой как таковой“, а за ним шло „желание знать и понимать“ На третьем месте было желание помочь обществу»*

Абрахам Маслоу, который поставил себе целью изучить специфику душевного мира наиболее здоровых людей писал, что фундаментом их душевного здоровья, стабильности и удовлетворенности был интеллект:

> *«Самоактуализирующиеся люди, как правило занимаются интеллектуальной деятельностью; это ученные исследователи, поэтому можно утверждать, что главное в их случае — интеллектуальная мощь. За некоторыми исключениями можно утверждать, что эти люди озабоченны базовыми проблемами и вечными вопросами, которые принято называть этическими или философскими. Такие люди существуют обычно в максимально широкой системе координат. Образно говоря, они никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Они работают с универсальными жизненными ценностями, ориентируясь на долговременные, а не сиюминутные интересы. В известном смысле всех их можно считать философами, хотя и самоучками».*

Мотивация личности Маслоу

Человек единственное существо на белом свете, способное наслаждаться жизнью. Потенциально, по крайней мере. Источник этого наслаждения в том, что гуманисты называют «избытком» энергии, в отличие от дефицитных ресурсов всего прочего живого мира. И не только. Человеку доступно наслаждение красотой. Как бы не был прекрасен леопард, сам он никогда не сможет оценить своей красоты. Осознать все совершенство, всю гармонию, изысканность и прелесть его существа способны только мы. Как бы не был прекрасен полет горного орла, он ни-

когда об этом не узнает. Но у нас захватит дух от наблюдения бесконечного изящества и грации всего мира пернатых. Наслаждение эстетикой, так свойственное античному миру, остро чувствовавших красоту окружающего мира, только один из аспектов неисчерпаемых ресурсов психической энергии, доступной человеку.

Мотивация животных — это мотивация нужды, боли, дефицита. Голод, холод, страх, жажда побуждают их к действию. Им некогда отдохнуть, некогда расслабиться от этого постоянного гнета нужды. Если ты сыт, надо заботиться о безопасности, о том, чтобы не стать жертвой голода другого, если смог спрятаться сам, надо заботиться о безопасности детенышей, если защитился от других хищников, надо драться с конкурентами из собственной стаи.

Мотивация человека — это мотивация избытка, по крайней мере, его знания позволяют ему это. Он может работать из удовольствия заниматься своей работой, он может построить дом, который защитит его от холода, он может засеять поля и не тужить о голоде. У человека есть доступ к силам природных энергий, которые дают ему избыток и мотивацию удовольствия. Его интеллект дает ему этот избыток, также как его интеллект дает ему наслаждение красотой.

Есть другое удовольствие, которое доступно человеку и недоступно животному: удовольствие искренней дружбы, юмора, общения, сочувствия, сотрудничества, взаимной поддержки. Животные тоже сбиваются в стаи и выращивают детенышей, но они способны перегрызть им глотку или попросту сожрать их; или же превратить в конкурентов, когда этот помет повзрослеет и появиться новый помет. А в стаях постоянный «отбор», постоянная конкуренция и борьба за выживание. Жизнь животных циклична, как цикличны все прочие природные энергии и дефицитарна. Им нечего дать, кроме куска своей скудной пищи детенышам. Их любовь временна, и вслед за ней приходит цикл соперничества и борьбы за выживание.

Люди способны к стабильной дружбе, к росту позитивных эмоций, к пониманию и искренности, юмору и общению, к сотрудничеству и сочувствию. И эту стабильность, и этот рост обеспечивает им интеллект, знания, понимание существа происходящего. И эта способность к стабильной дружбе есть тоже огромное богатство, потому что тоже, наряду с доступом к другим природным энергиям, она есть доступ к энергии друг друга у людей.

Люди обладают относительной свободой, которой больше никто не обладает. И эту свободу дает им их интеллект. Не в смысле «законодательствующего разума» Канта, конечно. А в смысле «осознанной необходимости» рационалистов. Способность видеть и познавать законы природы — это не только доступ к силе этой природы, но и свобода в границах контроля законов природы.

Люди, весь человеческий род — это каста правителей космоса в том смысле, что они могут видеть законы его движения и участвовать в этом движение; пусть не менять эти законы, но контролировать их, созерцать эту грандиозную архитектуру мироздания, возведенную вселенским интеллектом и осознавать свою причастность ему.

Все это вместе взятое есть громадная энергия человеческого Духа. Эта стабильность, способность к росту (линейное движение), избыток, свобода, эстетика, доброта и понимание, юмор и созерцание величия интеллектуальной архитектуры мироздания.

Произведения Платона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Бэкона, Беркли, Локка, Эйнштейна полны преклонения перед этим Духом человеческого интеллекта, способного быть интенсивно счастливым в своей эстетике, этике и научном познании мира.

Этот Дух, прославляет Плутарх в своих жизнеописаниях, дивясь мужеству, свободолюбию, справедливости и совестливости своих героев. Это Дух Джона Мильтона и Джона Милля, Бертрана Рассела и Герберта Спенсера. Это Дух Руссо, противостоящий релятивизму и «научному эгоизму» Вольтера и Дидро. Это Дух

Сократа и Кьеркегора, это дух все великих гуманистов, настаивавших на особенно природе человека, берущей начало в его интеллекте.

Этот Дух в произведениях великих русских гуманистов, Герцена и Кропоткина, Толстого и Чехова, Достоевского и Гоголя, Чернышевского и Белинского. Наконец, это Дух современной гуманистической психологии, получивший развитие в трудах Абрахама Маслоу и Эриха Фромма.

Заканчивая краткий обзор становления понятия Духа, как особой психической энергии, берущей начало в метафизике интеллекта, хотелось бы остановиться на последних теориях эмпиризма, отрицающих не только доступность истины, но и потребность в ней, не только наличие прогресса в знании, но и потребность в таком прогрессе.

> «Все хорошо известные додарвиновские эволюционные теории Ламарка, Чемберса, Спенсера представляли эволюцию как целенаправленный процесс. „Идея“ о человеке и о современной флоре и фауне должна была присутствовать с первого творения жизни, возможно, в мыслях Бога. Эта идея или план обеспечивала направление и руководящую силу всему эволюционному процессу. Каждая новая стадия эволюционного процесса была более совершенной реализацией плана, который существовал с самого начала. Для многих людей опровержение эволюции такого телеологического типа было наиболее значительным и наименее приятным из предложений Дарвина. „Происхождение видов“ не признавало никаких целей, установленных Богом или природой. Что могли означать понятия „эволюция“ и „прогресс“ при отсутствии определенной цели? Для многих такие термины казались самопротиворечивыми. Аналогия, которая связывает эволюцию организмов с эволюцией научных идей, может легко завести слишком далеко. Каждый, кто следил за нашей аргументацией, тем не менее, почувствует необходимость спросить, почему эволюционный процесс должен осуществляться? Какова должна быть природа, включая и человека, чтобы наука было возможна вообще? Однако, эта проблема — каким должен быть мир, чтобы человек мог познать его — не порождена данной работой. Она столь же стара как и сама наука, и столько же времени остается без ответа. И мы

> ничуть не стали ближе, чем были вначале к ответу на этот вопрос»

Т. Кун Структура научных революций

К тому выводу приходит Томас Кун в заключительной главе своей нашумевшей книги «Структура научных революций», где он старается доказать, что прогресс в науке отсутствует, так как открытия ученых не добавляют новое знание к старому, уже имеющемуся, а напротив, отменяют старое и ставят на его место новое. Это, конечно, ерунда. Достаточно сказать, что его ссылки на «Революцию Эйнштейна», который якобы отменил ньютоновскую физику, сам Эйнштейн рассматривает в книге «Эволюция физике» в полном противоречие с позицией Куна: как кумулятивный процесс добавления нового знания к старому, где Эйнштейн отчетливо говорит, что ньютоновская физика — частный случай открытой им теории относительности.

Но что касается заключительных спекуляций Куна уже на тему эпистемологии вообще, то можно с уверенностью сказать, что они с Дарвином поспешили отменять метафизику интеллекта, потребность и способность человека к познанию истины и понимание эволюции человека как накопления знания о законах природы.

Что до цели познания, то как можно видеть из всего предыдущего анализа, это цель настолько животрепещуща именно в силу того, что интеллект и доступность истины составляют основу основ человеческой природы, особенности его психики, его духа как психической энергии.

Животные эволюционировали приспосабливаясь к среде, человек становился человеком развивая аппарат мышления и накапливая знания о законах природы. В этом смысле животное сделал труд, если понимать под трудом физическую активность, а человека человеком сделало мышление. Безусловно и это тяжелый труд, но кардинально отличный от труда животных. Эволюция человека — это эволюция мышления в смысле становления того заложенного плана, от которого так спешит открещиваться Кун, а эволюция животных, будучи эволюцией био-

логии, но не психики — это эволюция приспособления организмов к среде.

У человека есть вполне конкретная цель — познать законы движения природных энергий. Иерархия наук Огюста Конта, вопреки всем теориям «парадигм и научных революций» Куна, Поппера или Фуко, отрицавшим накопительное знание и прогресс в эпистемологии, со всей убедительностью доказывает, что прогресс развития наук — это кумулятивный процесс, в котором ученые последовательно открывали одну природную энергию за другой, проникая все больше вглубь в законы движения природы. Когда человек станет достаточно силен в интеллектуальном плане, он должен также открыть и поставить под контроль законы собственной энергии — о чем собственно и пишут все рационалисты, начиная уже с Пифагора и Платона (а также Зороастра в Иране и Будды в Индии).

Эта цель познания и контроля законов природы, в том числе и своей природы важна настолько насколько вообще может быть важна реализации природы человека. Человек, по сути еще и не жил, это затянувшееся становление человечества связано как раз с трудностями в эпистемологии. Жизнь человечества начнется тогда, когда у него будут знания не только об окружающем мире, о законах движения других природных энергий, но и своей собственной. Без этих знаний вообще нельзя ставить вопрос о том, зачем человеку то или другое, потому что человека вообще нет. Когда Герцен или Фромм пишут, что человек приходит в этот мир, живет «в чаду» и умирает, не успев родиться толком, они имеют в виду именно это. Интеллектуальное существо с одной стороны, неполноценность этого существа с другой стороны. Вот почему, цель как познание — обязательная и необходимая цель человечества, без которой вообще не может быть человечества.

2. ХРИСТИАНСТВО КАК СИНТЕЗ МЕТАФИЗИКИ ИНТЕЛЛЕКТА И МИСТИКИ

Евангелие как проповеди метафизики интеллекта в поэтической форме говорит о единстве Духа и Истины, о втором рождении человека как «Рождении от Духа». В противоположность Евангелию Новый Завет заурядная первобытная мистика, которая прославилась между другими многими такими же тем, что в силу исторических обстоятельств оказалась частью философии метафизики интеллекта.

Соединение это не могло быть органичным, потому что мистика и метафизика интеллекта прямо отрицают друг друга, но процесс разоблачения неправомерности этого соединения несоединимых вещей растянулся на века и тысячелетия. «Век разума» Томаса Пейна и «Соединение и перевод четырех евангелий» Льва Толстого, пожалуй, самые известные в истории книги, освещавшие эту тему. От Томас Пейна отвернулись его друзья, которым показалось кощунственным такое нападение на Ветхий завет (но не на Христа), а Толстого, другого защитника Христа против Ветхого завета, отлучили от церкви, как известно.

> «Значение речей и действий Христа, приведенных в этой главе, то, что Христос отрицает все, решительно все вероучение еврейское. В сущности это до такой степени ясно и несомненно, что как-то совестно доказывать это. Надо было, чтобы наши церкви постигла та странная историческая судьба, заставившая их против здравого смысла соединять в одно несоединимые, прямо противоположные учения: христианское и еврейское, чтобы они могли утверждать такую нелепость и скрывать очевидное. Стоит не только прочесть, но пробежать Пятикнижие, в которых до малейших подробностей определены все действия человека в десятках тысяч самых разнообразных случаев, чтобы ясно видеть, что при таком подробном, мелочном определении всех поступков человека не может быть места какому-нибудь продолжению, дополнению учения закона, как уверяют церкви. Еще мог бы быть какой-нибудь простор для нового закона, если бы сказано было, что все законы эти людские. Но нет, ясно и определенно сказано, что все это, — о том, как и когда срезать или не срезать прыщики крайней плоти, о том, как

и когда побить всех жени детей, каких людей как вознаградить за нечаянно убитого вола, — ясно сказано, что все это слова самого Бога. Как же дополнять этот закон? Дополнять такой закон можно только новыми подробностями о прыщиках крайней плоти, о том, кого еще убить надо, и т. д. Но, приняв этот закон боговдохновенным, нельзя уже не только проповедовать учение Христа, но даже самое низменное учение. Все определено, нечего проповедовать. Для первого слова какой-нибудь проповеди в виду Пятикнижия надо разрушить Пятикнижие, закон Пятикнижия. А в том, что Пятикнижие от Бога и Евангелие от Бога, в этом-то самом должна себя и других уверять церковь. Что же ей больше делать, как не закрывать глаза на очевидность и напрягать все силы изворотливости ума, чтобы соединить несоединимое. Сделалось это вследствие ложного учения Павла, которое предшествовало знанию учения Христа и по которому непонятое учение Христа былопредставлено, как продолжение учения евреев. Но когда уже раз это совершилось, и задача была поставлена не в том, чтобы понять смысл учения Христа, а в том, чтобы соединить несоединимое, что же было делать, как не вилять и не говорить те туманные, несвязные, выспренные речи, как Павлово послание к евреям, и весь тот сумбур в этом же роде, который 1800 лет проповедуют так называемые отцы церкви и богословы.

Действительно, стоит только представить себе, что люди задались тем, чтобы признавая оба сочинения до последней строчки истинными, соединить в одно 1-йтом свода законов и сочинения хоть Прудона. Я выбрал 1-й том и Прудона, но1-й том и Прудон скорее могут быть соединены, чем Пятикнижие и Евангелие. В самом деле, что ни возьмем:

В Евангелии: не только убить кого-нибудь, но запрещается сердце иметь на кого — нибудь; в Пятикнижии: убить, убить и убить жен, детей и скотов.

В Евангелии: богатство — зло; в Пятикнижии — высшее благо и награда.

В Евангелии: чистота телесная — имей одну жену; в Пятикнижии — бери жен, сколько хочешь.

В Евангелии: все люди братья; в Пятикнижии — все враги, одни иудеи братья.

В Евангелии: никакого внешнего Богопочитания; в Пятикнижии большая половина книг определяет подробности внешнего служения Богу.

И это-то учение евангельское, как уверяют, есть дополнение и продолжение Пятикнижия.

О той лжи и неизбежно ложном понимании учения Христа, которые вытекают из этого нелепого утверждения, по отношению к другим местам Евангелия, будет сказано в своем месте, теперь же речь идет о внешнем богопочитании, против которого восставал Иисус.
По толкованиям церкви выходит, что все те места, которые помещены в этой 2-й главе: отрицание омовений и не общения с неочищенными, отрицание всего, считающегося нечистым, отрицание постов, отрицание важнейшего завета евреев с Богом — субботы, отрицание всех жертвоприношений, отрицание необходимости рукотворного храма, отрицание даже самого священного для евреев места, Иерусалима, и, наконец, отрицание самого Бога как чего-то внешнего, а признание Бога — духом, которому надо служить в духе, — все это, по толкованиям церкви, какие-то для нас совершенно не нужные нападки на выдуманные какими-то фарисеями излишние тонкости.
Не говоря уже о том, что если это все имеет только значение пикировки с какими-то фарисеями, то это излишне; не говоря о том, что для всякого человека, знающего грамоте и могущего читать Пятикнижие и могущего думать своим умом, — утверждение о том, что «Иисус боролся не с законом Моисея, а с фарисеями», представится очевидно ложным.
Иисус боролся со всеми законами Пятикнижия, само собою разумеется, исключая некоторых истин, которые должны же были быть в этой куче безобразия и вздора. Так он понимал о заповеди любить отца и мать, любить ближнего. Но то, что в Пятикнижии нашлись две, три фразы, которые мог признать Иисус, не доказывает, что он дополнял и продолжал его, так же как не доказывает то, что человек, оспаривая другого, берет его же некоторые слова для утверждения своих доводов..
Иисус не с фарисеями спорил, а со всем законом, и в своих отрицаниях внешнего богопочитания он перебрал все, что только составляло догмат веры внешнего богопочитания каждого взрослого еврея. Добрая часть Пятикнижия наполнена определенными установлениями от самого Бога о том, какие и как ему нужно приносить жертвы.
То же можно сказать и об Иерусалиме. Иерусалим — город Бога. Бог там живет. О том, что Бог не дух, а внешнее существо с руками, глазами и ногами, видно из всех мест, где только упоминается о Боге. И потому, отрицая и очищение, и посты, и субботы, и жертвы, и храм, и плотского Бога, Иисус не продолжал веру Моисея, но всю под корень отрицал ее»

Лев Толстой Соединение и перевод четырех Евангелий

Задолго до Пейна и Толстого эта взрывная смесь мистики и метафизики интеллекта привела к движению Реформации, выразившемуся в восстании лютеран против превращения религии Духа в магию внешних ритуалов и подчинения авторитету церкви. По этому поводу Куно Фишер пишет:

> «Католицизм и протестантизм являются всемирно-историческими антитезами, охватывающими и исчерпывающими в пределах христианства принципы религиозной жизни, а потому не допускают никакого смешения, никакого компромисса, никакого сосуществования, а также никаких промежуточных форм. Если появляется такая форма, то она всегда есть лишь видоизменение одного из них и, взятая сама по себе, представляет собою бессильный гермафродитизм. Вера в авторитет и свобода веры (я беру последнюю не как пустую фразу, а как требование, выставленное Лютером) находятся в принципиальной религиозной борьбе друг с другом, приведшей Реформацию к отпадению от Церкви, а Церковь — к тридентским постановлениям»

Куно Фишер Век Реформации

Вера в авторитет — это мистика, а свобода веры — это дух метафизики интеллекта. Безусловно, Лютер не говорил о метафизике интеллекта и вообще об интеллекте, но ведь и Христос не говорил. Но Лютер провел резкую черту между религией духа и религией авторитета и в этом принципиальном разграничении и была демаркация мистики и метафизики интеллекта.

Зато Томас Пейн прямо говорит о метафизике интеллекта, противопоставляя ее мистике Ветхого завета.

> *«Человек может открыть Бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно., кому читать Библию — лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?*
>
> *Только в мироздании могут объединиться все наши идеи и представления о слове божьем. Мироздание говорит всеобщим языком независимо от многообразия человеческих языков. Оно — вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделать, подменить, утерять, изменить, или уничтожить. От воли человека не зависит, оглашать его в печати или нет; оно само оглашает себя с одного края земли до другого. Оно проповеду-*

ет всем народам и всем мирам; и это слово божье открывает человеку все, что ему необходимо знать о боге.
То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога.
Все наше знание проистекает из изучения истинной теологии, и из этого знания произошли все искусства. Всемогущий лектор, изложив принципы науки в структуре Вселенной, пригласил человека исследовать и подражать. Он как бы сказал обитателям нашего земного шара: «Я создал землю для того, чтобы человек обитал на ней; я сделал видимыми звездные небеса, чтобы он учился науке и искусствам. Теперь, люди могут обеспечить себе благополучие и на примере моей щедрости ко всем научиться быть добрыми друг к другу»

Век разума Тома Пейн

В то же время Томас Пейн полностью согласен с Толстым в оценке Ветхого завета как книги полностью противоположной Евангелию. Он пишет:

«Ясно, что так называемое христианское вероучение, включающее причудливый рассказ о творении, странную историю Евы, змея и яблока, двусмысленную идею богочеловека, идею телесной смерти бога, мифологическую идею семьи богов и христианскую идею арифметики, по которой один есть три, и три есть один, расходится не только с божественным даром разума, который дан человеку богом, но и со знанием силы и мудрости бога, которое человек приобретает с помощью наук и изучения устройства созданной богом вселенной.
Самым необычным из чудес, о которых сообщает Новый завет, является история о дьяволе, который унес на себе Иисуса Христа на вершину самой высокой горы и на купол самого высокого храма, откуда показал ему все царства мира, пообещав ему их. Как же случилось, что он не открыл тогда Америки? Или его закопченное высочество интересовался только царствами?
Лучше, гораздо лучше было бы допустить, если бы это было возможно, чтобы тысяча чертей разгуливала на свободе и публично проповедовала свою дьявольскую доктрину, если бы таковая была, чем чтобы хоть один такой обманщик и чудовище, как Моисей, Иисус Навин, Самуил и библейские пророки, явился с мнимым словом божьим на устах и пользовался среди нас доверием.

> *Самая предосудительная безнравственность, самые ужасные жестокости и величайшие несчастья, причиняющие страдания человеческому роду, имеют своим источником так называемое откровение или религию откровения. Эта вера — самая оскорбительная для божества, самая разрушительная для нравственности мира и счастья человека, которая когда-либо распространялась с тех пор, как существует человек. ...Откуда произошли все эти ужасные избиения целых народов, мужчин, женщин и детей, которыми полна Библия, кровавые гонения, смертные мучения и религиозные войны, которые с того времени не раз заливали Европу кровью и засыпали пеплом, откуда произошли они, если не из нечестивой вещи, называемой религией откровения, и той чудовищной веры, что Бог говорил с человеком? Библейский обман был причиной одной, а ложь завета — другой.*
> *По своему характеру книга эта ужасна. Это военная история грабежей и убийств, столь же диких и зверских, как и те, которые приписываются его предшественнику по низости и лицемерию — Моисею. Как и первые книги она кощунственна, ибо приписывает эти преступления воле всемогущего»,* — говорит он о книге Иисуса Навина в «Веке разума».
> *Все сказанное здесь ни в коей мере неприложимо, пусть даже с малейшим неуважением, к реальной личности Иисуса Христа. Он был добродетельным и привлекательным человеком. Нравственность, которую он проповедовал и практиковал, была в высшей степени благородной, и хотя сходные нравственные системы проповедовались Конфуцией и некоторыми греческими философами за много лет до него и квакерами впоследствии, а многими добродетельными людьми во все времена, его система не была никем превзойдена»*

Томас Пейн Век разума

Бертран Рассел в Истории западной философии также пишет, что христианство стало эклектикой, компиляцией двух совершенно различных по своему содержанию текстов: мистики народных еврейских преданий и метафизики интеллекта платонизма.

> «Христианство (и этим оно обязано св. Павлу) сохранило то, что было привлекательным в доктринах евреев, отвергнув в то же время те черты, принять которые язычникам было труднее всего. Однако идея о том, что евреи являются избранным народом, оставалась невыносимой для греческой гордыни. Эта идея была самым решительным

> образом отвергнута гностиками. Гностики (или по крайней мере некоторые из них) придерживались воззрения, согласно которому чувственный мир был сотворен низшим богом, по имени Иалдаваоф, мятежным сыном Софии (небесной мудрости). Он-то, говорили они, и является тем Яхве, о котором говорится в Ветхом завете, а змий не только не был воплощением порока, а, напротив, должен был предупредить Еву против лживых наущений Иалдаваофа. Долгое время верховный бог предоставлял Иалдаваофу свободу действий; ***но в конце концов он послал своего сына, чтобы тот временно вселился в тело человека Иисуса и освободил мир от лживого учения Моисея.***
> Эта еврейская простота в целом еще характерна для синоптических евангелий (от Матфея, Марка и Луки), но от нее уже и следа не осталось в евангелии от св. Иоанна, где Христос отождествлен с платонистско-стоическим логосом. Четвертого евангелиста интересует не столько человек Христос, сколько теологический Христос. Это еще более справедливо по отношению к отцам церкви; показательно, что в их писаниях мы находим гораздо больше ссылок на евангелие от св. Иоанна, чем на три других евангелия, вместе взятых. В Посланиях св. Павла также содержится много теологии, особенно по вопросу о спасении; в то же время они свидетельствуют о том, что автор хорошо знаком с греческой культурой: есть цитата из Менандра, упоминается Эпименид Критский (которому принадлежит изречение, что все критяне — лгуны) и т. д. Это не мешает св. Павлу заявить: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением». Синтез греческой философии и древнееврейского Священного писания оставался более или менее случайным и отрывочным до времени Оригена (185–254 годы н.э.)»

Бертран Рассел
История западной философии

Лев Толстой настаивает на том, что Евангелие есть бунт Христа против Моисеева закона, тогда как церкви стараются представить этот бунт как продолжение этого Закона. Но учение о Духе и Истине не может быть продолжением мистики внешних магических ритуалов, эгозащиты и жестокости. Также и Куно Фишер пишет, что существо протестантской революции состояло в демаркации этой границы между религией Духа и религией магии, религией свободного суждения и сердечной веры и религией авторитета церкви и внешнего послушания. В свое время

Спиноза, будучи евреем также восстал против Моиссева закона как и Христос, признав в то же время Христа великим философом. Потом Эйнштейн встал на позиции метафизики интеллекта, столь же решительно отвергая мистику Ветхого завета.

Толстой также как и Куно Фишер считал, что конфликт между церковью и евангелием состоит не в недоразумении, но что эти институты не совместимы в принципе, потому что противоположны по своему существу.

> *«Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер называл ее бесчестная; недаром все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов. Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь. Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого.»*

Лев Толстой Царствие Божие внутри вас

В том же духе писал о противоположности и несовместимости православной церкви с Евангелием и Белинский в своей отповеди Гоголю:

> *«Проповедник кнута, апостол невежества, поборни обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый воз-*

> *вестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор.*
> Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение»

Из письма Белинского Гоголю

Герцен противопоставляет мистицизм православия и евангелие христианской философии:

> *«Почва, завоеванная России цивилизацией, была потеряна для церкви. Греческое православие властвует над душой славянина лишь в том случае, если находит в ней невежественность. По мере того, как проникает в нее свет, тускнеет вера, внешний фетишизм уступает место полнейшему безразличию. Здравый смысл и практический ум русского человека отвергают совместимость ясной мысли с мистицизмом. Укрепление религиозной дисциплины при помощи полиции во времена императора Николая не говорит в пользу богобоязненности цивилизованных классов»*

*Развитие революционной мысли
в России Герцен*

> *«Но евангелие я читал много и с любовью, по-славянски и в лютеровском переводе. Я читал без всякого руководства, не все понимал, но чувствовал искреннее и глубокое уважение к читаемому. В первой молодости моей я часто увлекался вольтерианизмом, любил иронию и насмешку, но не помню, чтоб когда-нибудь я взял в руки евангелие с холодным чувством, это меня проводило через всю жизнь; во все возрасты, при разных событиях я возвращался к чтению евангелия, и всякий раз его содержание низводило мир и кротость на душу»*

«Былое и думы»

Руссо пишет, что если Евангелие Христа нельзя не признать божественным произведением, то церковь и ее влияние на воспитание наносят «смертельный удар человеческому разуму» и становятся «основой кровавой нетерпимости»:

> «Признаюсь вам также, что святость Евангелия это такой аргумент, который говорит моему сердцу и против которого мне даже жаль было бы найти какое-нибудь дельное возражение. Посмотрите на книги философов со всею присущею им пышностью; как они ничтожны по сравнению с этой книгою! Возможно ли, чтобы книга, столь возвышенная и в то же время столь простая, была произведением человеческим?...
> Я предвижу, сколь многие читатели будут изумлены тем, что, проследив весь первый возраст моего воспитанника, я ни разу не говорил ему о религии. Если я хотел бы изобразить прискорбную тупость, я нарисовал бы педанта, обучающего детей катехизису. Есть тайны, которые человеку невозможно не только постичь, но и представить в мысли; и я не вижу, что выигрывают, преподавая детям эти тайны, если не считать того, что их с ранних пор учат лгать. «Чтобы быть спасенным, нужно верить в Бога». Плохое понимание этого догмата бывает основой кровавой нетерпимости и причиной всех тех бесплодных наставлений, которые наносят смертельный удар человеческому разуму, приучая его отделываться одними словами»

Эмиль Руссо

3. ДУША У МИСТИКОВ

«Ложные ценности и слова безумия — это худшие чудовища для смертных, — долго дремлет и ждет в них судьба. Но наконец она пробуждается, выслеживает, пожирает и проглатывает все, что строило на ней жилище себе. О, посмотрите же на эти жилища, что построили себе эти священники! Церквами называют они свои благоухающие пещеры. О, этот поддельный свет, этот спертый воздух! Здесь душа не смеет взлететь на высоту свою!»

Ницше Так говорил Заратустра

Таким образом, если Евангелие вполне может быть признано выдающимся поэтическим произведением, воспевающим метафизику интеллекта и Дух человека, как особую природную энергию, порождаемую этим интеллектом, то институт церкви, будь то католическая или православная церковь, наоборот, как мы могли видеть, ставит своей целью пропаганду мистики и невежества Ветхого завета.

> «Концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом, но у них она принимает гораздо более конкретную форму, чем у греческих философов. Согласно греческой доктрине (которую можно обнаружить во многих произведениях христианской философии, но не в распространенной форме христианства), чувственный мир, существующий в пространстве и времени, является иллюзией; при помощи интеллектуальной и моральной дисциплины человек может научиться жить в вечном мире — единственно реальном. Напротив, в еврейской и христианской доктринах иной мир понимался не как нечто *метафизически* отличное от мира сего, а как будущее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки. В этом веровании воплотилась психология мстительности, и оно было понятно всем и каждому, тогда как доктрины греческих философов общепонятными не являлись»

Бертран Рассел
История западной философии

Что же в таком случае называли «духом» церковники, если не энергию интеллекта? Вместо той силы, свободы, дружбы, эстетики, юмора, сотрудничества и удовлетворения собой и другими, которые происходят из знания и науки, люди оказались вновь на поле кривого зеркала эгосистемы, стесненные противостоянием двух всемогущих сил, Эго и СуперЭго. Запуганные демоном и чертями с одной стороны, и задобренные обещаниями райской жизни после смерти, им, подобно их предшественникам аборигенам, оставалось только поклоняться своим тотемам, в надежде умиротворить демонов и приблизить рай.

> *«Если принимать религию всерьез, то следует сделать заключение, что земной мир незначительное событие по сравнению с грядущей*

жизнью на небесах, а это в свою очередь приведет нас к отстаиванию прелестей несчастливой жизни на земле в ожидании компенсации необъятного счастья на небе. Поэтому те, кто глубоко и искренне принимает христианскую догму, недооценивает зла болезней и бедности по причине их преходящего земного характера. Эта доктрина оказывается как нельзя кстати для поддержания доминирующего положения богатых классов, и возможно является одной из основных причин по которым наиболее богатые люди глубоко религиозны. Если нас ждет будущая жизнь, и если награда на небесах зависит от уровня несчастья здесь, в бренном мире, мы правильно делаем не заботясь ни о каких улучшениях земной жизни, и мы должны восхищаться самопожертвованием капитанов индустрии, которые позволяют другим монополизировать прибыльную жилу несчастья здесь, на земле. Но если мы ошибаемся, делая ставку на будущую жизнь, мы выбрасываем сущность своей жизни ради иллюзии, и будем похожи на тех неудачников, которые вкладывают все свои накопления в предприятия-банкроты»

Рассел Образование и здоровое общество

Если рационалисты никогда не отказывались от плоти, но проповедовали меру в еде, питье и гимнастику, которая развивает тело, то мистики Дух видят в противопоставлении телу, в истязании и умерщвлении плоти. Но ведь так же поступали и аборигены, мучившие себя неделями голодом и жаждой или подвергавшие себя другим тяжелым испытаниям с целью умилостивления тотемов.

Если рационалисты боролись с «ложным Я», с эгозащитой и невежеством, с тем только, чтобы истинное Я стало сильным, здоровым и счастливым, то мистики призвали совсем отказаться от себя, объявили любое удовольствие грехом, а самоуважение и самозащиту гордыней. Ты не только должен унизиться перед теми кто порочен и низок, но еще и полюбить их, не только простить их, но еще и перестать защищаться от них. На место силы и здоровья Духа, которые искали рационалисты, они поставили полное разложение этого духа, отказ от основы основ, который его составляет.

«Когда же в Новом завете говорится: „Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую", это убивает достоинство про-

щения и превращает человека в собачонку. Любовь к врагам — другая догма притворной нравственности и собственно она бессмысленна. Человек, как нравственное существо, обязан не мстить за обиду; это равно хорошо в политическом смысле, ибо возмездию нет конца; каждый мстит другому и называет это справедливостью. Но любовь пропорциональна обиде, если бы ее и можно было проявить, была бы наградой предлагаемой за преступление. Принцип „все, чего вы хотите, чтобы люди делали вам, делайте им“ не подразумевает странного учения о любви к врагам; никто не рассчитывает быть любимым за свое преступление или враждебность»

Пейн Век разума

«как самоудовлетворенность и истинное смирение хороши и спасительны, так самомнение и самоуничижение, напротив, дурны и гибельны. Ибо первые не только приводят их обладателя в хорошее состояние, но представляют собой настоящую лестницу, по которой мы достигаем высшего блага, а последние не только мешают нам достигнуть совершенства, но приводят нас к полной гибели»

Спиноза Этика

Здесь рационалист Спиноза проводит четкую черту между истинным самоуважение с одной стороны и тщеславием, берущим начало в эгозащите — с другой. И он прав, когда говорит, что отказ от здоровой самооценки также гибелен как приверженность нездоровой, то есть тщеславию.

В конечном итоге, «духом» у мистиков оказывается полное надругательство как над психическим здоровьем, так и над биологическим. Безусловно диеты и разумный аскетизм могут быть полезны и для души и для тела, но не умерщвление плоти и не намеренная антисанитария, которая процветала в средневековье как один из важных атрибутов «духовности». Борьба с «плотью», будь то прием пищи или половое влечение, заменяют мистикам борьбу с ложным Я, которая лежит в основе философии рационализма. И в итоге, идеология мистиков — это идеология раболепия и нездоровья, поскольку доктрину борьбы с эгоизмом стали трактовать и использовать как долг отказа от себя во имя бога.

«Так, как Христос, искупая род человеческий попирает плоть... вся наша нравственность вышла из того же начала. Нравственность

> *эта требовала постоянной жертвы, беспрерывного подвига, беспрерывного самопожертвования»*

Герцен С того берега

Можно понять, почему не погибли и получили развитие только те регионы планеты, которые смогли превозмочь эту патологическую мистику, и вернуться к научному мировоззрению. Реформация стала таким рубежом в Европе, и когда Карлейль пишет, что все европейское просвещение и вся европейская культура обязаны ей своим быстрым прогрессом, он несомненно выражает общее мнение.

Тем не менее, Реформация церкви не будет закончена до тех пор, пока последние элементы мистики не будут разоблачены и изжиты. Это возможно только со становлением сначала светской науки, а затем с разоблачением мистики и в церкви. Как известно, протестантство далеко не справилось с этой задачей, хотя весьма успешно поставило ее и содействовало ее продвижению.

Поэзии Евангелия, даже если трактовать ее как бунт против Ветхого завета, явно недостаточно для противостояния мистике, именно в силу поэтического, мифологического характера этого произведения. Эффективная борьба с мистикой возможна только посредством интеллекта, евангелие же мало способствует его прославлению, как замечает Бертран Рассел.

> *«Насколько я могу припомнить, в Евангелие нет ни единого слова в прославление интеллекта; и в этом аспекте служители церкви более преданы букве Евангелия, чем в каком бы то ни было другом. Это должно расцениваться как серьезный дефект этики, преподаваемой христианской образовательной системой»*

Образование и здоровое общество
Бертран Рассел

В итоге и Евангелие, если преподносить его не как выдающееся произведение искусства, а как догму, оказывает тормозящее воздействие на развитие интеллекта и соответственно становление Духа, как зрелой психической энергии человека.

> *«Невозможно развить в детях научное мышление до тех пор, пока в качестве знания им преподносятся сакральные истины, закрытые для анализа и обсуждения. Существо научного подхода состоит в том, что он требует связи с действительностью независимо от результатов, которые будут получены в ходе исследования. Однако, если мы вместо этого имеем догматы веры, которые обязаны поддерживать вопреки всем очевидным фактам, мы должны окружить их эмоциями и табу, формулировать особым, вибрирующим от пафоса тоном, что эти догматы содержат „великие“ истины, и установить критерии истины, отличные от научных критериев»*

Образование и здоровое общество
Бертран Рассел

ГЛАВА 7. ДУХ И ДАРВИНОВСКАЯ ПАРАДИГМА

«Здесь ад для мыслей отшельника: здесь великие мысли кипятятся заживо и развариваются на маленькие.
Здесь разлагаются все великие чувства: здесь может только громыхать погремушка костлявых убогих чувств!
Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?
Разве не видишь ты, что души висят здесь, точно обвисшие, грязные лохмотья? — И они делают еще газеты из этих лохмотьев!
Разве не слышишь ты, что дух превратился здесь в игру слов? Отвратительные слова-помои извергает он! — И они делают еще газеты из этих слов-помоев!»

Ф. Ницше Так говорил Заратустра

1. РАЦИОНАЛИЗМ И УМНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ ДАРВИНА

«Некоторые естествоиспытатели, находясь под сильным впечатлением высоты умственных и духовных дарований человека, разделили весь органический мир на три

> царства: человеческое, животное
> и растительное, отдавая, таким образом,
> человеку особое царство. Духовные силы
> не могут быть сравниваемы
> и классифицируемы натуралистами;
> но последние могут стремиться доказать, как
> сделал и я, что умственные способности
> человека и низших животных не отличаются
> по своему качеству, хотя и отличаются
> неизмеримо по степени. Различие же
> в степени, как бы оно ни было велико,
> не дает нам права относить человека
> к отдельному царству. Это лучше всего
> можно видеть из сравнения способностей
> двух насекомых, кошенили и муравья,
> которые принадлежат, бесспорно, к одному
> классу. Здесь различия больше, хотя
> и несколько иного рода, чем между
> человеком и высшими млекопитающими.
> А между тем никому и не снилось никогда
> относить их в разные классы, тем менее
> в отдельные царства»
>
> *Происхождение человека Т.1 Дарвин*

Понятно, почему такая абсурдная идея (качественное единообразие умственных способностей человека и животного) не могла зародиться в уме, скажем, Декарта, как и любого другого рационалиста. Декарт, как известно, писал, что никаких параллелей между умом животного и человека быть не может, потому что «животные вовсе лишены разума»:

> *«Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав различные слова, не передать речью мысль, доступную понимания собеседника; и наоборот нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых*

условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучше животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно как мало ума требуется, чтобы научиться говорить»

Декарт Р. Рассуждения о методе

Дарвин занимает категорически противоположную позицию: разница в умственных способностях животного и человека настолько мала, что существуют животные которые больше отличаются друг от друга разумом, чем человек и высшие обезьяны; и наоборот, разница между умственными способностями дикарей и гениев может быть значительно больше разницы между разумом высшей обезьяны и человека. Таковы аргументы Дарвина.

«Но можно показать, что основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животным не существует. С другой стороны мы должны согласиться, что различия между одной из низших рыб и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между человеком и обезьяной....Точно также нельзя назвать ничтожной разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром. Различие подобного рода между величайшими людьми наиболее развитых рас и последними из варваров тоже связаны между собой тончайшими переходами. Поэтому можно думать, что они переходят одно в другое и развиваются постепенно»

Происхождение человека Дарвин

Трудно сказать, какого рода проблемы с логикой, могли побудить Дарвина к подобной аргументации. Даже если принять во внимание господствовавший в науке эмпиризм, вытеснивший рационализм картезианцев, все равно не понятно, как можно утверждать, что «разница между рыбой и обезьяной гораздо

значительнее, чем между человеком и обезьяной». Понятно ведь, какой непроходимой пропастью для любого животного является возможность теоретического рассуждения. Даже первая ступень к этому рассуждению — членораздельная речь и та недоступна животному. И с этим Дарвин не спорит, и понимает что это неспособность «связать слова в мысли» происходят из недостатка умственных способностей.

Дарвин понимает умственные способности как способности приспособления к среде. В этом его категорическое отличие от Декарта и всего рационализма вообще. Рационалисты со времен Пифагора и Платона понимали разум как способность постижения истины ради самой истины, как созерцание, открывающее им сущность вещей, но не материю вещи. Разумеется, они могли пользоваться и самой вещью, но не в этом был смысл познания, а в стремлении к знанию самому по себе.

Утилитарная точка зрения Дарвина, приравнявшего разум к органу и инструменту биологического выживания, такому например как клыки и когти животных, имеет своим источником эмпиризм, упразднивший понятие «Я», личности, души, как недоступные опыту. В итоге, человек становился «разумным животным» Аристотеля, с «чистой доской» сознания, которому разум мог быть нужен только в целях биологического выживания. Так устранялись качественные различия, состоящие в научном мышлении человека, порождающим особую природную энергию, — психику, дух, личность, «Я». И разница между человеком и животным сводилась к количественным различиям в том, насколько эффективно те и другие использовали разум для приспособления к себе.

> *«Из всех человеческих способностей разум, конечно, ставится всеми на первое место. Но весьма немногие отвергают в настоящее время, что и животные обладают некоторой степенью рассуждающей способности. Можно постоянно видеть, как они останавливаются, обдумывают и принимают решения. Я видел сам и смею утверждать, что видели и другие, как слон в зоологическом саду в случае, когда брошенный ему предмет лежал слишком далеко, направлял из хобота сильную струю воздуха так, чтобы она ударялась в зем-*

> *лю впереди предмета, и отражаясь от земли, подвинула бы предмет к нему. Известный этнолог Уэстроп извещает меня, что он видел в Вене, как медведь умышленно приводил лапой в движение воду в бассейне близ самой клетки, чтобы образовавшееся течение привлекло к нему кусок хлеба, плававший в воде. Эти движения медведя и слона вряд ли можно приписать инстинкту или унаследованной привычке, ибо они едва ли могли бы пригодиться животному, живущему на воле. Какая же разница между подобными действиями, когда их совершает дикарь или какое-либо из высших животных? Дикарь, конечно же не стал бы рассуждать, на каких законах основано желательное для него движение, и тем не менее поступок свой он совершал бы с помощью грубого процесса рассуждения столь же верно, как и философ после длинного ряда логических рассуждений»*

Происхождение человека Дарвин

Ссылки Дарвина на дикарей более чем непрофессиональный вздор, потому что он ровным счетом ничего не знал о первобытном сознании и не потрудился почитать, ограничившись извинением что «духовные силы не могут быть измерены и классифицируемы натуралистами». Он натуралист и не может давать научную оценку «духу», но тогда зачем городить огород? «*Какая же разница между подобными действиями, — пишет наш натуралист, — когда их совершает дикарь или какое-либо из высших животных? Дикарь, конечно же не стал бы рассуждать, на каких законах основано желательное для него движение, и тем не менее поступок свой он совершал бы с помощью грубого процесса рассуждения столь же верно, как и философ после длинного ряда логических рассуждений*»

Заметьте, что на такого рода вздоре держится вся современная социальная «наука». Здесь навалены в кучу такие несравнимые понятия, что свидетельствует о крайней невежестве автора. В результате Дарвин выстраивает единую качественную цепочку от слона и медведя, догадавшихся подвинуть себе кусок хлеба, к дикарю, а от дикаря к философу.

Начнем с того, что не только животные качественно различны с человеком вообще, будь то дикарь или философ, но также и психика первобытных людей качественно неодно-

родна с психикой цивилизованных людей, обладающих развитым аппаратом мышления. И строить из такого разнородного материала единое качественное отношение просто абсурд. Дикарь не рассуждает, его психика это автоматизма на поле Эго-системы, мистика сверхъестественных сил, поклонение тотемам и жертвоприношения, в том числе и самих себя: «Мы не думаем, мы боимся», — передает Леви-Брюль специфику сознания абориген. Дикарь бы мог вместо того, чтобы съесть кусок хлеба, который додумался подвинуть медведь, решить, что это священная чуринга, или фетиш, жутко испугаться, и начать ему поклоняться, или же сделать еще что-либо совершенно непредсказуемое с точки зрения животного или философа.

Что же до разницы между философом и сообразительным медведем, то и тут та же непроходимая пропасть между биологической и психической энергиями. Человек ищет и видит законы движения природы, ее сущность, пассивный интеллект, заложенный в природе, дающий доступ к силе ее энергий. Животное, даже если признавать у него какую-то смекалку (потому что разумом, интеллектом, умственными способностями называется теоретическое мышление, а вовсе не способность подвинуть к себе кусок хлеба), располагает только смекалкой в качестве «служанки инстинктов». Теоретическое мышление, ложное или истинное в отношении научного метода в данном случае неважно, в равной степени недоступно животным, как недоступна им членораздельная речь. И Дарвин, скрипя сердцем, перечислив все замечательные способности кур кукарекать, вынужден в конечном итоге признать свое бессилие решить это противоречие в его рассуждениях:

> *«Несмотря на то, что лай новоприобретенная способность, можно быть уверенным, что и дикие виды, родоначальники собаки, выражали свои чувства различными криками. Гузо, внимательно исследовавший этот предмет, утверждает, что куры издают, по крайней мере, двенадцать различных звуков, имеющих различное значение. Членораздельная речь, однако, свойственна одному человеку. Тот факт, что высшие обезьяны не пользуются своими голосовыми органами для речи, зависит, несомненно, от недостатка развития их ума. На вопрос,*

> *почему у обезьян умственные способности не развились до той же высоты, как у человека, можно ответить только указанием на общие причины, и было бы бесполезно ожидать более определенного ответа в виду недостаточности наших знаний о последовательных ступенях развития, через которое прошло каждое существо»*

Происхождение человека Дарвин

Итак, вся теория Дарвина держится на предположении, что логическая цепочка рассуждений философа аналогична «рассуждениям» медведя, двигавшего палкой или струей воды, кусок хлеба по направлению к своему желудку. Как же эмпирики, не желавшие признавать даже внутренний мир человека, его дух и личность, с такой готовностью проглотили этот ни на чем не основанный софизм? Кто-нибудь слышал как рассуждают медведи? И потом сравнил рассуждения медведя с рассуждениями Декарта? И доказал их качественное единство?

Как бы не была абсурдна эта теория прежде всего с эмпирической точки зрения, поскольку она вся вопиет против опыта, современная эпистемология в лице Карла Поппера всецело на ее стороне. Поппер редуцировал мир интеллектуальных сущностей Платона (законов природы, на которых держится вся вселенная) к миру теорий, которые люди изобретают для биологического приспособления к среде. Почувствуйте разницу: мир идей Платона, как интеллектуальной истины, закона, управляющего вселенной, познание которого сосредотачивает контроль над вселенной в руках человека — с одной стороны. И мир теорий Поппера: субъективные по отношению к вселенной измышления человека, такие же как «рассуждения» медведя, двигающего кусок хлеба палкой, для приспособления к среде. Субъективные, потому что не ищут истины, которой нет, а служат орудием приспособления, которое постоянно меняется. Одни конкурирующие теории сменяют другие в ходе приспособления человека к среде. Эту конкуренцию теорий, уничтожающих одна другую, кардинально меняющих наше представление о мире, Поппер противопоставил эпистемологии рационалистов, у которых знание есть накопительный процесс, приближающий нас к познанию истины. И дал

название закона фальсификации, поскольку суть его эпистемологии в регулярном опровержении одних конкурирующих теорий другими, что не приближает нас к истине, которая объявляется недостижимой, но регулярно меняет наше мировоззрения, по аналогии с парадигмами Куна. С какой совестью он сравнивает свои теории-органывыживания с миром идей Платона — вопрос риторический.

Мир Идей Платона — это классическая метафизика интеллекта, представленная двумя полюсами: пассивным, то есть законами движения природы и активным, то есть мышлением, способным открывать эти законы. Поппер уничтожает метафизику интеллекта, отнимая у природы законы (законов природы нет), а у человека объективное мышление (способность видеть истину, открывать законы природы). Его человек — это обезьяна Дарвина, не открывающая законов природы, а приспосабливающаяся к природе, е «знание» — это субъективное отражение материи в материи. Так получается «три мира» Поппера, после уничтожения двух полюсов метафизики интеллекта Платона: человек-животное, мир-материя и мир-теорий, которые живут «сами по себе», независимо от человека и природы. Понятно, что такие «теории» и в самом деле мало чем будут отличается от «теорий» животных.

> «Наши усилия, отличаются от усилий животного или амебы лишь тем, что наша веревка может найти зацепку в мире критических дискуссий — мира языка, объективного знания. Это позволяет нам отбросить некоторые из наших конкурирующих гипотез. Так что, если нам повезет, мы сможем пережить некоторые из наших ошибочных теорий (а большинство из них являются ошибочными, в то время как амеба погибает вместе со своими теориями, со своими убеждениями и своими привычками»

Карл Поппер Объективное знание

Как можно видеть, он на полном серьезе проводит аналогию между «теориями» выживания амебы и «теориями выживания» человека. И этот подход признается серьезной наукой в современном обществе.

Уже Дарвин, как мы видели, определил разум человека, как орган биологического выживания, а самого человека животным с особенным органом биологического выживания. Поэтому он пишет о происхождении человека как о пике эволюции животных, где человеку в силу особой эффективности мозга в приспособлении к среде, посчастливилось больше других. Так что человечество как подвид животных превзошел все другие виды в приспособляемости, победил так сказать в естественном отборе.

> *«Сомневаться в великом значении умственных способностей невозможно, потому что человек обязан главнейшим образом им своим высоким положением в мире. Мы можем видеть, что в самом грубом состоянии общества личности, наиболее смышленые, изобретавшие и употреблявшие наилучшим образом оружие и западни и наиболее способные защищать самих себя, должны были производить наибольшее потомство. Племена, заключавшие наибольшее число таких даровитых людей, должны были увеличиваться в числе и вытеснять другие племена.*
> *И в настоящее время образованные народы повсюду вытесняют дикарей, за исключением тех местностей, где климат представляет непреодолимые препятствия; и успех зависит здесь главным образом, хотя и не исключительно, от технических изделий, которые в свою очередь суть продукты разума. Следовательно, очень вероятно, что у людей умственные способности постепенно совершенствовались путем естественного отбора.*
> *Этого заключения достаточно для наших целей. Без сомнения, было бы очень важно проследить развитие каждой способности в отдельности, начиная от состояния в котором она находилась у низших животных, и кончая состоянием ее у человека; но у меня не достает ни умения, ни знания, чтобы взяться за это.*
> *Если новое изобретение было важно, то племя должно было увеличиться в числе, распространиться и вытеснить другие племена. В племени, которое стало многочисленнее вследствие таких причин, будет всегда более шансов для рождения других одаренных и изобретательных членов»*

Дарвин Происхождение человека

Именно в этом смысле и стали рассматривать мозг человека все последующие дарвинисты от Ленина и Гитлера до Томаса

Куна и Карла Поппера. Как орган приспособления к среде, как средство биологического выживания.

Бертран Рассел, который под конец жизни стал сомневаться в теории происхождения человека Дарвина, писал по этому поводу:

> *«С чисто биологической точки зрения большая неудача, что деструктивная техника развивается намного быстрее конструктивной техники человечества. Современное оружие позволяет моментально уничтожить 500 000 человек, но люди все еще не научились плодиться быстрее, чем во времена своих диких предков. Если бы люди могли также быстро народить 500 000 детей как они могут уничтожить при посредстве атомной бомбы, мы могли бы, ценой громадного страдания, оставить биологическую проблему выживания человечества естественному отбору и выживанию сильнейших. Но в современном мире старый механизм эволюции более не действует»*

Бертран Рассел Власть и личность

Действительно, вряд ли можно говорить о прямой корреляции между интеллектом человека и его выживанием. Начнем с того, что человек спонтанно организуется в общество, а структура общества прямо зависит от уровня развития интеллекта. Например, аборигены уже в своих первобытных племенах готовы к самым жестким деспотиям, ибо деспотов еще нет, но они их уже выдумали в лице тотемов и добровольно приносят им жертвоприношения и истязают себя, чтобы их умилостивить. Это структура психики поля Эгосистемы и стала основой восточных Левиафанов, породивших устойчивые системы садомазохизма, с жесткой эксплуатацией военно-жреческой верхушкой неимущих крестьян. И уже в этих союзах, наверху, в роли деспотов и садистов оказывались не самые одаренные с точки зрения человечности, но напротив наиболее тупые и жестокие в силу этого люди. Как бы то ни было, эти Левиафаны были грозной силой, подминавшей всякого индивида, и особенно выдающегося своим интеллектом. Как писал Маслоу «бог знает сколько людей повторили судьбу Галилея». Известно, что Пифагоры и Сократы, Цицероны и Бруно падают жертвами подобных режимов. Нако-

нец, когда возникли первые демократии разумных, свободных людей в полисах Древней Греции, поразивших мир расцветом философии, искусства и техники, после недолгого цветения эти демократии уничтожили друг друга в ожесточенных войнах. Оруэлл и Рассел показали в своих книгах, что и сегодня развитие науки и техники оборачивается против людей, усиливая деспотию и способы подавления народа.

Вывод не в том, что интеллект слаб, а в том, что интеллект не является орудием биологического выживания, а человек — животным, то есть носителем только биологической энергии. Безусловно, от своей биологии нам никуда не деться, но биология человека подчинена его психике, другой самостоятельной природной энергии. И эволюция человека — это эволюция в накоплении знаний о законах природных энергий, в том числе и своей собственной. Сегодня человек открыл множество природных энергий, но это не идет ему впрок, потому что он ничего не знает о своей собственной.

Превращение Дарвином разума в мозг, как орган приспособления, «служанку биологии» имело своим следствием уже концептуальное уничтожение духа, понятия «Я», личности, как особой природной энергии, как энергии психики, берущей начало в научном интеллекте. Процесс начало, которому положил Юм, который «изгнал понятие субстанции из психологии», когда свел Я к меняющемуся комплексу ощущений; позже Эрнст Мах в своем «нейтральном монизме» заявил что уничтожил противоречия между психическим и физическим, сведя оба мира к комплексу ощущений; наконец, позитивизм Огюста Конта отказался признавать психологию, и свел изучение человека к «нам стыдно признаться — френологии», как говорил старина Джон Стюарт Милль. Наконец, у Дарвина, это уничтожение Духа человека получает законченную концептуальную форму, поскольку на место энергии психики ставится доктрина мозга, как органа биологического приспособления к среде, а сам человек превращается в самое высокое из высших животных. Духа нет, и не могло

быть, психическая энергия отвергается вместе со спекулятивной мистикой.

Такое положение вещей не могло не иметь катастрофических последствий.

2. НАУКА И ДОКТРИНА ВОЕННОГО ПРОГРЕССА ДАРВИНА

«Сущность войны — уничтожение не только человеческих жизней, но и плодов человеческого труда. Война — это способ разбивать вдребезги, распылять в стратосфере, топить в морской пучине материалы, которые могли бы улучшить народу жизнь и тем самым в конечном счете сделать его разумнее. Даже когда оружие не уничтожается на поле боя, производство его — удобный способ истратить человеческий труд и не произвести ничего для потребления. Это обдуманная политика: держать даже привилегированные слои на грани лишений, ибо общая скудость повышает значение мелких привилегий и тем увеличивает различия между одной группой и другой. Это социальная атмосфера осажденного города, где разница между богатством и нищетой заключается в обладании куском конины. Одновременно благодаря ощущению войны, а следовательно, опасности передача всей власти маленькой верхушке представляется естественным, необходимым условием выживания».

Джордж Оруэлл 1984

Людям знакомым с потенциалом современной науки, концепция разума человека как органа биологического приспо-

собления к среде по аналогии с животными не может не показаться смешной и абсурдной. Прежде всего, совершенно очевидно, что «приспособление» зверей не идет дальше небольшой мутации их организма. Человек открывает природные энергии и получает доступ к их силе. Возможности людей, если абстрагироваться от нелепых затрат на противоборство и взаимное уничтожение, настолько огромны уже на уровне современной науки, что хватило бы на роскошную с избытком жизнь всех и каждого, и еще бы осталось. Если дарвинисты это называют приспособлением, то как они могут называть приспособлением жалкие когти, клыки и пушок животных, едва-едва ценой постоянного риска жизни, боли и холода, позволяющие им спасаться от голода, и то недолго? Нет, приспосабливаются животные, и тогда приспособление значит функционирование обычной детерминированной энергии природы, в данном случае биологической, которая не выходит за границы закономерностей движения собственной энергии. Люди не приспосабливаются, люди открывают законы других энергий природы, получают к ним доступ и многократно увеличивают потенциал собственной энергии. Разум человека не есть орган «приспособления», а активный полюс интеллекта, позволяющий ему видеть пассивный полюс законов природы, получать доступ в пространство интеллекта. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Исходя из понимания разума и науки рационалистами, совершенно очевидно, что доступ человека к законам других природных энергий, к «истине» сосредотачивает в руках человека такой громадный потенциал энергии, что все нужно для благоденствия и развития человечества — это покой, мир и сотрудничество. Вместе работать, чтобы открыть законы, вместе работать, чтобы строить научные институты, заводы и фабрики для контроля и пользования природными энергиями, вместе работать для строительства институтов образования для передачи знаний новым поколениям. Любое противостояние, которое нарушит

взаимопонимание и совместную работу нанесет тяжелый урон научному сотрудничеству, а значит, поставит под угрозу всю цивилизацию. Не говоря уже о войнах, которые уничтожат уже не только сотрудничество, но и все институты, построенные для этого сотрудничества и средства, необходимые для разделения труда и кропотливого интеллектуального труда. Вот единственно, что может пониматься под «прогрессом» рационалистами, понимавшими науку как доступ человека к истине, к законам движения вселенной, доступа которого больше ни у кого нет и быть не может. Особенно у животных.

Далее, совершенно очевидно, что доступ человека к природным энергиям сосредоточит такую мощь в его руках, что всякое серьезное противостояние и состояние войны будет означать прямую угрозу уничтожения человечества, так как все группы направят эту мощь друг против друга. Так или иначе, но наука рационалистов никоим образом не может допускать войны не только как стимула прогресса, но и любое противостояние, выходящее за рамки спортивного развлечения, должна трактовать как угрозу своей цивилизации.

Тем не менее, эмпирики приветствовали и утвердили «научный» статус дарвиновской теории происхождения человека, смахнув метафизику интеллекта вместе с ее активным и пассивными полюсами как далекие от действительности софизмы. Согласно новой теории, человек также мало знает об истине как и животное. Уже одно это предположение настолько абсурдно, стоит только оглядеться вокруг. Но продолжим. Выживание человека также как выживание животного означает тяжелую борьбу, в результате которой выживает сильнейший. Это благодатный процесс взаимного уничтожения людей, который ведет к сохранению и размножению только самых «сильных» генов. Как понимать в данном случае силу эмпирики также оставляют всецело на фантазию читателей.

Таким образом, всеобщее состязание, борьба не на жизнь, а на смерть, а еще лучше открытая война объявляются двигателями прогресса. Кому, как говорится, война, а кому мать родна.

«Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ...Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. ***Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека****. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что* ***борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития.***

Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впадать в бездеятельность и отступать в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими.

Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых и предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную природу»

Дарвин Происхождение человека

«У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство — крайне неблагоприятно для человеческой расы»

Происхождение человека Дарвин

«Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намерен-

> *но оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака»*

Происхождение человека Дарвин

Достаточно заметить, что Маркс, Ленин и Гитлер были самыми последовательными дарвинистами, чтобы наше представление об эффективности военного прогресса стало еще более отчетливым. Маркс, как известно, обосновал прогресс своего диалектического материализма, как смертельную классовую вражду, соединив единство и борьбу противоречий Гегеля и доктрину военного прогресса Дарвина в одной теории. Гегель был другим большим поклонником теории военного прогресса и утверждал, что людей необходимо периодически теребить войнами, чтобы они не окостенели в своем мещанском самодовольстве. Не Дарвин придумал теорию военного прогресса, мы находим ее уже у Гераклита. Но Дарвин дал этой теории видимость научной теории, берущей начало в опыте и подтвержденной им.

Коммунизм Маркса — такая же борьба людей и классов за экономическое выживание, не имеющая ничего общего с духом человека, как особой природной энергией, научным контролем общества, берущим начало в законах психики на которых основано естественное право, и плановой экономикой. Поэтому советская «плановая экономика» стала не научным сотрудничеством в производстве и распределении, а способом подавить и ограбить население военной элитой страны. Весь его исторический процесс — с насилием в роли повивальной бабки от одной революции к другой, с государством как машиной насилия господствующих классов, кровавой войной

экономических классов — это борьба животных Дарвина в искусственных джунглях общества. Недаром Маркс хотел посвятить «Капитал» Дарвину. Карл Поппер хвалит Маркса за его «экономизм» и отсутствие «психологизма», Маркс уверенно «рассеивает субъекта» вместе с эмпириками. Бертран Рассел писал по поводу ущербности экономической однобокости Маркса, совершенно упустившего психологическую перспективу анализа общества:

> *«Марксистское мировоззрение неверно ориентирует. Работа Ньютона, например, могла иметь разные экономические причины, но работа эта сама по себе намного интереснее и важнее, чем эти причины. Экономика, в конечном итоге, имеет дело с проблемой выживания; если бы эта проблема была удовлетворительно решена, как это предлагает коммунизм, нам потребовался бы новый предмет мышления, и новые принципы интерпретации истории. Простота есть достоинство лозунгов, но не философии»*

Образование и здоровое общество
Бертран Рассел

Гитлер прямо заявил, что теория военного прогресса Дарвина уничтожает все предшествующие теории гуманизма и объявляет право сильного — единственным законом человеческого общества. Он говорит в своей книге, что не может быть сомнения в том, что существование человечества требует тяжелой борьбы, так как война делает человека человеком; что в последнем счете людьми движет только инстинкт самосохранения, то есть выживание сильнейшего в борьбе за место под солнцем; что под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, (дурачки-гуманисты), которую он сводит к глупости, трусости и самомнению, тает как снег, что, наконец, человечество стало великим в вечной борьбе и деградирует при существовании вечного мира.

Совершенно в рамках терминологии Дарвина, Гитлер пишет о том, что только борьба за выживание делает человечество сильным, здоровым и прогрессивным. Тем самым борьба является фактором более высокого развития. Как можно видеть, Гитлер

(и на этом настаивают многие авторы изучавшие его идеологию) строил свою теорию в полном соответствии с основными положениями теории происхождения человека Дарвина. Вот только некоторые авторы, которые писали о том, что дарвинизм лежал в основе мировоззрения Гитлера:

Hannah Arendt «The Origins of Totalitarianism» 1951

«Darwin and Hitler: In Their Own Words,» Benjamin Wiker, Human Events, May 5, 2008.

«Was It Immoral for «Expelled' to Connect Darwinism and Nazi Racism?» Richard Weikart, Discovery Institute, May 2, 2008.

«Connecting Hitler and Darwin,» David Berlinski, Human Events, April 19, 2008.

«Think about the Connection between Hitler and Darwin,» David Klinghoffer, Jewcy.com, April 18, 2008.

«Don't Doubt It,» David Klinghoffer, National Review Online, April 18, 2008.

«Darwin and the Nazis,» Richard Weikart, The American Spectator, April 16, 2008.

Какой прогресс принесли двадцатому веку эти две террористические системы, известно каждому. Не только мировая война, развязанная Гитлером, не только массовые репрессии сталинского режима, но и растрата колоссальных технических, материальных, интеллектуальных ценностей. Двадцатый век растранжирил даже не впустую ресурсы, накапливаемые тяжелым трудом предыдущих столетий, он потратил их на взаимное уничтожение. Таков итог военного прогресса двадцатого века.

Дж. Гренвилл пишет в истории 20-го века, что теория военного прогресса Дарвина спровоцировала также и Первую мировую войну, и у нас нет причин ему не верить:

> *«Пять великих европейских наций вступили в войну друг с другом не ради каких- то конкретных территорий. Да и сама война по своему характеру отличалась от всех войн, которые велись в посленаполеоновской Европе в 19 веке. Это была битва гигантов за господство в Европе и во всем остальном мире, похожая на международное умопомешательство. Имело самое широкое распространение мнение о том, что после того, как эта битва будет завершена, наступит*

> *конец имперских амбициям побежденных, зато перед победителями откроются новые блестящие перспективы. Возникла иллюзия, что это война навсегда покончит с борьбой за власть над миром»*

История 20-го века

Дарвин трактует накопление богатств также как мирное сосуществование — как условия деградации населения в силу снижения необходимости борьбы за существование. Борьба должна присутствовать везде и особенно в экономике, иначе никакого прогресса ожидать не приходится — богатые довольные люди превращаются в бесполезных трутней. Люди должны быть бедными и голодными, стимулируемыми страхом. Так Дарвин представлял себе концепцию прогресса общества:

> *«С другой стороны умеренное накопление богатств не мешает процессу отбора. Когда бедный человек становится богатым, его дети берутся за торговлю или промыслы, в которых довольно борьбы и где наиболее способный и сильный всегда успевает более других. Существование известного числа образованных людей, которым не нужно работать для добывания насущного хлеба, имеет значение, которого нельзя поставить достаточно высоко. В самом деле вся высшая интеллектуальная работа производится ими, а от этой работы зависит материальный прогресс в самых разнообразных формах, не говоря уже о других высших преимуществах. Нет сомнения, что очень большое богатство превращает людей в бесполезных трутней, но число их никогда не бывает велико; мы видим ежедневно богатых людей, которые вследствие расточительности или недостатка умственных способностей растрачивают все свое состояние»*

Дарвин Происхождение человека

Бертран Рассел пишет, что так полюбившаяся Гитлеру концепция неравенства рас у Дарвина несовместима с либерализмом самого Дарвина, так что его теория естественного отбора противоречит теории свободной экономики:

> «С исторической точки зрения интересно распространение дарвиновских взглядов на экономические взгляды в целом, что было характерно для философских радикалов. Движущей силой эволюции, согласно этой точке зрения, является тип биологической экономики

> в мире свободной конкуренции. Именно учение Мальтуса о народонаселении, распространенное на мир животных и растений, внушило Дарвину мысль о борьбе за существование и выживании сильнейших как источнике эволюции. Дарвин сам был либералом, но из его теории вытекали следствия, которые в определенной степени были враждебны традиционному либерализму. Учение, что все люди равны от рождения и что различия между взрослыми определяются всецело воспитанием, было несовместимо с его подчеркиванием прирожденных различий между представителями одних и тех же видов»

Бертран Рассел История западной философии

По этому поводу Карл Поппер, который тоже дарвинист, как мы видели, пишет, напротив, что экономическая конкуренция ведет к экономической войне, которую он ни в коем случае не рассматривает как залог прогресса и процветания.

> *«Даже если государство защищает своих граждан от запугивания физическим насилием (как оно, в принципе, делает в системе не ограниченного законодательно капитализма), наши цели могут оказаться недостижимыми из-за неспособности государства защитить граждан от злоупотребления экономической властью. В таком государстве экономически сильный все еще свободен запугивать того, кто экономически слаб, и может отнять у него свободу. В этих условиях «неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода, и экономическая сила может быть почти так же опасна, как и физическое насилие»*

Карл Поппер
Открытое общество и его враги

Карл Поппер, будучи либералом и дарвинистом, тем не менее выразил мнение большинства известных мыслителей своего времени на проблему конкуренции как основу человеческих взаимоотношений, включая и Альберта Эйнштейна:

> *«Конкуренция как основная жизненная философия слишком сурова, слишком тяжела, слишком замешана на перенапряженных мускулах и натянутой воле, чтобы оставаться жизненным базисов для более чем одного или самое большее двух поколений. По истечении этого*

срока она породит нервное истощение, всевозможные феномены эскапизма, погоню за удовольствиями настолько же интенсивную и настолько же проблемную, как и работа (поскольку расслабление становится недостижимым), и в конечном итоге вымирание породы от приобретенной стерильности. Не только работа оказывается отравлена конкуренцией; досуг отравлен ничуть не меньше. Виды спокойного досуга, восстанавливающего нервную систем, у теперь кажутся слишком скучными. Нагнетание нервного напряжения естественно закончится наркотиками и коллапсом. Средством против этого надо признать здравый, спокойный отдых в хорошо сбалансированной жизни»

Борьба за счастье Бертран Рассел

«Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе. Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество.»

А. Адлер Понять природу человека

«Здесь мы должны добавить пару слов относительно „экономической зрелости“. Для многих людей борьба за то, чтобы заработать на жизнь, сохранить платежеспособность, выдержать яростную экономическую конкуренцию, выступает как основное требование жизни. Это вызывает напряжение и порождает кризис, который часто корежит человека сильнее, чем кризис сексуальный или кризис идентичности. Студенты колледжа не всегда правильно оценивают вызов, с которым им предстоит столкнуться, когда они вступят в конкуренцию за доллар. Молодые люди, еще не испытавшие жестоких истязаний на рыночной площади, иногда кажутся спокойными и даже расслабленными. Быть в состоянии содержать себя и свою семью (в Америке, где жизненные стандарты постоянно растут) — пугающее требование.»

Гордон Олпорт

> *«В рамках США это может быть мелкое предприятие с одним или двумя работниками, действующее в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание, когда важен каждый цент и босс может продержаться, лишь выжимая из своих подчиненных все до последней капли, доводя их до отчаяния, так что они просто вынуждены уволиться, поскольку он пытается заработать на жизнь, вцепившись в них и высасывая из них максимально возможную прибыль. Не стоит разделять заблуждения насчет того, что крупная корпорация с относительно плохим управлением является образцом „плохих условий“ — условия там далеко не так плохи. Следует помнить о том, что 99% человечества отдало бы несколько лет своей жизни за то, чтобы получить работу в наиболее плохо управляемой крупной корпорации нашей страны».*

Абрахам Маслоу

> *«А теперь взглянем на наше собственное общество. Создается впечатление, что мы, американцы, представляем собой культуру, процветающую благодаря соревнованию, конкуренции: мы вознаграждаем победителей и отворачиваемся от побежденных. На протяжении двух столетий наша система образования была основана на соревновательности и законах выживания. За редким исключением, мы не обучаем детей любить учебу — мы учим их бороться за высшие оценки. Когда Грантленд Раис — журналист, пишущий о спорте, заявлял, что важно не то, проиграл ты или выиграл, а то, как ты играешь, он не описывал доминирующее начало американской спортивной жизни, а прописывал лекарство для лечения нашей зацикленности на выигрыше и ни на чем ином! Проявления этой невероятной культурной одержимости победой видны повсюду. Диапазон простирается от футболиста, рыдающего после поражения своей команды, до студентов-зрителей на стадионе, скандирующих: <Мы — номер один!>, от президентов типа Линдона Джонсона, чьи суждения во время вьетнамского конфликта были явно искажены неоднократно высказываемым им желанием не оказаться первым хозяином Белого дома, проигравшим войну, или Джорджа Буша, который в бытность свою президентом <мужественно> сражался со своим имиджем <слабака>, и до простого школьника третьего класса, презирающего одноклассника только за то, что тот не столь успешен в математике. Вине Ломбарди, очень успешный тренер профессиональных футболистов, подытожил все вышесказанное одной простой фразой: <Победа — это не самое важное; это — единственное, что важно>.*

То, что особенно пугает в подобной философии, — это ее приверженность идее: цель — победа — оправдывает любые средства, использованные вами, чтобы победить. Даже если это касается всего-навсего игры в футбол — игры, поначалу воспринимавшейся лишь как разновидность активного отдыха! Однако в любом случае, оглядываясь по сторонам и видя вокруг мир, полный раздоров, международной и межрасовой ненависти и недоверия, бессмысленной бойни и политических убийств, мы чувствуем, насколько оправданно наше недоверие к сегодняшней <ценности> такого поведения для выживания человечества. Вспоминая о том, что ядерных боеголовок, находящихся в арсеналах ведущих держав, хватит на то, чтобы полностью уничтожить все население планеты двадцать пять раз, я задаю себе вопрос: а не заходим ли мы слишком далеко, изготавливая все новые и новые боеголовки?»

Аронсон Общественное животное

«Конкуренция вредна не только как фактор системы образования, но также в качестве идеала для подрастающего поколения. Мир в действительности нуждается в организации и сотрудничестве, а не в конкуренции; все веры в полезность конкуренции давно стали анахронизмом. И даже если бы конкуренция была полезной, она не может быть предметом восхищения, поскольку она основана на эмоциях враждебности и жестокости. Концепция общества как органического целого очень трудны для восприятия теми, чье сознание пропиталось идеями конкуренции. Этически таким образом, не меньше чем экономически, нежелательно учить молодежь конкуренции.

В образовании идеал конкуренции имел два вида негативного эффекта. С одной стороны он способствовал воспитанию высокой оценки конкуренции как более предпочтительной формы отношений, чем сотрудничество, особенно в международных отношениях; с другой стороны, он способствовал разрастанию широкой системы соревновательности в учебных заведениях, а также в борьбе за стипендии и соответственно в поисках работы. Эта последняя стадия конкуренции была несколько смягчена за счет объединения рабочих в профсоюзы. Но в среде квалифицированных работников она сохранила всю свою не приглушенную жесткость. Один из наихудших дефектов веры в конкуренцию в образовании в том, что она способствовала, особенно в отношении наиболее одаренных учеников, в значительной степени пере-обучению (over-education). В настоящее время имеется опасная тенденция, в каждой стране Западной Европы, хотя ее нет в Южной и Северной Америке, подвергнуть де-

тей такому количеству образования, которое нанесет вред их воображению и интеллекту, и даже физическому здоровью. К сожалению, от этой тенденции страдают в наибольшей степени самые одаренные ученики; в каждом поколении самые лучшие мозги и самые лучшие способности воображения приносятся в жертву на алтарь Великого Бога Конкуренции. Для человека, прошедшего подобно мне через участь быть в университете одним из самых выдающихся умов своего поколения, опыт пережитого в молодости перенапряжения может оказаться надрывным.

Вера в наивысшую добродетель конкуренции не позволила увидеть того факта, что дети и подростки не должны подвергаться жесткому перенапряжению сил. Если бы перенапряжение было только умственным этого было бы достаточно, чтобы отказаться от конкуренции, но это также и эмоциональное перенапряжение: все будущее девочки или мальчика, не только экономически, но и социально, зависит от успеха в коротком тесте после длительного приготовления. Представьте себе ситуацию для умного мальчика из бедной семьи, чьи интересы всецело связаны с мышлением и познанием, но друзьям которого нет никакого дела до книг. Если ему повезет попасть в университет, он может надеяться обзавестись такими же интеллигентными друзьями и приобрести интеллигентную профессию; если нет, он обречен не только на бедность но и на ментальное одиночество. Находясь перед такой альтернативой он скорее всего будет работать нервно, но не мудро, и успеет разрушить жизненные силы своего организма еще до того, как закончит образование»

Бертран Рассел
Образование и здоровое общество

«Стоит лишь вспомнить тот дикий, безумный энтузиазм, с которым люди принимали участие в различных войнах за последние два века, — эту готовность миллионов к самоуничтожению ради того, чтобы сохранить репутацию „сильнейшей державы", „честь" или прибыли. А вот еще один пример: посмотрите, какой безумный национализм объединяет людей, следящих за ходом современных Олимпийских игр, которые якобы служат делу мира. На самом же деле популярность Олимпийских игр — это символическое выражение западного язычества. Они прославляют языческого героя: победителя, самого сильного, самого упорного, и при этом не замечают грязной смеси бизнеса и рекламы, столь характерных для современной имитации тех Олимпийских игр, которые проводились в Древней Греции»

Эрих Фромм Иметь или быть

> *«Мы живем в сумасшедшем мире, пропитанном духом конкуренции. В условиях нашей цивилизации, когда „человек человеку — волк“, нам приходится выдерживать огромное напряжение и переносить тяжелые удары. Я уверен, что это и есть та причина, по которой люди увлекаются табаком, кофе, алкоголем и другими стимуляторами. В деловом мире царит не только дух конкуренции, но также и желание укрепить свое собственное положение. Люди вечно стремятся перещеголять друг друга, неустанно следуя ими созданному стереотипу. Но этот фальшивый стереотип забирает огромное количество энергии».*

Поль Брег Чудо голодания

> «Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. „Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе „Американская республика“, — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов“. Верховный суд, ядовито заметил в свою очередь судья Холмс, повел себя так, будто 14-я поправка возвела в закон „Социальную статику“ Спенсера. Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа *laissez-faire*»

Шлезингер Циклы американской истории.

В этом же духе высказался и Альберт Эйнштейн в статье «Почему социализм?»:

> «Стремление к прибыли, в сочетании с конкуренцией между отдельными капиталистами, порождает нестабильность в накоплении и использовании капитала, что приводит к тяжѐлым депрессиям. Неограниченная конкуренция ведѐт к чудовищным растратам труда и к тому изувечиванию социального сознания отдельной личности, о котором я уже говорил. Это изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма. Вся наша система образования страдает от этого зла. Нашим учащимся прививается стремление к конкуренции; в качестве подготовки к карьере, их учат поклоняться успеху в приобретательстве. Я убеждѐн, что есть только один способ избавиться

> от этих ужасных зол, а именно путѐм создания социалистической экономики с соответствующей ей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану»

Слово «социалистический» здесь следует понимать как пропаганду мира вместо войны взаимного выживания со свету, а вовсе не как пропаганду марксизма. Эйнштейн никогда не был марксистом и понимал всю несправедливость и угрозу системы с такой концентрацией власти в руках правительства и военных. Ия привела эту цитату, и все прочие цитаты, чтобы показать, что вопреки распространенному мнению о войне и конкуренции как прогрессе — никто из серьезных мыслителей так не думал. Они как раз понимали, что прогрессу нужны только мир и сотрудничество. При наличии этих факторов человек может использовать продуктивную энергию своего интеллекта, которая питается не состязанием на смерть, а врожденной тягой к познанию. Двигатель нашей энергии заложен в нас самой природой, так что известные ученые под страхом голода и смерти продолжали работать и искать истину. И определяющим условием каждой экономики является эта интеллектуальная готовность людей к труду, их психическое здоровье и психические ресурсы. Экономика любая может быть адаптирована и эффективно использована. При неразвитой и неготовой психике и самые идеальные институты экономики не дадут эффекта.

Безусловно, когда-нибудь, когда общество будет готово, экономика непременно станет плановой, потому что интеллект и природное единство людей, просто не предполагают никакой мелочной возни с конкуренцией индивидов и игры в искусственные джунгли и хаос. Но существо вопроса вовсе не в экономическом устройстве общества, как думал Маркс, дарвинист и материалист. В скандинавских странах например экономика капиталистическая, но это не мешает взаимной поддержке членов общества, широкого перераспределения средств в социальную сферу (отчего стали говорить о скандинавском социализме). Дело видимо

и в протестантской этике и в готовности людей поддерживать друг друга. Экономика может быть любой, рыночной, денежной, плановой, неденежной, но ее конечная эффективность будет зависеть не от этого механизма, не от конкретных экономических институтов, а исключительности из готовности сознания людей к продуктивной работе. Безусловно, для людей готовых к сотрудничеству плановая экономика будет удобнее (например, со свободным доступом к конечному продукту). Но и в рыночной экономике как мы видим на опыте скандинавских стран всегда можно найти способ смягчить социальную борьбу и поддержать друг друга. А если люди не готовы к плановой экономике, к добровольному сотрудничеству, ответственности, честности в распределении ресурсов и результатов труда, то плановая экономика становится обыкновенной деспотией с порабощением военной элитой трудящихся масс. Поэтому определяющим фактором прогресса и эффективности всего человеческого общества является прогресс сознания, способности и готовности мышления, знания, институтов образования и науки, то есть состояние психической энергии человека. Здоровая и сильная энергия организует эффективную экономику со справедливым распределением ресурсов и результатов труда. Испуганные же, раздробленные люди, истерзанные недоверием и взаимным противостоянием, думающие о ежечасной борьбе за кусок хлеба способны создать только искусственные джунгли, либо военный грабеж восточной деспотии.

3. ДУХ И ДОКТРИНА НАУЧНОГО ЭГОИЗМА ДАРВИНА

«Если нравственная красота сообразна с нашей природой, то человек лишь настолько может быть здрав умом и хорошо организован, насколько он добр. Если же она не такова, если человек по природе зол, то он не иначе может перестать быть злым, как извратившись, и доброта в нем есть лишь порок, противный природе. Созданный на то, чтобы вредить себе подобным, как волк создан для того, чтобы истерзать свою добычу, человечный человек был бы таким извращенным животным, каким будет жалостливый волк, и одна добродетель доставляла бы нам угрызения совести»

Эмиль Руссо

«Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых или предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную натуру»

Чарльз Дарвин Происхождение человека

Как совершенно справедливо утверждает Руссо, понятие «Нравственности» всецело связано с понятием природы человека. То, что есть наша природа — и есть наше здоровье и нравственность. Если прав Дарвин и человек — зверь, то бессмысленно говорить о том, что концепция энергии человека как естественного

отбора в борьбе за выживание есть безнравственная концепция. Тогда напротив, «человечный человек», как утверждает Руссо, есть такое же извращение как «жалостливый волк». Однако, если Дарвин не прав, и природа человека действительности в человечности, в гуманности, высмеянными Гитлером, то теория естественного отбора, экстраполированная на человеческое общество, просто кощунственна.

Конечно, и в этом случае, ложь о человеке не может изменить его природу, и превратить гуманного человека в безжалостного зверя. Если человек на самом деле добр, если совесть, сочувствие и справедливость составляют основу основ его существа, то как бы не изолгались люди, выдумывая концепции его звериного происхождения, это не превратит человека в животное. В чем же тогда кощунственность теории происхождения человека Дарвина?

В том, что человек помимо разумной и здоровой энергии психики имеет также и патологию поля Эгосистемы, как мы помним. Теория Дарвина не только оправдала и придала научно подтвержденный характер этой патологии, как истинной природе человека, но и стимулировала ее. При этом она была бесконечно далеко от объяснения истинных механизмов поля Эгосистемы, как мы можем видеть, но тем не менее, именно механизмы Эгозащиты, провоцируемые этим полем и позволили провести аналогию с борьбой за выживание в мире биологической энергии.

Очевидно, что теория естественного отбора стала фундаментом не только доктрины военного прогресса, рассмотренного выше, но и связанной с ней доктрины научного эгоизма. «Разумным» стали называть поведение «выживания в жесткой борьбе», а на войне, как известно все средства хороши. Так, теория естественного отбора стала стимуляцией Поля Эгозащиты, патологической энергии психики, о которой мы подробно писали в предыдущих главах. В этом катастрофически негативное влияние этой теории на общество. Достаточно вспомнить опыт двух первых мировых войн, жестокость коммунистического дарви-

низма, отвратительное насмехательство Гитлера на идеями гуманизма, опровержением которых действительно является естественный отбор Дарвина, если распространить его в том числе и на человеческое общество.

В результате, лженаука Дарвина оказала человечеству медвежью услугу: вместо того, чтобы обнаружить патологию и искоренить ее, она напротив, объявила патологией гуманизм, а эгозащиту венцом здоровья и разумного поведения. Не один Гитлер стал смеяться над гуманизмом после теории происхождения человека Дарвина. Вот например два бестселлера современных американских писателей, пишущих о топ-менеджменте крупнейших корпораций. И если первый, ссылаясь на Макиавелли, еще позволяет себе некоторую иронию, то второй пишет о «законах власти» как способности врать, насиловать и издеваться над людьми абсолютно серьезно:

> «Если вы находитесь на более низкой ступени эволюции, постарайтесь внести коррективы в собственную личность, с тем чтобы избавиться от груза совести, насколько это представляется возможным. Вы, конечно, заметили: цель состоит в том, чтобы свести свою внутреннюю конституцию всего к четырем важнейшим составляющим — агрессия, страх, я-сам (важнейший элемент) и три-четыре приятеля, с которыми приятно поиграть в гольф. Вы способны на это. Я верю в вас»

Стенли Бинг Как бы поступил Макиавелли

> «Часто на роль жертвы для заклания выбирают именно самого невинного. Такой человек недостаточно влиятелен, для того чтобы сопротивляться, а его наивные протесты можно трактовать как доказательство вины. Но следует соблюдать осторожность и чувство меры, чтобы не создать образ мученика. Важно, чтобы не он, а вы выглядели жертвой, несчастным властителем, которого подвели и даже предали негодные приближенные. Если ваш козел отпущения выглядит слишком слабым, а наказание непомерно жестоким, вы можете пасть жертвой собственной комбинации. Иногда необходимо подобрать на эту роль кого-то посильнее — того, кто, в конце концов, вызовет меньше симпатий»

Роберт Грин 48 законов власти

Маркиз де Сад хоть и не был знаком с теорией Дарвина, зато как мы сможем увидеть, вполне разделял представление о человеке как животном. Будучи большим поклонником Вольтера, другого предшественника Дарвина, писавшего о человеке как о животном (одна из причин по которой им не удалось найти общий язык с Руссо), маркиз де Сад идет гораздо дальше вольтеровского нравственного релятивизма и прямо становится на позиции гитлеровского анти-гуманизма. Конечно, это не могло не сказаться на его психике, он много лет провел в сумасшедшем доме.

> «Вы скажете, что это породит состояние бесконечной войны. Пусть будет так: разве это не единственное состояние, которое нам ближе всего? Разве не для того создала нас природа? Люди рождаются одинокими, завистливыми, жестокими и деспотичными, они хотят получать все и ничего не отдавать, они постоянно сражаются за свои амбиции или свои права. Приходит законодатель и говорит им: „Перестаньте драться, сделайте взаимные уступки, и восстановится спокойствие". ...Между тем общество состоит только из сильных и слабых, и если договор не устраивает ни тех, ни других, как может он устроить все общество? Поэтому бесконечная война для всех предпочтительнее, так как она дает всем возможность свободно использовать свои силы и свою ловкость, чего лишает их договор несправедливого общества, слишком много отнимающий у одних и недостаточно дающий другим. Выходит, по-настоящему мудрый человек будет вести войну»

Маркиз де Сад Жюстина

> «Самое первое и самое изумительное свойство природы — движение, которое происходят безостановочно, ***но движение это есть беспрерывная череда преступлений, поскольку только таким образом она его поддерживает: она живет, она существует, она продолжается лишь благодаря уничтожению. Тот будет ей полезнее всего, кто совершит больше злодеяний, кто, как говорят, наполнит ими мир, кто без страха и колебания бросит в жертву своим страстям или интересам все, что ему встретится на пути. Между тем как создание пассивное или робкое, то есть добродетельное создание, разумеется, будет в глазах природы самым никчемным, потому что оно порождает апатию и покой, которые погрузят все сущее в хаос, если его чаша перевесит***. Вселенная держится равновесием, а оно

> невозможно без злодейств. Злодеяния служат природе, но если они ей служат, если они потребны и желательны, могут ли они повредить ей?»

Маркиз де Сад Жюстина

> «Зачем оставлять жизнь таким существам, как вы, которые не могут больше рассчитывать на поддержку своих родителей, либо потому что они сироты, либо потому что те их не признают, и которые поэтому являются тяжкой обузой для государства? Дегенератов, сирот, недоразвитых малышей следовало бы уничтожать сразу после рождения: первых и вторых потому что, не имея ни одной души, которая захочет или сможет заботиться о них, они сделаются для общества балластом и тяжкой обузой, третьих по причине их абсолютной никчемности. И та и другая категории являются для общества чем-то наподобие костных наростов, которые питаются соками здоровых органов, разлагают и ослабляют их, или, если вам больше понравится такое сравнение, наподобие растений — паразитов, которые, обвиваясь вокруг нормальных растений, разрушают их и используют в качестве своей пищи. Каким вопиющим заблуждением представляются мне милости, питающие это отребье… то же самое можно сказать об этих домах призрения, богато обставленных, которые по чьей-то нелепой прихоти строят для немощных, как будто род человеческий настолько уникален и ценен, что необходимо сохранять его вплоть до самого ничтожного существа; как будто нет больше людей на свете и как будто для политики и природы выгоднее их беречь, чем уничтожать.»

Маркиз де Сад Жюстина

Это почти дословное повторение теории естественного отбора Дарвина и Гитлера, и в устах такого глубоко больного человека как де Сад является лучшим доказательством патологичности социального дарвинизма.

Фридрих Ницше, один из больших поклонников Дарвина, как многие из разочарованных мистикой христианства, создал философию Сверхчеловека, намерено противопоставив ее философии христианства. Его человек — это мост от обезьяны к сверхчеловеку, природа и цель которого в «воле к власти», что автоматически ставит его, как всех героев дарвиновского выживания «по ту сторону добра и зла», по ту сторону гуманизма, поскольку природа зверя, борющегося за место под солнцем

упраздняет этот гуманизм. Интересно, что его Заратустра стал воплем о том, что он «разбился о свое величие» и о «зарезанном духе», которого так и не сумел обнаружить ни в себе ни в окружающих.

> «Ницше рассматривал сострадание как слабость, с которой надо бороться: „Задача в том, чтобы достичь той огромной *энергии величия*, которая сможет создать человека будущего посредством дисциплины, а также посредством уничтожения миллионов „недоделанных и неполноценных“ и которая сможет все же *устоять и не погибнуть* при виде страданий, тем самым создаваемых, подобных которым никогда не видели раньше“. С ликованием пророчит он эру великих войн; интересно, был бы он счастлив, если бы дожил до осуществления своего пророчества»

Бертран Рассел История западной философии

Интересно, что и современная философия идет в ногу со временем, разрабатывая пространство дарвиновской парадигмы. Известный философ, Мишель Фуко, ставит своей целью в книге «История безумия» доказать справедливость философии двух величайших сумасшедших своего века — Сада и Ницше. Если говорить о популярности книги и самого Фуко, то ему это вполне удалось, но было бы удивительно если бы не удалось с учетом такой абсолютной гармонии Фуко с доминирующей парадигмой эмпириков-дарвинистов. Фуко, как можно догадаться против гуманизма, его цель — апология безумия как «истины зверя» в человеке и вытекающего из этого релятивизма нравственности и эпистемологии. Он создает разновидность попперовской эпистемологии «мира теорий» существующих самих по себе («дискурсивную формацию»), отдельно от субъектов и доказывает отсутствие объективного знания, логическую связь в хронологии накопления знания и вообще кумулятивный характер эпистемологии. Как и Поппер он пишет не о постепенном приближении человека к истине, а об отсутствии этой истины, о кантовском воображении интерпретирующем действительность, и прерывностях между различными системами мировоззрений, не связанных между собой

единым процессом поиска общей истины. Подобно Ницше, Фуко считает, что мораль и безумие — это относительные понятия, сформированные субъективностью социума. Он доводит до логического завершения философию эмпиризма об отсутствии истины, личности и морали. Если его старший современник и приятель Жан Поль Сартр все же не смог идти до конца за Ницше в отрицание гуманистической природы человека после событий Второй мировой войны, показавшей героизм анти-гуманизма Гитлера во всей его красе и написал статью «Экзистенциализм — это гуманизм», перечеркивая по существу весь пафос своей философии фихтевской «чистой субъективности», то Фуко идет до конца, не стесняясь откровенно восхищаться глубокой патологией клоуна де Сада.

«Безумие есть как бы вневременной срез человека; оно рассекает не время, а пространство; оно не движется ни по течению, ни против течения человеческой свободы — оно показывает, где эта свобода обрывается, поглощается телесной детерминированностью. Оно есть торжество органического — единственной истины человека, поддающейся объективизации и научному восприятию. Безумие «есть расстройство функций мозга... Мозговые отделы суть местопребывание безумия, подобно тому как легкие суть местопребывание одышки, а кишечник — поноса».

— Но безумие, в отличие от телесных болезней, являет собой некую истину: оно выводит на поверхность внутренний мир дурных наклонностей, извращений, страданий и насилия, прежде погруженный в дремоту. Оно обнажает ту бездонную пропасть, которая и придает свободе человека весь ее смысл; эта пропасть, высвеченная безумием, есть злоба в своем диком состоянии. «В себе это зло всегда находится налицо в сердце, потому что последнее в качестве непосредственного является природным и эгоистичным. То, что в помешательстве становится господствующим, есть злой гений человека»

На первый взгляд кажется, что в замке, где запирается герой Сада, в монастырях, лесах и подземельях, где длится бес-

конечная агония его жертв, природа может развернуться во всей своей полноте и нестесненной свободе. Здесь человек обретает забытую, хоть и вполне очевидную истину: нет желаний противоестественных, ибо все они заложены в человеке самой природой и она же внушила их ему на великом уроке жизни и смерти, который без устали твердит мир. Безумное желание, бессмысленные убийства, самые неразумные страсти — все это мудрость и разум, поскольку все они принадлежат природе. В замке убийств оживает все то, что было подавлено в человеке моралью и религией, дурным устройством общества. Здесь человек наконец-то предоставлен своей природе; или, вернее, человек здесь, следуя этическим нормам этой странной изоляции, должен неукоснительно хранить верность природе: перед ним стоит четкая и неисчерпаемая задача — объять ее всю: «Не познав все, ты не познаешь ничего; и если робость помешает тебе идти до конца, природа ускользнет от тебя навеки»

Если рассматривать знаменитое «Общество друзей преступления» и проект конституции для Швеции сами по себе, не учитывая их хлестких аналогий с «Общественным договором» и с конституциями, разработанными для Польши и Корсики, от них останется лишь одно: жесткая, самодовлеющая субъективность, отрицающая всякую естественную свободу и всякое естественное равенство, — возможность бесконтрольного распоряжения человека человеком, не знающее меры насилие, неограниченное применение права на смерть; единственное, что связует все это общество, — это отказ от каких бы то ни было связей, оно — своего рода отпуск, предоставленный природе; от личностей, входящих в группу, требуется одно — чтобы они были едины не в смысле защиты некоего естественного способа существования, но в свободном осуществлении своего всевластия над природой, направленного против природы. Отношение здесь прямо противоположно тому, которое было установлено Руссо: верховная власть не является больше ипостасью естественного существования; оно само есть лишь объ-

ект для властелина, то, что позволяет ему измерить свою тотальную свободу.

Благодаря Саду и Гойе западный мир вновь обрел возможность перейти черту разума в неистовстве насилия и, минуя все обетования диалектики, вернуться к трагическому опыту безумия. Неразумие в современном мире, после Сада и Гойи, принадлежит к решающим моментам любого творчества, — иначе говоря, к тем смертоносным, властным стихиям, которые заложены в творчестве как таковом» Мишель Фуко История безумия в классическую эпоху

Фуко один из «рассеивателей субъекта», один из тех, кто вслед за Юмом отказывается от понятия Я, вслед за нейтральным монизмом Маха от понятия Духа и психики, вслед за позитивизмом Конта от психологии и личности. В итоге он банальный проповедник ницшеанского «зверя» в его воле к власти и отказе от гуманизма. Эрих Фромм писал по этому поводу, что бихевиоризм, отказавшись от понятия личности и сосредоточившись на павловских условных рефлексах, не смог объяснить почему насилие и противное совести поведение закономерно вело к патологии.

«Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность. Для необихевиориста нет никакой разницы между улыбкой друга и улыбкой врага, улыбкой хорошо обученной продавщицы и улыбкой человека, скрывающего свою враждебность. Однако трудно поверить, что профессору Скиннеру в его личной жизни это также безразлично. Если же в реальной жизни эта разница для него все же имеет значение, то как могла возникнуть теория, полностью игнорирующая эту реальность? Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя „положительные стимулы“ продолжают свое действие. Почему положительное „стимулирование“ не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении? И почему

многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни нередко глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов? Очевидно, существуют в человеке какие-то влечения, которые сильнее, чем воспитание; и очень важно с точки зрения науки рассматривать факты неудачи воспитания как победу этих влечений» Эрих Фромм Анатомия человеческой деструктивности.

Впрочем, вся современная психология, за исключением гуманистического ее крыла, — это апология безумия дарвиновской парадигмы. Фрейд, открывший поле Эгосистемы, вовсе не трактует это поле как болезнь, как паразита, разлагающего поле истинного разумного Я, как раковую опухоль, истощающую поля совести, знания и сочувствия. Нет, он трактует его как истинную психику человека, и как и следовало ожидать, видит существо механизмов эгозащиты не в патологии мертвого тока, пожирающего живую психику человека, а в биологических импульсах, в инстинктах животного, которые оправдывают все нелепости этого поля Эгосистемы.

> *«С изумлением и тревогой мы обнаруживаем тут, что громадное число людей повинуется соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, то есть только там, где нарушение запрета грозит наказанием, и только до тех пор, пока угроза реальна. Это касается и тех так называемых требований культуры, которые в равной мере обращены ко всем. В основном с фактами нравственной ненадежности людей мы сталкиваемся в этой сфере. Бесконечно многие культурные люди, которые отшатнулись бы в ужасе от убийства или инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох.*
> *Если вообразить, что ее запреты сняты и что отныне всякий вправе избирать своим сексуальным объектом любую женщину, какая ему нравится, вправе убить любого, кто соперничает с ним за женщину или вообще встает на его пути, может взять у другого что угодно из его имущества, не спрашивая разрешения, — какая красота, какой*

вереницей удовлетворении стала бы тогда жизнь! Правда, мы сразу натыкаемся на следующее затруднение. Каждый другой имеет в точности те же желания, что я, и будет обращаться со мной не более любезным образом, чем я с ним. По существу, только один-единственный человек может поэтому стать безгранично счастливым за счет снятия всех культурных ограничений — тиран, диктатор, захвативший в свои руки все средства власти.
Короче говоря, люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей.»

Фрейд Будущее одной иллюзии

Гуманисты считали такую позицию Фрейда глубоко порочной, отдавая впрочем должное открытию поля Эгосистемы, но только как поверхностного патологического образования, как ложного Я на теле истинного Я. Так Маслоу писал о системе Фрейда:

«Не только вся наука XIX в. и ортодоксальная академическая психология не способны ничего предложить, но и основные теории мотивации, которыми руководствуется большинство людей, могут привести к депрессии и цинизму. Фрейдисты, по крайней мере в своих официальных трудах, до сих пор редукционистски трактуют все высшие человеческие ценности. Самыми глубинными и подлинными мотивами считаются опасные и отвратительные, в то время, как высшие человеческие ценности и добродетели считаются в своей основе фальшью, иллюзией, закамуфлированными вариантами «глубинного, темного и грязного».

А. Маслоу

Гуманисты напротив трактуют это поле эгосистемы, провоцирующее эгозащиту, как ложное Я, как болезнь, разлагающую разум и совесть истинного Я. Так Эрих Фромм пишет, что проблема современной цивилизации вовсе не в чрезмерном «эгоизме» в смысле преследования личного интереса, а в неспособности понять свой личный интерес.

«Несостоятельность современной культуры кроется не в ее принципе индивидуализма, не в идее, что моральная добродетель состоит в удовлетворении личных интересов, а в искажении смысла личного

> интереса; не в том, что люди слишком сосредоточены на своем личном интересе, а в том, что они недостаточно сосредоточены на интересах своего реального Я; не в том, что они слишком себялюбивы, а в том, что они не любят себя. Если причины упорного сохранения фиктивной идеи личного интереса столь глубоко коренятся в современной социальной структуре, как указано выше, то шансы на изменение смысла личного интереса, в самом деле, были бы малы, если бы не некоторые особые факторы, содействующие изменению. Вероятно самый важный фактор — это внутренняя неудовлетворенность современного человека результатами погони за „личным интересом". Религия успеха рушится, остается лишь ее фасад. Социальные „открытые пространства" сузились; крах надежд на лучший мир после первой мировой войны, депрессия конца двадцатых, угроза новой и небывало разрушительной войны вскоре после второй мировой, безграничная ненадежность, порожденная этой угрозой, ослабили веру в такую форму личного интереса. Помимо данных факторов, само поклонение успеху оказалось неспособно удовлетворить неискоренимое стремление человека быть самим собой. Подобно столь многим фантазиям и грезам, оно тоже выполняло свое назначение только пока было чем-то новым, пока связанное с ним возбуждение было достаточно сильным, чтобы удержать человека от трезвой оценки. Все большему числу людей все, что они делают, представляется тщетным. Они все еще находятся под чарующим воздействием лозунгов, проповедующих веру в светский рай успеха и волшебства. Но сомнение, могучий двигатель всякого прогресса, стало посещать их, и они уже готовы задаться вопросом, а в чем же их подлинный личный интерес»

Эрих Фромм Человек для себя

4. ПРЕМИЯ ДАРВИНА

«В общем и целом, можно сказать, что мы в самой гуще состязания между человеческими достижениями в развитии средств и человеческой глупостью в отношении целей, полученных этими средствами. При достаточном уровне глупости каждое достижение в развитие средств, которыми достигаются глупые цели, ведет к беде.

> Человечество сохранилось до сих пор лишь за счет своего невежества, которое не давало ему доступа к технике; но если к глупости людей добавить знания и технику, мы не можем быть уверены, что оно сохраниться и дальше. Знание — это сила, но это такая же сила для зла, как и для добра. Отсюда следует, что если люди не поднимутся также высоко в мудрости, как они поднялись в знании, развитие знаний будет означать лишь усугубление горя. Ближайшее будущее будет либо значительно лучше, либо значительно хуже прошлого, что проясниться в следующие несколько лет»
>
> *Bertrand Russell*
> *The impact of science on society*

> «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие»
>
> *Оруэлл 1984*

Положение вещей, достигнутое дарвиновской парадигмой, — это стимуляция патологии, которая проявилась в анти-гуманизме и превращении технической науки в средства войны, борьбы за власть и взаимное уничтожение. Об этом известные

книги Бертрана Рассела (Влияние науки на общество) и Джорджа Оруэлла (1984), цитаты из которых я поместила в эпиграфе к данному разделу.

«Антиутопия» Оруэлла действительно очень удачно отражает весь современный мир «наоборот» — антигуманизм, антиинтеллектуализм. В результате мы имеем то, что имеем: господство патологии над здоровьем, насилия над интеллигентностью, страха над совестью. В неразвитых странах свирепствует откровенное насилие, в развитых закамуфлированное и лицемерное. Отличие между наличием и отсутствием цивилизации состоит вовсе не в отсутствии или наличии насилия, а в степени лицемерия, с которой его скрывают. Так или иначе социальная «наука», породившая парадигму, стимулирующую радикальную болезнь общества, создает удушающую атмосферу по всему миру, теряющему надежду на лучшее будущее. Действительно, в рамках эмпирико-дарвиновской парадигмы его ждать не приходится.

> «Наш мир — сумасшедший мир. Уже с 1914 года он перестал быть конструктивным, потому что люди перестали слушаться своего интеллекта в создании международного сотрудничества, но настаивали в разделении человечества на враждебные группы. Этим коллективным провалом в использовании человеческого интеллекта, функцией которого является самосохранение, мы обязаны в основном нездоровым и деструктивным импульсам, которые спрятаны в бессознательном тех людей, кто получил нездоровое воспитание в детстве и юношестве. Несмотря на постоянно растущие возможности техники и производства мы напротив все больше беднеем. Несмотря на то, что мы знаем об ужасах, которые принесет следующая война, мы продолжаем культивировать в молодежи те сантименты, которые сделают эту войну неизбежной. Несмотря на науку, мы препятствуем развитию рационального мышления. Несмотря на растущую власть человека над природой, большинство людей чувствуют себя более безнадежными и немощными нежели люди средних веков. Источник всего этого безобразия находится не во внешнем мире, и даже не в нашем сознании, поскольку мы знаем больше, чем люди когда-либо знали. Он находится в наших страстях; в наших эмоциональных привычках; в сантиментах, которые нам внушили в детстве, и в фобиях, проникших в нас в младенчестве. Лечение наших про-

блем в том, чтобы вернуть людям психическое здоровье, а для этого им необходимо давать здоровое образование. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели ведут к социальной катастрофе. Религия вдохновляет тупость и недостаточное чувство реальности; сексуальное воспитание часто способствует нервным расстройствам и там где ему не удается сделать это на сознательном уровне, оно вкладывает ростки болезни в бессознательное, что делает счастливую жизнь взрослых невозможной; национализм, в том виде в котором его преподают в школах учит тому, что основной долг молодых людей есть человекоубийство; классовое сознание способствует соглашательству с экономической несправедливостью; а конкуренция развивает жестокость в социальной борьбе за выживание. Можно ли удивляться что мир в котором силы государства направлены на то, чтобы воспитывать в молодежи невменяемость, тупость, готовность к человекоубийству, экономическую несправедливость и жестокость — можно ли удивляться, я спрашиваю, что такой мир не есть счастливый мир? Следует ли осуждать человека как аморального и подрывного только потому, что он желает заменить эти элементы в моральном воспитании сегодняшнего мира на интеллектуальность, вменяемость, доброту и чувство справедливости? Мир стал настолько нетерпим и напряжен, настолько пропитан ненавистью, настолько переполнен несчастьем и болью что люди потеряли способность к уравновешенным суждениям необходимым для избавления из болота, в котором человечество барахтается. В наше время так много боли, что многими из самых лучших людей овладело отчаяние. Но рационального основания для отчаяния нет: средства для человеческого счастья имеются в наличие, и единственное что требуется — это сделать выбор для их использования»

Образование и здоровое общество
Бертран Рассел

«Эти цифры воистину устрашают и вызывают тревогу. Ведь даже если мы усомнимся в том, что высокая частота самоубийств сама по себе свидетельствует о недостатке психического здоровья у населения, то значительное совпадение данных о самоубийствах и алкоголизме, по всей видимости, показывает, что здесь мы имеем дело с признаками психической неуравновешенности. Кроме того, мы видим, что в странах Европы — наиболее демократических, мирных и процветающих, а также в Соединенных Штатах — богатейшей стране мира, проявляются самые тяжелые симптомы психических отклонений. Целью всего социально-экономического развития западного мира являются материально обеспеченная жизнь, относительно

> равное распределение богатства, стабильная демократия и мир; и как раз в тех странах, которые ближе других подошли к этой цели, наблюдаются наиболее серьезные симптомы психического дисбаланса! Правда, сами по себе эти цифры ничего не доказывают, но они, по меньшей мере, ошеломляют. И еще до начала более детального рассмотрения всей проблемы эти данные подводят нас к вопросу: нет ли чего-нибудь в корне неправильного в нашем образе жизни и в целях, к которым мы стремимся?»

Фромм Здоровое общество

Опасность современного общества именно та, о которой говорит Бертран Рассел: знание техники, то есть контроль других природных энергий, в отсутсвии знания своей собственной энергии, то есть безнадежный хаос и всеобщее противостояние в социальной сфере порождают «науку», которая будет направлена против людей, а не на пользу им:

> «На новоязе нет слова „наука“. Сегодняшний ученый — это либо гибрид психолога и инквизитора, дотошно исследующий характер мимики, жестов, интонаций и испытывающий действие медикаментов, шоковых процедур, гипноза и пыток в целях извлечения правды из человека; либо это химик, физик, биолог, занятый исключительно такими отраслями своей науки, которые связаны с умерщвлением. В громадных лабораториях министерства мира и на опытных полигонах, скрытых в бразильских джунглях, австралийской пустыне, на уединенных островах Антарктики, неутомимо трудятся научные коллективы. Одни планируют материально-техническое обеспечение будущих войн, другие разрабатывают все более мощные ракеты, все более сильные взрывчатые вещества, все более прочную броню; третьи изобретают новые смертоносные газы или растворимые яды, которые можно будет производить в таких количествах, чтобы уничтожить растительность на целом континенте, или новые виды микробов, неуязвимые для антител; четвертые пытаются сконструировать транспортное средство, которое сможет прошивать землю, как подводная лодка — морскую толщу, или самолет, не привязанный к аэродромам и авианосцам; пятые изучают совсем фантастические идеи наподобие того, чтобы фокусировать солнечные лучи линзами в космическом пространстве или провоцировать землетрясения путем проникновения к раскаленному ядру Земли»

Оруэлл 1984

«Можно ожидать, что успехи в физиологии и психологии сосредоточат в руках правительств значительно больше контроля над индивидами, чем они сейчас имеют даже в тоталитарных странах. Лучший пример из существующих диктатур система, порожденная Карлом Марксом. Диеты, инъекции и запреты станут использовать с раннего возраста, чтобы произвести разновидность характера и верований, нужные властям, с тем, чтобы никакая серьезная критика власти не стала психологически возможной. Даже если все будут несчастны, они будут считать себя счастливыми, потому что правительство скажет им, что так и есть. Тоталитарное правительство, которое станет использовать научные знания, может сделать страшные вещи. Нацисты были более изощрены в науке, чем предшествующие правители России, и были более склонны к зверствам, о которых я говорю. Говорят, не знаю насколько это правда, что они использовали заключенных концлагерей в качестве материала для различных экспериментов, которые часто вели к смерти от невыносимой боли. Если бы они выжили, скорее всего их сделали бы объектом научной дрессировки. Нация, которая примет эти методы на вооружение в течении одного поколения получит огромное превосходство в военной силе. Бунт плебса станет столь же невозможен как организованный протест овец против обычая кушать баранину. Рабочие классы будут так долго работать и так мало есть, что их желания вряд ли будут простираться дальше желания поспать и поесть. Высшие классы будут думать только о власти и ради достижения этой цели станут неуязвимы к применению жестокости. Практика жестокости ужесточит сердца и приведет к тому, что все больше и больше страданий жертв будет требоваться зрителям, чтобы получить острые ощущения. Вышеизложенное может казаться всего лишь фантастическим ночным кошмаром. Но я твердо уверен, что если бы нацисты победили, что они в скором времени установили бы в точности такую систему, как я обрисовал. Они бы использовали русских и поляков как роботов, и когда их империя окрепла бы, они стали бы также использовать негров и китайцев. Западные нации принудили бы к сотрудничеству методами, которые они практиковали во Франции с 1941 по 1944 годы. Чтобы предотвратить эти ужасы демократия необходима, но недостаточна. Необходимо то уважение к индивидуумам, которое вдохновило идею Прав Человека»

Бертран Рассел Воздействие науки на общество

И когда в подобных условиях, где жизнь каждого отдельного индивида только одинокое суденышко, бросаемое штормовым морем из стороны сторону, пытаются представить ситуацию так, словно выживание каждого дело рук этого каждого — это бесстыдная ложь. И когда из несчастной гибели людей пытаются делать фарс и цирк, чтобы культивировать дарвиновскую парадигму как всеобщую войну и представить беззащитных и беспомощных людей, как ответственных за свою судьбу — это клоунада, которой не подобает прикрывать себя авторитетом науки. Тем не менее, «премия Дарвина» пользуется успехом, людям страдающим от собственной беспомощности приятно думать, что есть кто-то еще более глупый и еще более несчастный. Тем временем, парадигма Дарвина еще глубже укореняется в сознании людей.

ГЛАВА 8. ЦИКЛОИДЫ И ШИЗОИДЫ У ЭРНСТА КРЕЧМЕРА

1. МЕЛЬНИЦА ЛЕЙБНИЦА

«Наш мозг не есть обиталище, седалище, созидатель, не есть инструмент или орган, носитель или субстрат и т. д. мышления. Мышление не есть обитатель или повелитель, половина или сторона и т. д., но и не продукт и даже не физиологическая функция или даже состояние вообще мозга»

Авенариус «Человеческое понятие о мире»

Известно, что Лейбниц уже в начале 18 века предложил мысленный эксперимент, что проиллюстрировать свое убеждение в том, что мысль не может быть продуктом мозга подобно тому, как печень выделяет желчь, а сердце обеспечивает кровообращение.

> «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятие, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри нее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем можно было бы объяснить восприятие»

Лейбниц Монадология

Три века спустя нам нечего добавить к этому мысленному эксперименту Лейбница. Мы за это время сделали гигантские шаги в химии, биохимии, электромагнетизме, радиоактивности, квантовой механике, но нам по прежнему нечего сказать о связи сознания с деятельностью мозга.

Наверное, много исследований, которые вам расскажут, что полезно и неполезно для активности мозга, как стимулировать его свежесть и бодрость. Но нет ни одного серьезного исследования, которое претендовало бы на открытие непосредственной связи функционирования мозга с мышлением как таковым. То есть не стимулирование общего процесса мышления, через общее здоровье, а именно как функционирование мозга связано с конкретными мыслями. Ведь есть конкретные мысли, как есть конкретная желчь и конкретное кровообращение. Специалисты расскажут вам в мельчайших подробностях все о работе печени и о системе кровообращения, еще со времен Декарта. Но никто не возьмется рассказать вам, как конкретная мысль связана с функционированием мозга, и как вообще может быть связан интеллектуальный потенциал человека с этой деятельностью.

«Этот аргумент Лейбница направлен на отрицание возможности физически объяснить разум и восприятие. В те времена это казалось самим собой разумеющимся, однако сегодня мы не склонны выходить за каузальную замкнуть физического. Несмотря на то, что природа сознания до сих пор нам не поддается, мы в целом уверены, что оно супервентно на фундаментальных физических законах. В общем, чудес не бывает и Лейбниц не прав. В этой мельнице должно найтись что-то такое, что объяснит восприятие и разум»

Никто не говорит о чудесах или о выходе за границы детерминизма. Лейбниц как все рационалисты был детерминистом, как известно. Природа сознания на пути физиологического исследования мозга не поддается уже триста лет и никогда не поддастся (даже если начинать считать с Нового времени). Биохимия тоже не противоречит фундаментальным физическим законам, но имеет в себе нечто сверх этих законов, законы био-

логической энергии, биологического поля, если хотите, которые не сводятся к физике и химии. Точно также психики человека имеет нечто больше чем законы физики, химии или биологии. Это законы психической энергии. В этом смысле иерархия наук Конта, которая показала, как последовательное открытие наук включало в себя новые уровни законов природы, не отрицающие прежних, но строящееся на них, прекрасная иллюстрация открытия психики как нового уровня законов природы. Никто не отрицает обезьян и происхождения из них человека. Но человек не количественно отличается от обезьяны, а качественно. Зарождением психической энергии, нового уровня законов природы, не сводимого к предыдущим, но и не противоречащего им: физике, химии, биологии.

Очевидно, что связь мозга с мыслью существует, но что эта связь не является непосредственной. Мозг, который, как известно, устроен подобно электрическому генератору, создает поле, и уже это поле имеет прямое отношение к мышлению человека. Речь конечно не об электрическом поле (хотя, как известно мозг излучает элеткромагнитные лучи), а о поле психической энергии, которое возможно тоже очень опосредованно связано с этими явлениями электромагнетизма. По крайней мере, мы никоим образом не можем исключать такую возможность, пока не доказано обратного. Что до поля психической энергии, то оно прекрасно поддается обнаружению и измерению. Так поле Эгосистемы исследовали многие антропологи, занимавшиеся первобытным сознанием, большой фактический материал после исследования сотен пациентов оставил Фрейд. Он же ввел полюса поля Эгосистемы: Эго и СуперЭго, хотя сам он никогда не обозначал их как «поле Эгосистемы».

О поле интеллекта, как полюсах мышления и законов природы, пишут со времен Платона, и современная гуманистическая психология накопила много фактов о том, какую первостепенную роль играет в жизни мыслящих людей процесс обучения и познания.

Однако, «материалисты» настаивают на мозге как непосредственном носителе мыслей человека. Ленин, который был строгим марксистом, писал по этому поводу в «Материализме и эмпириокритицизме»:

> «Наш мозг, — говорит Авенариус в „Человеческом понятии о мире", — не есть обиталище, седалище, созидатель, не есть инструмент или орган, носитель или субстрат и т. д. мышления» (S. 76, — цитировано с сочувствием у Маха в «Анализе ощущений», стр. 32). «Мышление не есть обитатель или повелитель, половина или сторона и т. д., но и не продукт и даже не физиологическая функция или даже состояние вообще мозга» (там же). И не менее решительно выражается Авенариус в своих «Замечаниях»: «представления» «не суть функции (физиологические, психические, психофизические) мозга» (§115, S. 419 цит. статьи). Ощущения не суть «психические функции мозга» (§116). Итак, по Авенариусу, мозг не есть орган мысли, мысль не есть функция мозга. Возьмем Энгельса, и мы сейчас же увидим прямо противоположные этому, открыто материалистические формулировки. «Мышление и сознание, — говорит Энгельс в „АнтиДюринге", — суть продукты человеческого мозга» (стр. 22 пятого нем. изд.) 33. Та же мысль много раз повторена в этом сочинении. В «Людвиге Фейербахе» читаем на стр. 4: отражение процессов природы «в мыслящем мозге»34 и т. д. и т. п. Эту материалистическую точку зрения отвергает Авенариус, называя „мышление мозга" *„фетишизмом естествознания"* („Человеческое понятие о мире", 2-е нем. изд., стр. 70)»

В. Ленин Материализм
и эмпириокритицизм

В этом вопросе мы решительно становимся на точку зрения Авенариуса и Лейбница против точки зрения марксизма и отрицаем непосредственную связь мозга с мышлением человека.

Джон Стюарт Милль пишет в своей книге «Огюст Конт и позитивизм», что Конт остался на «стыдной» позиции «френологии», соглашаясь с Лениным о непосредственной связи мозга и мышления, и что именно это помешало его цели завершить построенную им пирамиду наук, увенчав ее наукой о духе, о человеке.

> «Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком по-

рядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомится с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.

1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)
2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)
3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)
4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)
5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)
6. Социология (наука о человеке и обществе)

Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивною — было главной задачей Конта и он думал что исполнил эту задачу.

Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относится к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии.

Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения «моральных и интеллектуальных функций» взамен психологии им от-

> вергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человека из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы.
> Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Дж. Ст. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

Однако, если переосмыслить эту иерархию наук Конта с позиций рационализма, то его последовательные научные дисциплины вполне можно трактовать как последовательное открытие различных природных энергий: механической (астрономия), электрической (физика), химической (химия), биологической (биология). Тогда природная энергия — это система законов природы, открывающая доступ к силе этой энергии. В этом рационалистическом определении и теория и одновременно проверка опытом, доступом к силе открытой энергии.

Тогда психическая энергия, как наука о человеческом духе, становится закономерным венцом этой иерархии наук. А центральным законом, о котором пишет Милль, является закон сохранения силы психической энергии, образующий оба ее поля: поле Эгосистемы и поле Интеллекта.

2. ДИАТЕТИЧЕСКАЯ И ПСИХЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОПОРЦИИ ЭРНСТА КРЕЧМЕРА

> «Стало быть, он отчаивается или, скорее, по странному обманчивому видению, будучи как бы завлеченным вглубь, к собственному субъективному Я, он говорит, что отчаивается. Однако отчаиваться — значит терять вечность, но вот как раз об этой-то потере он не говорит ни слова, он о ней даже не подозревает. Отчаяние во внешнем само по себе даже не является отчаянием, однако о нем так говорят, и это называют отчаянием. В некотором смысле такое утверждение истинно, однако не так, как обычно при этом полагают; называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома. Как если бы некто стоял спиной к ратуше и, указывая вперед, говорил: вот, передо мною ратуша; этот человек по-своему прав: ратуша была бы перед ним, но только если бы он обернулся. То есть, по сути, он не отчаивается — о нет! — хотя он и не ошибается, называя себя таковым. Однако он считает себя отчаявшимся, рассматривает себя как погибшего, как тень себя самого»
>
> *Кьеркегор Болезнь к смерти*

Эрнест Кречмер, выдающийся немецкий психиатр, придерживается точки зрения дарвиновской парадигмы, как все ученые его времени. Он считает, что психика человека — это проявления биологического темперамента, а психозы — это всего лишь «заострения нормальных типов темперамента».

Трудно себе представить, чтобы в животном мире болезнь определялась как «заострения» здоровья. Он заходит так далеко в биологической детерминации психики, что связывает доминирующие «темпераменты» со «строением тела». И даже книга, в которой он рассказывает о диатетическом и психэстетическом темпераменте получила соответствующее название: «Строение тела и характер». Тем не менее, мы попытаемся доказать, что диатетическая и психэстетическая пропорции, обнаруженные Кречмером опытным путем по ходу его профессиональной деятельности, являются не биологическими темпераментами, а силовыми полями, образованными психической энергией человека.

Сам Кречмер определяет их так:

> «При рассмотрении эндогенных психозов в широких биологических рамках они являются не чем иным, как заострениями нормальных типов темперамента.
> Отношение, при котором в циклоидной личности сочетаются гипоманиакальные и мрачные черты темперамента, мы называем диатетической пропорцией или пропорцией настроения.
> Комбинацию соотношений, при которой у отдельного шизоида гиперэстетические элементы переплетаются с анэстетическими элементами шизоидной шкалы темпераментов, мы называем психэстетической пропорцией»

Кречмер Строение тела и характер

Но это только резюмирующие определения, материал, которым он представленные обнаруженные им психические поля значительно шире. Мы будем называть «пропорции темперамента» Кречмера психическими полями, поскольку речь безусловно идет о психике с одной стороны, а с другой стороны Кречмера подчеркивает, что каждый такой темперамент представлен двумя противоположными полюсами.

Диатетическая пропорция Кречмера — это психическое поле, представленное полюсами веселья и печали. Психэстетическая пропорция — психическое поле, представленное полюсами чувствительности и холодности, «гиперэстезии» и «анэстезии».

Хотя Кречмер говорит, что оба поля сами по себе ничего не говорят о болезни и только представляют различные биологические темпераменты (болезнь это только заострение каждого из этих темпераментов), тем не менее, он пишет, что «Обычный человек чувствует аналогично циклотимику, а не так, как шизотимик».

Кречмер называет людей с диатетической пропорцией темпераментами циклотимиками, а людей с психэстетической пропорцией темперамента шизотимиками. Но изначально и шизотимики и циклотимики признаются им абсолютно здоровыми людьми. У него как у Аристотеля, болезнь — это не другое качество, а сгущение количества, переход меры, отступления от золотой середины.

Небольшое превышение нормы — это уже колебания между здоровьем и болезнью, а значительное превышение — психоз.

> «Шизоидом или циклоидом мы называем колеблющиеся между здоровьем и болезнью патологические личности, которые отражают в легкой степени основные симптомы шизофренического и циркулярного психоза; такие шизоидные и циклоидные типы, прежде всего встречаются в препсихотическом периоде самих душевнобольных»

Кречмер Строение тела и характер

> Итак, несмотря на тот факт, что исходные позиции вроде бы здоровье у обоих темпераментов: «Обычный человек чувствует аналогично циклотимику, а не так, как шизотимик». «Если из психической среды шизофренических семей попадаем в семью циркулярных, то испытываем ощущение, будто вышли из холодного закрытого подвала на простор, залитый ярким солнечным светом. Общим для циркулярных семей является известное добросердечие, теплота и мягкость, открытый, общительный естественный характер, который примыкает то к гипоманиакальному полюсу циркулярной формы, выражаясь в веселости, свежести, остроумии, живой деятельности, то к депрессивному полюсу, сказываясь в меланхоличности, спокойствии и мягкости»

Кречмер Строение тела и характер

Из этого мы и будем исходить и в нашем анализе. Дальше я буду использовать собранный Кречмером опытный материал, но через призму теории психической энергии, отвлекаясь от теоретических обобщений самого Кречмера, чтобы дать читателю возможность сравнить обе теории и степень правдоподобности каждой в толковании опытного материала.

Итак, в нашей интерпретации эти два поля представляют здоровье и болезнь. Диатетическая пропорция — это психическое поле здоровья, а психэстетическая пропорция — это психическое поле болезни.

Закон сохранения психики детерминирует подъем и упадок сил и настроения на каждом поле, или «отчаяние», как говорит Кьеркегор, но только на первом поле — это «истинное отчаяние», а на втором — «неистинное», «комичное отчаяние».

На первом поле речь о живой психике, живой энергии человека, на втором о «кривом зеркале», отражающем эту живую психику как Эгосистему. И о кривом зеркале ложного Я тоже писал Кьеркегор.

Вот как Кречмер описывает циклоидов (диатетическую пропорцию):

> «Большинство циклоидов отличает отзывчивая эмоциональная сфера, которая содержит в себе все оттенки и переходы сангвинического, живого темперамента гипоманиакальных и устойчивого теплого чувства более мрачных натур. Темперамент циклоидов колеблется в глубоких, мягких, закругленных волнах настроения между веселостью и грустью, у одних это протекает быстро и мимолетно, у других — долго и обстоятельно. Только центр подобных колебаний у одних направлен к гипо-маниакальному, у других — к депрессивному полюсу.
> Циклоидные люди отличаются душевностью. Слово «душевность» (Gernuth) или, лучше, «добродушие)) (Gemuthlichkeit) выражает собою общее для большинства таких натур при всем различии их настроений: мягкий, теплый, добросердечный, естественно откликающийся на радости и горе темперамент. Слово «юмор» родственно

этому. Мы встречаем юмор при среднем типе циклоидных темпераментов, когда способность к смеху с гипоманиакальной стороны сочетается с душевной глубиной с депрессивной стороны.

Темперамент циклоидов определяет характер их социальной установки, на что уже было указано. Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться, ближайшим естественным путем стремятся к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радует и облегчает ее, — к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них отклик: отсутствуют тормозящие моменты, заранее готовые мнения. Они могут в настроении момента слиться со средой, тотчас же принять участие и свыкнуться со всем. Каждая мелочь, каждый предмет окрашивается их теплым чувственным тоном. «С благодарностью и любовью» относятся они к жизни. Конечно, только вне депрессивных настроений. Поэтому средний циклоид в своем обычном состоянии общителен, человеколюбив, реалистичен и легко приспосабливается к окружающему. Так как темперамент сливается со средой, то у человека нет никакого резкого противоречия между «я» и внешним миром, нет принципиального отрицания последнего, нет желания корригировать мир по твердо установленным положениям, нет трагически заостренного конфликта, но есть жизнь в вещах, слияние с вещами, спайка с жизнью, сочувствие и сострадании

На тяжелых ответственных постах, при опасных положениях, при неприятных ситуациях, при неожиданном крахе в делах они не становятся нервными, раздражительными, угрюмыми, как средние люди и особенно многие шизоиды, а делаются печальными. Все представляется им в мрачном свете и стоит перед ними как непреодолимое препятствие. В неприятных ситуациях циклоидный человек становится печальным или вспыльчивым, но отнюдь не нервным, в равной степени в борьбе его (гипоманиакального, а также депрессивного) нет эмоций холодной строгости, уязвляющей обидчивости и резкой враждебности. Разумеется, мы не хотим сказать (и это относится mutatis mutandis ко всем нашим анализам), что никогда не встречаются нервные циркулярные; но должны отметить, что в среднем при анализе больших характерологических серий нервозность не оказывается наиболее яркой чертой характера циклоидных людей»

Кречмер Строение тела и характер

А вот психэстетическая пропорция:

«Самооценка еще налицо; во всяком случае он рассчитывает быть футуристическим художником, экспрессионистским поэтом, изобре-

тателем или созидателем абстрактно-схематических философских систем. Это несоответствие между угасанием аллопсихического резонанса и чрезмерной чувствительностью аутопсихического элемента часто становится закономерным источником безграничной переоценки самого себя. Понятно, что из этой психэстетической пропорции должна получиться неправильная картина взаимоотношения между «я» и внешним миром.

Их аутизм проявляется в том, что они уходят в самих себя, стремятся избегнуть всяких внешних раздражений, заглушить их, закрывают окна своего дома, чтобы в нежном, тихом полумраке внутреннего «я» вести фантастическую «бездеятельную, но полную мыслей» жизнь в грезах (Гёльдерлин). Они ищут, как красиво о себе сказал Стриндберг, одиночества, чтобы закутаться в шелк своей собственной души. Они обычно предпочитают определенной среде, которая не причиняет боли и не ранит: аристократический, холодный салонный мир, механически протекающую чиновничью работу, одинокую прекрасную природу, древность, кабинет ученого. Если шизотимик из чопорного, сверхцивилизованного светского человека становится взъерошенным анахоретом, как Толстой, то скачок уж не так велик. Одна среда дает ему то же самое, что другая, — единственное, что он вообще желает от внешнего мира: пощады его гиперэстезии.

Аутизм большинства шизоидов и шизофреников представляет комбинацию обоих элементов темперамента: равнодушие с налетом боязливости и враждебности и холод одновременно со страстным желанием быть оставленным в покое. Судорога и паралич в одной картине.

Словом, шизоид не растворяется в среде. Здесь всегда — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: «я» и внешний мир. Постоянный самоанализ и сравнение: «Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?» Эта черта четко выступает у талантливых художников, которые позже заболевали шизофренией или происходили из шизофренических семей: Гёрдерлин, Стриндберг, Людвиг II Баварский, Фейербах, Тассо, Микеланджело. Это люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собою цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружаю-

щий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним. Такой здоровой натурой из пикнически-циклотимической группы был, например, Ганс Тома (Hans Thoma), который был далеко не так понят, как Фейербах, и жизнь которого все-таки протекала, как тихий ручей. Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях.

В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей умеренности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты. И это происходит вследствие пустяков: кто-нибудь употребил грубое выражение или непроизвольно коснулся их чувствительного комплекса. Или весь мир, или ничего, или как Шиллер, «срывающий с головы венок», или как жалкий игрок, для которого единственным выходом является пуля в лоб. Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злыми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет.
Этот шизофреник воспринимает жизнь трагически, и при этом он полон пафоса. Цепь неудачных попыток приспособиться к жизни. Нежное чувство к окружающим — и тотчас же судорожный уход в самого себя, в одиночество. Отсутствует спокойное наблюдение, взвешивание. Все или ничего; экстаз и мечты в один момент, крайняя уязвимость — в другой. Бурный порыв, жестокая неудача, и все это постоянно повторяется, но жизнь никогда не идет по среднему проторенному пути. Франц Блау принадлежит к той группе людей, относительно которых мы говорим: у них естественный талант к трагическому переживанию. Таких людей мы особенно часто встречаем среди гениальных шизоидов. В зависимости от силы аффекта, который иногда скрывается за искаженными жестами, выразительные формы таких людей производят на здорового человека впечатление трагического, истерического, эксцентрического. У Стриндберга мы наблюдаем то же самое.

В своей психэстетической пропорции данный патетический тип сходен с двумя вышеописанными: гиперэстезия с ограниченным кругом

> чувствований и вытекающая отсюда аутистическая неспособность к объективной регистрации действительности, решительная склонность к ирреальному, идеалу, абстракции, красивому и возвышенному. Склонность к построению замкнутого, нежного внутреннего мира. Избирательная симпатия к отдельным лицам, резкая антипатия к другим. У Франца Блау становятся ясными те шизофренические механизмы мышления, с помощью которых осуществляется эта аффективная тенденция: его мышление — мистически романтичное, расплывчатое, избегающее конкретных вопросов. Что служит ему идеалом? «Высшее». Звучное слово без содержания, однако наполненное пламенным аффектом.
>
> Они — с хорошими задатками, но неисправимы. Неумение приспособиться к действительности и склонность к абстрактному, философскому ясно выступают в нашем случае.
> Как у циклотимиков преобладает широкая объективность в прозаическом рассказе, так у шизотимиков решительно доминируют лирическое и драматическое. Это необычайно важная черта, которая характеризует произведения обеих групп поэтов с объективностью документа или естественнонаучного эксперимента. У циклотимиков — объективность, растворение в мире объектов. Сам поэт в автобиографиях изображается, как предмет среди предметов, спокойно улыбающимся с той же объективностью, с теми же видоизменениями в пространстве, как и остальное. У шизотимика аутистический контраст: здесь — «я», там — внешний мир. «Я» как лирически мечтающее, занятое самим собой или анализом своих собственных чувствований и «я» в антитезе, как трагический герой в конфликте с окружающим миром, жалким, искаженным, враждебным и дурным, или побеждая, или погибая, — среднего, которое выбирает циклотимик, — нет. Рассказы шизотимика никогда не бывают объективными, они пропитаны лиризмом (Гиперион и Генрих из Офтердингена), богаты чувствами и описаниями природы, но бедны людьми и действиями. Или они антитэтичны, трагичны, загадочны, патетически бичующи, как у Стриндберга, Толстого, ярко натуралистичны или с намеками на экспрессионизм»

Кречмер Строение тела и характер

Итак, резюмируем. В случае диатетической пропорции:

— живой поток эмоций, доброта, теплота, интерес к окружающему миру, радость, веселье, юмор, сочувствие и совестливость

— реалистичность, объективность

— открытый контакт с внешним миром

— «отчаяние» как снижение жизненного тонуса, печаль, грусть, но сохранение способности к сильным чувствам радости, к юмору и доброте

— отсутствие нервозности, раздражительности, холодности

В случае психэстетической пропорции:

— вместо живого потока эмоций, повышенное настроение как пафос и экстаз, как гиперэстезия (сверхчувствительность) задетого Эго, высокая самооценка, даже «безграничная переоценка» себя; преобладают эмоции враждебности и высокомерия, честолюбия.

— реалистичность и объективность заменяются фантазиями, «решительная склонность к ирреальному, идеалу, абстракции, красивому и возвышенному».

— резкое противоречие между Я и внешним миром, конфликт Я и среды.. «У шизотимика аутистический контраст: здесь — „я“, там — внешний мир. „Я“ как лирически мечтающее, занятое самим собой или анализом своих собственных чувствований и „я“ в антитезе, как трагический герой в конфликте с окружающим миром, жалким, искаженным, враждебным и дурным, или побеждая, или погибая, — среднего, которое выбирает циклотимик, — нет».

— нервозность, раздражительность, гневливость

— либо изоляция, либо стремление к власти, неспособность к обычному общению

— холодность, «стеклянная завеса с миром», «у меня нет ничего человеческого».

Из этого резюме характерологических особенностей диатетического и психэстетического темпераментов Кречмера наглядно видно, что речь идет не о двух нормах, сгущения которых могут образовывать патологии, а о норме в первом случае, и о болезни во втором случае. При чем качественное различие

между двумя этими системами характеристик проистекает из качественного различия двух силовых полей психики человека.

В первом случае речь идет о поле истинного Я и истинного «Отчаяния» Кьеркегора и др гуманистических психологов (поля контрольной энергии в терминах теории ПЭ). «Отчаяние» снижает тонус, но не ведет к омертвению эмоций, к печали, но не к параличу. Отношения с внешним миром открытые и теплые, доброта, сочувствие и юмор преобладают. Объективная оценка и реалистичность.

Во втором случае Кречмер подробно описывает поле Эгосистемы. Прежде всего заканчивается объективность и реализм и их место занимает кривое зеркало «Неистинного отчаяния» Кьеркегора: ирреальные идеалы, фантазии, абстракции, схемы и тп. Отношения с миром преобразуются соответственно жесткой антитезе между Эго и СуперЭго поля Эгосистемы, Я и Не-Я чистой субъективности Фихте. Преобладают враждебные эмоции и потребность в изоляции. «Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злыми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет. Этот шизофреник воспринимает жизнь трагически, и при этом он полон пафоса. Цепь неудачных попыток приспособиться к жизни»

Подъем настроения связан не с живыми эмоциями, а с завышенной самооценкой, экстазом Эгозащиты, пафосом победы Эго над СуперЭго; вместо пониженного настроения — нервозность и гиперэстезия «сверхчувствительность) ударов по Эго.

И в конечном итоге, омертвение эмоционального фона вследствии разрушения живого потока эмоций под мертвым током эгозащиты; анэстезия, паралич эмоций.

«Отчаяние» — это разбитый контроль закона сохранения силы психики. На поле реальной живой психики человека — это реальное, истинное отчаяние, как говорит Кьеркегор. На поле чуждой, мертвой энергии эгозащиты — это неистинное отчаяние, это отчаяние разбитого кривого зеркала, отражающего ре-

альную психику; поэтому Кьеркегор называет его «комичным» отчаянием, ненастоящим. Но поскольку человек не знает, что его отчаяние комично и переживает удары по Эго как удары по самому себе, по своему истинному Я, то истинное отчаяние «появляется у него за спиной»: «называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома».

Действительно, если разбитое тщеславие — это комичная трагедия, то психоз, который может наступить вслед за этой комичной трагедией, это уже настоящая беда. Потому что психоз — это разрушенная полем Эгосистемы реальная психика человека, это победа мертвого паразита над живыми эмоциями человека, это истинное Я надорванное ложным Я. Вот почему глупость эгозащиты оборачивается реальной трагедией психоза.

3. ОШИБКА КРЕЧМЕРА: СКРЫТЫЙ И ЯВНЫЙ АУТИЗМ

Кречмер как и Фрейд искал биологические источники закономерностей психики и как и Фрейд он не видел двух качественно различных полей психики: разума и мистики, здоровья и патологии, жизни и смерти, воли и автоматизмов. И хотя он правильно фиксировал эти различия, он не делал из этого вывода, что нашел два качественно различных поля психики, но лишь различные биологические темпераменты.

В итоге, он просмотрел всю систему психики, а его теория циклоидов и шизоидов полезна только как обобщение важного эмпирического материала, но не как теория, способная объяснить функционирование психики. Так, нет понимания исходного состояния психики, как противоборства двух антагонистичных полей — поля интеллекта и поля Эгосистемы, контрольной энергии психики и детерминированной энергии психики. Об этом знал уже Платон, об этом с пронзительной проницательностью написал Кьеркегор, об этом вся гуманистическая психология. Но это только базисное упущение, из которого вырастают все прочие. Оцените сами.

Здоровая психика поля интеллекта отличается коренным образом от патологии поля Эгосистемы. В первом случае мы имеем дело с мотивацией удовольствия, устойчивым равновесием и способностью к росту, то есть линейное развитие и прогресс. Потребности здорового человека насыщаемые, ему доступно удовлетворение, покой (счастье). Во втором случае мы имеем дело с мотивацией боли (дефицита), доступно только цикличное равновесие, несколько снижающее боль, но не снимающее ее полностью, и в итоге отсутствие способности к покою и удовлетворению. Первое устойчиво и развивается, второе неустойчиво и движется в замкнутом круге. В этом смысле Маслоу противопоставлял «гетеростаз» здоровых людей, как развитие и рост их энергии — «гомеостазу» Фрейда, как системы цикличного равновесия, возвращающейся всегда в исходное состояние.

> *«Удовлетворение от ликвидации дефицита, как правило, бывает эпизодическим и скоротечным. Наиболее часто встречается следующая схема: в начале имеет место побуждающее, мотивирующее состояние, которое дает толчок мотивированному поведению, задача которого заключается в достижении желаемого состояния, которое, при постепенном и постоянном росте возбуждения и желания, в конце концов, достигает пика в момент успеха и свершения. С этой вершины кривая желания, возбуждения и удовольствия резко опускается на равнину покоя, расслабленности и отсутствия мотивации. Эта схема, хотя и не является универсальной, явно не соответствует мотивации развития личности, для которого характерно отсутствие высшей точки или момента завершения, „оргазма“, конечного состояния: здесь нет даже цели, если понимать ее как итог. Напротив, „развитие“ это постоянное, более или менее непрерывное, движение вперед или вверх. Чем больше индивид получает, тем большего ему хочется, поэтому желание такого рода бесконечно и никогда не может быть удовлетворено».*

Маслоу

> *«В любом случае, психологическая жизнь личности, во многих ее аспектах, проживается в одном ключе, когда личность зациклена на «ликвидации дефицита», и совершенно в другом, когда она руководствуется «метамотивацией», то есть сосредоточена на самоактуализации.*

«Счастье — не какой-то божий дар, а достижение, какого человек добивается своей внутренней плодотворностью. Счастье и радость — не в удовлетворении потребности, возникающей в результате физиологического или психологического дефицита; они являются не освобождением от напряжения, а спутниками всякой плодотворной активности — в мысли, чувстве, поступке. Радость и счастье — это не различные по качеству состояния; они различаются только в том смысле, что радость соответствует единичному акту, а счастье — это, можно сказать, непрерывное и полное переживание радости; мы можем говорить о «радостях» — во множественном числе, а о «счастье» — лишь в единственном. Мы убедились, что удовольствия, получаемые от удовлетворения ...невротических желаний, являются результатом устранения болезненного напряжения. Но ...удовольствия второго типа в лучшем случае приносят временное избавление от потребности и свидетельствуют о патологическом нарушении и глубинной несчастности. Я предлагаю удовольствие, получаемое от исполнения иррациональных желаний, называть «иррациональным удовольствием»

Фромм

«А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть „удовлетворены". Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».

Фромм Человек для себя

«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе

с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство».

Хорни

«Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, политики — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше желаем достичь»

Майерс Психология

Это довольно просто объяснить на примерах. Разумный человек, трезво оценивающий реальность, успешен в своем взаимодействии со средой. Он ставит реальные задачи и решает их. Он имеет адекватные знания об окружающей действительности и устойчивые принципы. Эта адекватность и эта успешность взаимодействия со средой делают его сильным, цельным, мужественным, ответственным, работоспособным. Это и есть устойчивое равновесие в ходе взаимодействия со средой, удовлетворение результатами работы и развитие.

Теперь, если мы обратимся к полю Эгосистемы первобытного сознания для наглядности (ибо поле Эгосистемы активно и у подавляющего большинства современных людей), то мы можем видеть в корне другую картину. Представление о себе и о мире искажено, его источником является «кривое зеркало» поля Эгосистемы, отражающего я и среду как две количественные враждебные абстракции силы. Это кривое зеркало порождает сильный страх «сверхъестественных сил», так как Эго грозит всесильная враждебность СуперЭго. Такова мотивация — сильный страх запускает эгозащиту абориген, которые начинают активно умилостивлять окружающий мир в виде «загрузок Су-

перЭго», то есть превращения животных и др природных сил в тотемы и тп

Понятно, что они никогда не смогут удовлетворить своего желания умилостивить или подчинить себе всемогущее СуперЭго, которого нет в действительности, но лишь в больном воображении поля Эгосистемы. Их мистические потребности останутся неудовлетворенными, страх будет продолжать снедать их, чтобы они не сделали и как бы не поступили.

> *«Как известно не сознательный субъект, а именно бессознательное совершает это проецирование. Следовательно, он только сталкивается с проекциями, а не создает их. Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. (...) Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его»*

Карл Юнг

Цикличность равновесия в данном случае происходит из двух притяжений детерминированной энергии, порождаемых полем Эгосистемы: Влюбленность и Самолюбие. В зависимости от того как в данном случае видит соотношение сил первобыт-

ное сознание: превосходство СуперЭго над Эго (обычно) или превосходство Эго над СуперЭго (реже). В первом случае появляется притяжения Самолюбия, во втором случае Влюбленности. В первом случае — потребность насилия и власти, во втором случае — подчинения и восхищения, смешанных с сильным страхом. Так возникают союзы садомазохизма, власти и подчинения, эксплуатации, существо которых, прежде всего в поиске психического равновесия, а вовсе не экономические или другие рациональные причины. Поэтому Фромм называет эту мотивацию поиска равновесия в садомазохистском союзе — иррациональной и мотивацией дефицита (боли). Такие союзы цикличны, насильники и рабы сходятся, одни потребляют других и расходятся, затем ищут себе новые жертвы. Рабы глупо погибают, когда ищут защиты и силы у господ, насильники не удовлетворяют своей ненасытной жажды власти, берущей начало в страхе поля Эгосистемы, и ищут новые жертвы. Так работает эта иррациональная система цикличного равновесия, порождаемая полем Эгосистемы. Легко провести аналогии с современным обществом, если в качестве «загрузок СуперЭго» рассматривать уже не силы природы в качестве тотемов, а социальные чины в качестве мистических авторитетов, фараонов и др мистифицируемых властителей.

Кречмер, в отличие от Фромма, ничего не пишет об этом механизме цикличного равновесия, берущего начало на поле Эгосистемы.

Он не видит того, что источником болезни вообще является поле Эгосистемы. Он считает, что если циклоиды сохраняют способность контакта со средой, пусть даже с выраженным оппортунизмом и потерей устойчивого мировоззрения и принципов, то это здоровье в противовес шизоидам, которые теряют способность даже к таким контактам со средой и замыкаются во внутреннем мире.

Дело в том, что гиперэстезия шизоидов (сверхчувствительность), о которой пишет Кречмер, только частный случай цикличного равновесия поля Эгосистемы. А именно такой случай,

когда на поле Эгосистемы приходит формальный интеллект и защищает Эго от СуперЭго какой-либо спекулятивной абстрактной логической системой, такой как у Ницше например. Аборигены защищают Эго от СуперЭго физически, то есть магическими ритуалами, колдовскими заклинаниями, песнями и плясками, подражанием животным, жертвоприношениями, фетишами и талисманами, насилием и подчинением.

Формальный интеллект ***логически*** доказывает, что Эго сильнее СуперЭго и объявляет ему шах и мат. Шизоиду кажется, что он победил весь мир, как Ницше думал, что создал всесильную непобедимую волю, способную противостоять всему миру, а на самом деле единственный результат его Эгозащиты — это сломанное цикличное равновесие на поле Эгосистемы.

> «Адлер воспользовался термином „богоподобие" для характеристики некоторых основных черт невротической психологии власти. Попытка охарактеризовать такое состояние как „богоподобие" выглядит почти абсурдной. Но поскольку оба они по своему выходят за пределы своих человеческих „размеров", в каждом из них есть немного „сверхчеловеческого", и потому говоря фигурально богоподобного. Если кто-то хочет избежать этой метафоры, я бы предложил здесь говорить о „психической инфляции". Идентификация со службой или титулом действительно очень привлекательна — вот почему так много людей представляют собой один только декорум предоставленный им обществом. Было бы напрасно искать под этой оболочкой личность. В самом низу под набивкой, можно отыскать лишь очень мелкое ограниченное создание. Вот почему служба — или что-то еще что может быть такой оболочкой — так привлекательна: она предлагает легкую компенсацию личной маломерности. Внешняя приманка, как то посты, титулы, и др социальные регалии — не единственная причина инфляции. В случае инфляции, вызванной знанием, мы имеем дело с чем то похожим в принципе, хотя психологически и более тонким. Здесь инфляция обусловлена не достоинством службы, а весьма значимыми фантазиями»

Карл Юнг

То есть циклоид, обычный абориген с физической защитой Эго, может переходить с притяжения Самолюбия на притяжение Влюбленности в зависимости от оценки сил в «кривом зер-

кале»: если это вождь племени или колдун племени он может находиться на притяжении Самолюбия в отношении обычных абориген, но он, как другие, переходит на притяжение Влюбленности в отношении тотемов. Этот переход между позициями власти и подчинения позволяет ему адаптироваться как-то к окружающей среде. Особенно большую роль цикличное равновесие эгозащиты играет в современном мире, где людям постоянно приходится менять социальные роли власти и подчинения, чтобы сохранить какую-то связь с реальностью. Где то у Гоголя о том, как важный чиновник обернется комариком, чтобы лететь в кабинет к вышестоящему начальству. И Герберт Спенсер пишет в «Социальной статике» о специфике неразвитой психики как «обожания власти», характеризующейся нечестностью, грабежом и переходами между позициями насилия и подчинения в зависимости от положения на социальной лестнице.

> «Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась — в родоначальнике, феодальном владельце, короле или конституционном правительстве. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. Не видим ли мы, в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок-о-бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь?
> Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ними. Столь же многочисленны факты, убеждающие в том, что наклонность к воровству всегда связана с преобладанием чувства личной преданности. Записки путешественников показывают, что у племен, стоящих на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с безотчетною властью началь-

> ников. Среди более развитых народов встречается та же самая связь между бесчестностью и раболепием»
>
> *Спенсер Социальная статика*

У шизоидов этот переход между притяжениями Самолюбия и Влюбленности оказывается закрытым. Логическая необходимость формального интеллекта раз и навсегда доказывает победу Эго над СуперЭго, и пути назад больше нет. Подобно тому как система Ницше о воле к власти доказывает всесилие воли субъекта. Так Кречмер пишет, что «Ницше можно рассматривать как прототип таланта, лишенного юмора. Богатая идея не носит у него в себе радости, а всегда насыщена пафосом. По складу личности он классический психэстетик с типичной пропорцией нежного тонкого чувства и холодного сознания властелина».

Понятно, что ни цикличное равновесие циклоидов, ни сломанный переход между циклами у шизоидов не являются нормой. Устойчивое равновесие, которое приносит интеллект на поле эгосистемы нонсенс, устойчивое равновесие прекрасно только на поле интеллекта здоровой психики человека. Норма вообще уход с поля Эгосистемы и обретение устойчивого равновесия, обеспечиваемого разумным, объективным контактом со средой. Но в данном случае циклоиды и шизоиды об этом не знают. Нам же важно понимать, что ни то, ни другое поведение не является и не может являться нормой. Что как в случае с цикличным равновесием циклоидов, так и со сломанными циклами шизоидов — мы имеем дело с аутизмом. Разница в том, что аутизм циклоидов скрытый, так как они сохраняют видимость контакта с реальностью, реагируя сменой позиций власти и подчинения, а аутизм шизоидов виден невооруженным глазом, поскольку их позиция власти не позволяет им унижающих их достоинство контактов со средой. Именно эта болезненность ударов по всемогущему Эго шизоидов и делает их такими «нервными» и «сверхчувствительными» с одной стороны, и такими пафосными и экстатичными с другой. Если циклоид может уклониться от удара по Эго, перейдя с притяжения Самолюбия на притяжение Влюбленности, то для шизоида та-

кой регресс к позиции подчинения уже невозможен. Его «комичное отчаяние» в том, что он искал победы на поле Эгосистемы. Понятно, что в основе болезненности ударов по Эго — закон сохранения силы психики.

> *«Разные ученные пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными. Lexmann (1975) писал: «Те, кто много работал с шизофрениками, знают, что этих пациентов очень легко «задеть за живое» ... таким поведением, которое в большинстве случаев вряд ли было бы замеченным людьми с нормальной чувствительностью, а если бы на него и обратили бы внимание, определенно не вызвало бы травмирующих переживаний.»*
> *«Не редко в основании аутизма лежит неспособность осциллировать между установками „я управляю“ и „я управляемый“. Среда, которой нельзя быть властелином становится чуждой и враждебной, высвобождает тенденцию к бегству на безопасную территорию, обозначенную местоимением „мой“. Зависть вызывают те, кто свободно двигаются за пределами этой территории. Возникают фантазии о том, что бы одолеть их и распространить свою власть на чужое окружение.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Социальное давление в преморбидном периоде шизофрении обычно бывает особенно значительным. Оно парализует движение таких людей, делает невозможным контакт с окружением и приводит к самоизоляции».*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Вынужденная активность, которая часто наблюдается у будущих шизофреников („идеальный ученик“, „вундеркинд“), как представляется, не влияет на формирование чувства реальности; она осуществляется механическим способом; в ней не достает спонтанного отношения к окружению.»*

Кемпинский Психология шизофрении

Мы можем видеть, что все эти детали, отличающие специфику психики циклоидов и щизоидов, отсутствуют у Кречмера,

который пытается давать психическим полям и механизмам биологическое объяснение. Он говорит только о явном аутизме шизоидов, трактуя оппортунизм циклоидов как нормальное взаимодействие со средой. Между тем, и в том и в другом случае, между человеком и средой встает кривое зеркало эгосистемы, запускающее ток-паразит, детерминированную энергию психики, разрушающую силу, здоровье, разум поля интеллекта, истинного Я человека. Разница между циклоидами и шизоидами не в том, что одни свободны от поля Эгосистемы, а другие нет, а в том, что у первых физическая эгозащита, которая позволяет сохранить цикличное равновесие детерминированной энергии психики, а у других эгозащита на основе формального интеллекта, ломающего цикличное равновесие и обнажающего Эго для ударов СуперЭго. Об этом формальном интеллекте шизоидов много написано в психиатрической литературе, о заостренности конфликта между я и средой (на самомо деле между Эго и СуперЭго) и об особой болезненности их самолюбия, которая у Кречмера называется гиперэстезией.

> *«Патологическое фантазирование у шизоидов (Сухарева Г. Е. 1937, 1959) чаще возникает аутохтонно, под влиянием идей метафизической интоксикации...» (4.9) «...И.А.Сикорский (1899) отмечал в этих случаях нарастающее отдаление от жизни, преобладание религиозных идей, „мыслительный философский анализ“ на фоне значительного упадка воли.»*

Гурьева Гиндикин Раннее распознавание шизофрении

> *«метафизические проблемы выдвигаются на передний план. Это является одной из черт, которые позволяют отличать шизофренический бред от иных видов бреда.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Бредовая структура помимо прочего основывается на том, что эгоцентричность системы подвергается еще большему акцентированию. При этом исчезает нормальная перспектива, которая позволяет отделить „то, что касается меня“ от „того, что меня не касается“. Больного касается все, все к нему относится. Происходит приближение окружающего мира — его „физиогномизация“ .... Давле-*

> *ние окружающего мира становится настолько сильным, что утрачивается способность свободного перемещения в нем.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> «В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей умеренности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты»

Кречмер Строение тела и характер

Аутизм циклоидов, то есть их зашоренность от действительности полем Эгосистемы, проявляется в чрезмерной зависимости от внешних контактов, постоянной потребности быть частью союзов садомазохизма (либо на притяжении Самолюбия, либо на притяжении Влюбленности), а также в насквозь мистичном сознании. Аутизм шизоидов проявляется в самоизоляции, в неспособности к любым контактам кроме власти над окружением, что невозможно в повседневной реальности. Здоровое взаимодействие со средой, например у самоактуалов Маслоу, проявляется и в потребности одиночества для умственной концентрации, и в потребности дружеских контактов с окружением, а также в объективном, научном мировоззрении, свободном от мистики поля Эгосистемы.

4. АУТИЗМ ЦИКЛИЧНОГО РАВНОВЕСИЯ У ФРОММА

> «Эта форма отчаяния в целом совершенно ускользает от людей. Ценой потери своего Я такой отчаявшийся тотчас же обретает бесконечную ловкость, благодаря которой его всюду охотно принимают и он достигает успеха в мире. Здесь уже нет никакой помехи, здесь Я и его бесконечность перестали быть стеснительным препятствием; круглый как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета. Его не только не принимают за отчаявшегося, напротив, это как раз такой человек, какой нужен»

Кьеркегор Болезнь к смерти

Аутизм цикличного равновесия Эгозащиты наиболее полно описан у выдающегося гуманистического психолога Эриха Фромма. В книге «Величие и ограниченность Фрейда» Фромм написал о том, что два типа любви описанных Фрейдом, как противоположные и истинные — Самолюбие и Влюбленность, на самом деле представляют дополнительные явления единой «симбиотической связи», не имеющей ничего общего с истинной любовью или дружбой, с истинными отношениями людей вообще. Он, как и все гуманисты, критикует не поле Эгосистемы Фрейда, а трактовку этого поля как истинное Я, как фундаментальное психическое поле человека.

Фромм пишет о двух различных полях психики, которые он обозначает как «авторитарную и гуманистическую совесть». Гуманистическая совесть — истинное Я человека, авторитарная — порождение мистики Эгосистемы и эгозащиты. Если гуманистическая совесть человека подавляется авторитарной, он заболевает, его истинное Я становится жертвой автоматизмов чужеродной энергии, которая разлагает его.

«В авторитарных системах авторитет поставлен в положение, принципиально отличное от положения подчиненных ему людей. Он обладатель качеств, не достижимых для кого бы то ни было: магической власти, мудрости, силы, в чем ни один из людей не может с ним даже сравниться. Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или единственным вождем, посланным судьбой, принципиальное неравенство между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной совести. Свое содержание авторитарная совесть получает из повелений и запретов авторитета; ее сила коренится в эмоциях страха перед авторитетом или восхищения им. Авторитарная личность обретает внутреннюю безопасность, становясь симбиотической частью авторитета, воспринимаемого как нечто большее и сильнейшее, чем сам человек. Будучи частью этого авторитета — за счет собственной целостности — человек чувствует себя причастным к силе авторитета.

Гуманистическая совесть — это не интериоризованный голос авторитета, которому мы жаждем угодить и чьего неудовольствия страшимся; это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений. Какова природа этого голоса? Почему мы слышим его и почему можем стать глухи к нему? Поступки, мысли и чувства, способствующие надлежащему функционированию и раскрытию всей нашей личности, рождают чувство внутреннего одобрения, «подлинности», свойственное гуманистической «чистой совести». И наоборот, поступки, мысли и чувства, губительные для нашей личности, рождают чувство беспокойства и дискомфорта, свойственное «виноватой совести». Итак, совесть — это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующего от нас жить плодотворно, развиваться полно и гармонически — то есть, стать тем, чем мы потенциально являемся. Это страж нашей честности; это «способность ручаться за себя и с гордостью, стало быть, сметь также говорить «Да» самому себе». Если совесть опирается на суровый и неприступный иррациональный авторитет, развитие гуманистической совести может оказаться почти полностью подавленным. Тогда человек становится целиком зависим от внешних сил и утрачивает возможность заботиться о собственном существовании и чувствовать ответственность за него. Все, что ему остается, это одобрение или неодобрение этих сил, которые могут быть государством, вождем или не менее всевластным общественным мнением. Даже самое безнравственное, с гуманистической точки зрения, поведение может восприниматься с авторитарной точки зрения как «долг». Чувство «долга», общее обеим, оказывается таким обманчивым фактором, потому что оно может адресоваться как к худшему, так и к лучшему в человеке» Эрих Фромм Человек для себя

В результате человек поглощается автоматизмами внешней чужеродной энергии, ложным Я, полем Эгосистемы; его воля разлагается, он становится жертвой неконтролируемых влечений, «тирании Надо», как говорила Карен Хорни. Человек пере-

стает быть самим собой, авторитарная совесть поглощает, его функционирование перестает быть истинным, подлинным, здоровье уступает место болезни. Это и есть аутизм, когда между человеком и миром возникает непреодолимая стена автоматизмов патологии психики.

Эту авторитарную совесть Фромм описывает как механизм цикличного равновесия притяжения Самолюбия и Влюбленности: он говорит о садомазохистском союзе, о симбиотической связи, которую он противопоставляет истинным отношениям, о взаимодействии рецептивной и эксплуататорской личности. Садист и мазохист, рецептивный и эксплуататор дополняют друг друга в этих искусственных отношениях симбиотической связи, имитирующей общение, тогда как на самом деле, люди на подлинного уровне своей психики остаются глубоко фрустрированными и одинокими.

> *«Пассивной формой симбиотической связи является подчинение, или, выражаясь медицинским языком, — мазохизм. Мазохистская личность избавляется от невыносимого чувства одиночества и отчуждения, становясь неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его; частью того, который становится для него как бы жизнью, его воздухом. Сила того, кому он покорился, будь то человек или божество невероятно преувеличивается он — все, а я — ничто, я значу что-то лишь постольку поскольку я его часть. И будучи его частью я сам становлюсь причастен к его величию, его силе, его уверенности. Мазохистская личность никогда не принимает никаких решений, никогда не рискует; она никогда не остается в одиночестве, но и никогда не бывает независимой; ей не достает целостности; этот человек еще не вполне родился. В религиозном контексте предмет поклонения называется идолом, но и в светском контксте механизм взаимоотношений, основанных на мазохистской любви по сути тот же самый — идолопоклонство....Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободится из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний*

зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объекта»

Фромм Искусство любить

«Эксплуататорская ориентация, подобно рецептивной, имеет в качестве основной предпосылки ощущение, что источник всех благ находится вовне и ничего нельзя создать самому. Отличие между двумя этими ориентациями, однако, в том, что эксплуататорский тип не надеется получить что-либо от других в дар, а отнимает у них желаемое силой или хитростью. Такая ориентация распространяется на все сферы действий. В области любви и чувств такие люди склонны присваивать и красть. Поскольку они хотят использовать и эксплуатировать людей, они „любят“ тех, кто прямо или косвенно может стать объектом эксплуатации, и им „наскучивают“ те, из кого они уже выжали все. Крайний пример — клептоман, который наслаждается только теми вещами, какие можно украсть, хотя у него достаточно денег, чтоб купить их. Символом этой ориентации, кажется, может служить язвительная гримаса, которая часто бывает отличительной чертой таких людей. Не ради игры слов стоит отметить, что они часто делают „язвительные“ замечания в адрес других людей. Их установка окрашена смесью враждебности и манипуляции. Каждый человек рассматривается как объект эксплуатации и оценивается по его полезности. Вместо доверчивости и оптимизма, свойственных рецептивному типу, здесь мы обнаруживаем подозрительность и цинизм, зависть и ревность. Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим, и недооценивать свое собственное»

Человек для себя Фромм

Эти отношения садомазохизма быстро идут на убыль вследствие ложности поля Эгосистемы, на котором они основаны. В результате образуются множественные ненасыщаемые циклы

подобных отношений садомазохизма, будь то отношения власти или «любви».

«Одна из форм псевдолюбви, довольно распространенная и часто воспринимаемая (и еще чаще описываемая в кинокартинах и романах) как „великая любовь" — любовь идолопоклонническая. Если человек не достиг того уровня, когда он осознает себя, свою индивидуальность, коренящуюся в плодотворном развитие собственных сил, то он склонен „боготворить" любимого, делать из него кумира. Он отчуждается от собственных сил и направляет их на любимого человека, которому он поклоняется как наивысшему благу, как носителю всяческой любви, всяческого света, всяческого блаженства. Тем самым он лишает себя ощущения своей силы, теряет себя в своем любимом, вместо того, чтобы обрести себя. Поскольку обычно никто не может в течении долгого времени удовлетворять ожиданиям того, кто ему поклоняется рано или поздно наступает разочарование — и чтобы утешится человек ищет себе нового идола и так порой до бесконечности. Для такой идолопоклоннической любви особенно характерно бурное и стремительное начало любовного переживания. Идолопоклонническую любовь часто изображают как настоящую, сильную любовь; но „сила" и „глубина" такой любви свидетельствует лишь об эмоциональном голоде и отчаянии идолопоклонника» Фромм Искуство любить

> *«Прежде всего ее часто путают с похожими на взрыв переживаниями „влюбления", „впадения" в любовь, с внезапным разрушением барьеров, которые существовали до этого между двумя чужими людьми. Но как мы отмечали выше это переживание внезапного сближения по самой своей природе недолговечно. ...Большинство людей быстро изучает и исчерпывает как себя самого, так и другого. Сближаются они прежде всего через половую связь. Поскольку они воспринимают разделение с другим человеком прежде всего как физическое разделение, то и физическое соединение для них означает преодоление этого разделения. ...Но все эти виды близости с течением времени все более ослабевают. И поэтому человек ищет новой любви с другим человеком... и всегда остается иллюзия, что новая любовь будет не такой как прежние»*

Искусство любить Фромм

Бертран Рассел также четко разделяет отношения людей на уровне подлинного Я и отношения садомазохизма, которые он определяет как патологию, не дающую ничего ценного ни одной из сторон, как потерю жизни и здоровья.

> *«Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения. Эта характеристика часто связанная с большими амбициями, которая произрастает из неправомерно одностороннего взгляда на источники счастья. Любовь в смысле искреннего взаимного интереса двух людей друг в друге, ни как средства для счастья каждого из них, но как путь к достижению одного общего счастья, есть один из наиболее важных элементов настоящего счастья; так что люди, чье эго наглухо заточено в железных стенах и защищено от такого взаимного проникновения друг в друга лишаются самого лучшего, что жизнь может им предложить, как бы успешна ни была их карьера»*

Борьба за счастье Рассел

Таким образом, аутизм цикличного равновесия у Фромма основан на понятии авторитарной совести как ложной информации поля Эгосистемы. Это теория конформизма, некритичного подчинения авторитетам, возникающее из чувства страха перед СУперЭго, загрузками которого они являются. Подобно тому, как аборигены видят природу загрузками СуперЭго и испытывают сильный страх перед тотемами, так цивилизованный человек

воспринимает социальные авторитеты как загрузки СуперЭго и тоже испытывает сильный страх перед их неодобрением. Так, Стенли Милграм доказал в своих экспериментах на Подчинение авторитету, что большая часть испытуемых была готова идти против совести и своих убеждений, просто из страха неодобрения авторитетами.

Теперь, если мы вернемся к теории Эрнста Кречмера, который отождествлял психическое здоровье и диатетическую пропорцию циклоидов, мы сможем наглядно видеть грубую ошибку такого отождствления. То что Кречмер называет реалистичностью и объективностью циклоидов оказывается на поверку конформизмом, подчинением авторитетам, и говорит о скрытом аутизме, а вовсе не о способности к открытым контактам с окружением. Так он пишет в «Строениитела и характере»:

> «Эта способность растворяться в реальной среде и сопереживать ее теснейшим образом связана с другой типичной чертой характера. Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы. Сказанное касается всех оттенков. При быстром темпе гипоманиакального это свойство принимает форму постоянно изменяющегося непостоянства. Но и среди спокойных лиц среднего типа, и среди мрачных мы встречаем группу людей, с которыми можно добродушно беседовать, и они, несмотря на всю совестливость, склонны к уступчивости и компромиссам. Это практики, которые раньше знакомятся с человеком и реальными возможностями, а затем уже считаются с принципом. Любопытно, что данная черта характера обнаруживается также при маниакальных и депрессивных психозах. Известна бедность циркулярных бредовыми идеями. Ни маниакальный, ни депрессивный не создают в типических случаях бредовую систему с последовательным ходом мыслей и методическим сочетанием их. Без долгих размышлений содержание представлений приобретает у них окраску печали или веселья, так возникают несколько простых идей обеднения и греховности или мимолетные идеи величия. Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли. Здесь особенно ясно выступает несистематическое мышление, обусловленное моментом, свежим впечатлением, случайно всплывшей идеей, отсутствие оценки анализа, системы последовательного построения и твердой руководящей идеи, т. е. преобладание интереса при недостаточной выдержке. Уклон в оппортунизм, который, так сказать, лежит в плоскости циклотимических темперамен-

> тов. Шизофреники эксцентричны, витиеваты, туманно-расплывчаты, мистически метафизичны, склонны к системе и к схематическому изложению; гипоманьяки, напротив, лишены системы, говорливы, находчивы, сговорчивы, подвижны, как ртуть»
> Как можно видеть он прямо подчеркивает, что мышление практически не опосредует контакта циклоидов со средой, противопоставляя это отсутствие рефлексии у циклоидов выраженной склонности шизоидов к философствованию, системе и построению абстрактных схем. Он забывает поставить между отсутствием мысли циклоидов и формальным интеллектом шизоидов — научный интеллект здоровых людей. Именно способность видеть истину, законы природы отличают реалистичность и объективность здоровых людей, а вовсе не их способность к приспособлению к окружению. Если окружение порочно или просто ошибается, ничто не мешает им высказать свою позицию. Здоровье как раз в отсутствии конформизма, в отсутствие страха перед авторитетами, в отказе от некритичного принятия ценностей и приспособления к внешней силе. Важно оставаться объективным, сохраняя мужество бороться за истину.
> Но не так обстоит дело с циклоидами Кречмера, как мы можем видеть. Это как раз тот случай, о котором Кьеркегор говорит, «круглый как галька»: «Ценой потери своего Я такой отчаявшийся тотчас же обретает бесконечную ловкость, благодаря которой его всюду охотно принимают и он достигает успеха в мире. Здесь уже нет никакой помехи, здесь Я и его бесконечность перестали быть стеснительным препятствием; круглый как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета».

И Кьеркегор подчеркивает аутизм в основании конформизма, то есть потерю истинного контакта со средой. Это отношения садомазохизма, «власти». Как говорит Роберт Грин в «48 законах власти», где он проповедует подчинение себе других ценой полного разложения гуманистической этики, «Подлинного Я», как сказали бы гуманисты, с тем, чтобы полностью подавить и надругаться над личностью другого:

> *«Власть процветает, пока может гибко менять формы. Быть лишенным определенной формы не означает быть аморфным, бесформенным — формой обладает все, этого невозможно избежать. Отсутствие у власти определенной формы означает, что она, подобно воде или ртути, может принимать очертания всего, что ее окружает» Грин 48 законов власти*

Действительно, приспособление к окружению никак не может быть признаком здоровья. И Кречмеру не следовало бы смешивать конформизм циклоидов (или «оппортунизм» как говорит он сам) с реалистичностью и объективностью здоровых людей. Грин также как и Кречмер сравнивает проповедуемый им конформизм с ртутью — со способностью человека принимать форму окружающей среды.

Однако, общим мнением гуманистов является прямо противоположный взгляд на здоровье: это способность мужественно бороться за истину и гуманистическую этику. Общественное мнение не есть объективная реальность, общество может ошибаться и тогда долг человека, трезво оценивающего эту реальность, указать обществу на его заблуждение. Вот как об этой своей позиции пишет Бертран Рассел:

> «Наш мир полон зла, но если бы люди захотели избавиться от этого зла, его бы не было. Те кто видит это зло и борется с ним, скорее всего будут менее счастливы в своей каждодневной жизни, чем те, кто молча соглашается со статус кво. Но вместо этого каждодневного счастья у них будет нечто, что я ценю намного выше, как для себя, так и для своих детей. Они будут знать, что делают все что в их силах, чтобы в этом мире было меньше боли. У них будет более справедливая система ценностей, чем у гладко скользящих конформистов. Их будет согревать сознание, что они среди тех, кто препятствует погружению человечества в стагнацию или отчаяние. Это лучше нежели праздное самодовольство»

Бертран Рассел Образование
и здоровое общество

Абрахам Маслоу писал о том, кто был более здоров в гитлеровском обществе, те кто подчинился и приспособился или те кто оказали ему упорное сопротивление и погибли в концлагерях?

> *«Психоанализ в привычном для него русле рассматривает расстроенные отношения молодых людей с обществом, как нечто что проистекает из психологических проблем этих людей. Мне представляется, что это абсолютно ошибочное убеждение. Представьте, например, что у юноши родители, которые считают теорию эволюции глупой.*

Ничего кроме интеллекта в данном случае не требуется, чтобы расстроить его отношения с родителями. Быть в не в ладах с окружением, конечно, неприятно, но это не всегда такое бедствие, которого нужно избегать любой ценой. Там, где общество глупое, предубежденное или жестокое именно достоинство человека расстроит его отношения с окружением. А в определенной мере эти качества присущи практически всем обществам. Галилей и Кеплер имели „опасные мысли", как говорят в Японии, и так же обстоит дело с наиболее интеллигентными людьми нашего времени. Нежелательно, чтобы социальное чувство было так сильно развито, чтобы такого рода люди стали бояться враждебности, которую могут спровоцировать их мысли. Напротив, нужно найти пути снизить и обезвредить эту враждебность».

Борьба за счастье Рассел

«Я вовсе не хочу сказать, что людям следует быть эксцентричными, поскольку это также неинтересно, как быть конвенциальным. Я только хочу сказать, что люди должны оставаться самими собой, и должны следовать за своими спонтанными желаниями, при условии, что они не носят антисоциального характера».

Борьба за счастье Рассел

«История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея»

Мотивация и личность Маслоу

«В это время возникло понятие „психической адаптации", заблиставшее в 1920-е годы. Хотя не все психологи отождествляли адаптацию со средним поведением, тем не менее это отождествление достаточно широко подразумевалось. Например, часто подчеркивался тот факт, что животное, не приспособившееся к норме своего вида, обычно погибает. Тогда еще не был сделан вывод о том, что человек, который приспосабливается подобным образом, — скучная посредственность. Времена изменились. Сегодня мы все глубже озабочены усовершенствованием поведения среднего человека, поскольку к настоящему моменту возникли серьезные сомнения в том, что простая посредственность может выжить. По мере того как распространяется социальная аномия, а само общество становится все более больным, мы сомневаемся, что посредственный человек сможет избежать психических расстройств и правонарушений, сумеет

> *не попасть под власть диктаторов или успешно предотвратить атомную войну. Кривая нормального распределения не оставляет нам надежды на спасение. Нужны граждане нормальные и здоровые в более позитивном смысле слова, — мир нуждается в них, как никогда ранее»*

Становление личности Гордон Олпорт

Абрахам Маслоу в известном исследовании самоактуалов, показал, что наиболее здоровые люди, ни в коем случае не конформны, но напротив сопротивляются окультуриванию и имеют собственный этический кодекс, который отражает гуманистические ценности:

> *«Чуждые социальным условностям и распространенному в обществе ханжеству и лжи, самоактуализирующиеся люди иногда чувствуют себя чужестранцами, что проявляется и в их поведении»*

Мотивация личности Маслоу

> *«Составляющими автономии является способность принимать самостоятельные решения, ответственность, самодисциплина, склонность действовать самостоятельно, а не быть оружием в чужих руках, сила, а не слабость».*
> *«В заключение мы выскажем одно соображение, которое, скорее всего, будет неприятно многим теологам, философам и ученным: самоактуализирующиеся индивиды имеют большую свободу воли и менее зависимы, нежели обычные люди».*
> *«Следствием такой особенности является то, что самоактуализирующиеся люди имеют собственный этический кодекс, относительно автономный и индивидуальный, отличный от общепринятого. Случайный наблюдатель иногда может заподозрить их в отсутствии всяких этических признаков, поскольку такие люди с легкостью нарушают не только общепринятые нормы поведения, но и законы если того требует ситуация. Однако подобное мнение далеко от истины. Это высоконравственные люди, хотя их принципы сильно отличаются от общепринятых…»*
> *«самоактуализирующиеся люди менее ограничены, менее скованы, иначе говоря, менее окультурены. Если использовать позитивные термины, то они более спонтанны, естественны, человечны».*

Поэтому критерием аутизма никак нельзя называть потребность в одиночестве. Маслоу пишет, что самоактуалы любят

одиночество; впрочем также как они искренне любят своих друзей и вообще хорошую компанию. Одиночество не является симптомом аутизма само по себе; здоровым людям безусловно требуется одиночество для концентрации мышления и просто для медитации, для рефлексии, удовольствия находиться в своем собственном обществе. Точно также и потребность в постоянном контакте с внешним миром не является признаком отсутствия аутизма, потому что как мы могли видеть, если этот контакт происходит через поле Эгосистемы, то настоящий контакт со средой отсутствует. Кьеркегор возмущается таким страхом одиночества и такой безусловной негативной оценкой его.

> «Напротив, очень часто его охватывает потребность одиночества, столь же необходимая для него порой, как потребность дышать или, в иные времена, спать. То что он наделен этой жизненной потребностью в большей степени, чем это обычно свойственно людям, служит для него знаком, что природа его более глубока. Потребность в одиночестве всегда служит для нас доказательством духовности и мерой последней. „Это безмозглое стадо людей, которые не являются таковыми, это стадо неразлучных“, они столь мало ощущают такую потребность, что, подобно попугаям, умирают, когда остаются в одиночестве; как малый ребенок, который не засыпает, пока ему не пропоют колыбельную. так и им нужен успокоительный мотив общения, чтобы есть, пить, спать, молиться, влюбляться и так далее...»

Кьеркегор Болезнь к смерти

Абрахам Маслоу пишет о том, что контакт с внешним миром на уровне истинного Я предполагает одинаково и одиночество и контакт с людьми, но существо не в наличии обеих потребностей, а в качестве отношений со средой, которое должно быть лишено посредства поля Эгосистемы; тогда настоящий контакт со средой естественно предполагает и потребность в одиночестве.

> «Здесь таится один очень интересный парадокс. Заметьте, с одной стороны я говорю о раскрытии, или открытии вашей индивидуальности, о выявлении того в вас, чем вы отличаетесь от всего окружающего. Но с другой стороны, я в то же время рассуждаю о раскрытии того, что обозначает вашу принадлежность к виду, об открытии об-

> щечеловеческого в вас. Карл Роджерс сформулировал этот парадокс следующим образом: <Чем глубже мы познаем свою особенность и свою уникальность, чем настойчивее ищем свою индивидуальную идентичность, тем ярче в нас проступает общечеловеческое>. Разве это не напоминает вам Р. У. Эмерсона и трансцендентналистов Новой Англии? Обнаружение на глубинном уровне своей принадлежности к виду приводит нас к открытию своего <Я> и наоборот. Вочеловечивание подразумевает оба этих процесса, протекающих одновременно»

Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

> «Тот факт, что самоактуализирующиеся люди даже в любви способны оставаться отстраненными, сохраняют свою индивидуальность и личностную самостоятельность, может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отстраненность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той особого рода любовным отождествлением, которое мы обнаружили у самоактуализирующихся индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отстраненность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютным, полным отождествлением с предметом своей любви. Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Маслоу Мотивация и личность

5. ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ПСИХОЗ

Знаменитая болезненность самолюбия шизоидов, гиперэстезия, как называет ее Кречмер, которая происходит из открытости Эго для ударов СуперЭго вследствие сломанного цикличного равновесия детерминированной энергии психики — и приводит в конечном итоге к распаду психики. Эффект «Убитого Эго», который невозможен при цикличном равновесии циклоидов, свободно переходящих с притяжения Самолюбия на притяжение

Влюбленности, достигается в конечном итоге у шизоидов, которые не могут сменить установку власти на подчинение. Разрушенный контроль закона сохранения силы и провоцирует распад психики.

Оптимистичный прогноз в случае циркулярных психозов связан по всей видимости с тем, что цикличный гомеостаз поля Эгосистемы не может разрушить психику окончательно, тогда как сломанный цикличный гомеостаз шизоидов разрушает именно из-за эффекта «убитого эго». Сам факт убитого эго — это абсурд, «комичное отчаяние» Кьеркегора, но поскольку человек ассоциирует себя с этим эго, то в конечном итоге смертельно раненый закон сохранения силы приводит уже к реальному коллапсу психики, распаду истинного Я, то есть поля интеллекта. Так Ницше писал накануне психоза:

> «На такой призыв каким был мой «Заратустра», призыв вырвавшийся из глубины души, не услышать ни звука в ответ, ничего — ничего, кроме беззвучного, теперь уже тысячекратного одиночества, — в этом есть нечто ужасное, превышающее всякое понимание; от этого может погибнуть самый сильный человек» — так стонет он и прибавляет: «А я не из самых сильных. С тех пор мне кажется, будто я смертельно ранен. «за 20 лет нельзя насчитать и десятка писем в которых не прорывался бы стон. И все ужаснее, все безумнее становятся вопли мученика, до предела чувствительной, до предела напряженной и уже воспаленной нервной системы. «Облегчи себе эту муку: умри!» — восклицает он или пишет: «Пистолет служит для меня источником относительно приятных мыслей», или: «Ужасные и почти непрестанные мучения заставляют меня с жадностью ждать конца, и по некоторым признакам разрешающий удар уже близок»

С. Цвейг Ницше

Гельдерлин накануне психоза также называет себя «живым трупом»:

> «Каждый день я вынужден вновь призывать исчезнувшее божество. Когда я думаю о великих людях великих веков, — как они ощущали вокруг себя священный огонь и все мертвое, древесное, всю солому этого мира обращали в пламя, которое вместе с ними взлетало к небу, а потом о себе, — как часто я, мерцающая лампадка, брожу

> по миру и выпрашиваю капельку масла, чтобы еще немножечко посветить в ночи — о! страшный озноб пробегает тогда по моим членам, и я тихо кричу самому себе ужасные слова: живой труп!» я боролся до смертной усталости, чтобы удержать ту, более высокую жизнь в вере и созерцании, да, я боролся, испытывая страдания, которые, судя по всему, превосходят своею силой все прочее, что только способен выдержать человек с твердостию железа. В конце концов, поскольку сердце было надорвано более чем с одной стороны, но все же держалось, я не мог избежать того, что бы не втянуть себя — теперь уже и мыслями — в то злое отчаяние, которого вся загадка, — что более важно: животрепещущее или вечное — так легко решается одним ясным взглядом.»

К. Ясперс Стриндберг и Ван Гог

А. Кемпинский пишет в Психологии шизофрении, что доминирующим эмоциональным фоном при шизофреническом психозе является страх. Это вполне закономерно вытекает из нашей гипотезы о феномене «убитого эго», как провокации психоза. Именно страх сверхъестетсвенных сил в основе эмоционального фона первобытных людей, как пишет Леви-Брюль, и именно страх в основе авторитарной совести Фромма или тирании Надо Карен Хорни; о «страхе кастрации» как ведущей эмоции поля Эгосистеме пишет и Фрейд.

> *«Катастрофе предшествует наполненное ужасом ожидание; колорит мира затемняется, все становится таинственным и ужасным. Страх нарастает crescendo — в кульминационный момент следует взрыв: конец мира, войны, катаклизмы, хаос, страшный суд, разделение на дьяволов и ангелов, осужденных и спасенных, добрых и злых, патриотов и врагов, живых и мертвых.»*
>
> *«Чувством, наиболее часто встречающимся при шизофрении, является страх. Его интенсивность нередко превосходит пределы человеческого воображения. Внешним его проявлением чаще всего бывает заторможенность либо катотаническое возбуждение, а внутренним нарушение нейроэндокринного равновесия, которое иногда бывает даже причиной смертельного исхода.»*
>
> *«Другие чувства, которые хаотичным и бурным образом развиваются при шизофрении можно разделить на светлые и темные. Следует, однако, уточнить, что даже при светлом колорите несильно выра-*

> *женная, но глубоко проникающая примесь страха придает шизофреническому миру необычайность и ощущение ужаса.»*

Кемпинский Психология шизофрении

Существо шизофренического психоза сводится, таким образом, к распаду живой психики человека вследствие активного поля Эгосистемы и сломанного цикличного равновесия этого поля. Распад живой психики сопровождается чувствами дереализации окружающего мира и деперсонализации самого себя — это известные симптомы шизофренического дебюта также как нарастание страха. Расстройство воли и спонтанности, которые также имеют своим источником живую психику поля интеллекта, и постепенное омертвение эмоций.

> «При острых формах шизофрении когда структуры собственного „Я" и окружающего мира разрушаются, „Я хочу" практически перестает существовать; больной оказывается в плену необычных событий, которые происходят в нем самом и в его окружении, утрачивая способность выбора; его несет бурный поток галлюцинаций, бредовых идей, странных впечатлений, сверхсильных чувств. Такое внезапное разрушение прежнего мира обычно связано с чрезвычайно сильным чувством страха (дезинтеграционный страх)...»

Кемпинский

> «Как пишут Д. Хьелл соавт. (1998), в собственно болезненном состоянии окружение не имеет более своих естественных взаимосвязей, оно кажется ненастоящим, как бы инсценированным специально для больного. В то же время последний ощущает себя измененным, находящимся то ли под гипнозом, то ли под телепатическим воздействием. G. Dello Russo (1956), ссылаясь на старых авторов, считает типичным для начала шизофрении внезапно возникающее чувство субъективной измененности, получившее у некоторых исследователей название «симптома ужасающей трансформации»

Гурьева Гиндикин Раннее распознавание шизофрении

> *«Дезинтеграция один из двух осевых симптомов шизофрении — наблюдается во всех ее фазах, но в третьей расщепление превращается в распад.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Человек при этом уже перестает быть самим собой, исчезает чувство континуальности, необходимое для сохранения чувства идентичности. „Умер прежний человек, родился новый.“ — это не есть только поэтическая метафора, но в полне реальный феномен. Больной чувствует, что он уже не тот, кем был прежде, что в нем что-то существенно изменилось.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Его Я становится другим Я. Исчезает идентичность личности больного он становится кем то другим как в собственном восприятии, так и в восприятии окружающих. Этот факт часто выражено подчеркивается ближними больного: «он стал каким то другим», «он стал совершенно другим человеком», «он изменился».*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Течение шизофрении иногда сравнивают с пожаром, который сначала вспыхивает, во второй фазе горит спокойнее и угасает в третьей, оставляя после себя прах и пепелище.»*

Кемпинский

> *«Третий период шизофрении можно определить одним словом: угасание... Индивидуальность, которая несмотря на расщепление личности вырисовывается достаточно отчетливо в первой и даже во второй фазах, в третьей утрачивается; один больной похож на другого, их трудно отличить друг от друга; а каждом можно сказать тоже самое: «отупевший», «без жизни», «чудаковатый»*

Кемпинский

> *«Эмоциональная недостаточность, проявляющаяся на клиническом уровне как отсутствие эмоционального резонанса, эмоциональная „нивелировка“, эмоциональная опустошенность также являются следствием нарушения потребнстно — мотивационных компонентов психической деятельности...»*

Критская Мелешко Патология психики
при шизофрении

> *«Степень шизофренической деградации колеблется от бедности аффектов апатичности и безразличия до разрушения личности и отупения уже не только эмоционально чувственного, но также и интеллектуального, напоминающего в определенной мере органическое отупение.»*

Кемпинский

Одновременно с дереализацией и деперсонализацией, имеющими место вследствие распада живой психики человека (истинного Я), нарастают автоматизмы поля Эгосистемы, компульсия его детерминизма, и кристаллизуется бредовая система Эгозащиты, разрушившая психику. Именно теперь после распада живой психики во всей своей очевидности проявляется бредовый характер поля эгосистемы.

> *«Больному представляется, что он утратил власть над самим собой, стал автоматом, что извне „они" управляют его мыслями, чувствами, словами и движениями (психический автоматизм Клерамбо — Кандинского). Реже он сам оказывается способен читать чужие мысли, управлять ими, передавать приказы на расстоянии. Его власть относится не только к людям, но также и к животным, растениям и неодушевленным предметам. Он читает их мысли и управляет их поведением, может влиять на атмосферные явления: вызывать молнии, дожди, останавливать движение солнца.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Они выдают ему свои приказы, вынуждают к подчинению — он послушен им, как автомат; они читают его мысли; управляют каждым его движением.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Воображение больного шизофренией остаются лишь их тени, духи, либо мертвые тела, движущиеся на подобие автоматов.»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«я хочу» постоянно осциллирует, то и дело меняя свое направление. Больной то хочет бороться, то отказывается от борьбы, то стремится действовать, то придается бездействию, то желает любить, то хочет ненавидеть. Даже в таких простых действиях, которые в норме выполняются автоматически (ходьба, речь, протягивание руки для приветствия и тп), проявляется колебание между разными формами активности, больной не может принять решение какую из них выбрать...»*

Кемпинский Психология шизофрении

> *«Хотя, в общем, события влияют на тематику шизофренического мира избирательно, так что она меняется в зависимости от эпохи и культурного круга и пол века назад иначе, нежели в настоящее вре-*

мя, однако определенные мотивы повторяются: борьба противоположных сил....
Этот мир является полем битвы противоположных сил, обычно морального характера — добра и зла, красоты и безобразия, мудрости и глупости.»

Кемпинский Психология шизофрении

Можно видеть, что говорить о «терапии» шизофрении уже не приходится. Единственный способ борьбы с ней — это профилактика, нейтрализация физического контроля закона сохранения силы психики, и таким образом, поля Эгосистемы. После распада психики, если и можно что-то сделать, то это потребует огромные временные и энергетические затраты; но в подавляющем большинстве случаев даже при таких условиях ничего нельзя будет исправить. Профилактика единственный реальный способ борьбы с шизофреническими психозами. И как мы видели такая профилактика психозов есть не только решение медицинской проблемы, но и социальной, поскольку социальное зло также имеет своим источником активное поле Эгосистемы. Так или иначе, но если человечеству суждено жить, рано или поздно, основа его самовоспроизводства будет в системе образования, имеющей своей целью нейтрализацию поля Эгосистемы.

Необходимо напоследок сказать также о современных методах лечения, исходящих из общей философии материализма дарвиновской парадигмы. Поскольку в рамках этой парадигмы психоз трактуется как патология мозга, а не как распад поля психической энергии, то терапия имеет своей целью прямое физическое воздействие на деятельность мозга. Понятно, что единственным следствием может быть деградация мозга и таким образом разрушение поля психики еще и с этой стороны. После такой «терапии» все последние шансы на интеллектуальную терапию будут исчерпаны, поскольку разрушенный физически мозг уже не сможет воспроизвести здоровое поле психики.

Не являясь психиатром, могу предложить следующую информацию о состоянии современной психиатрии из просторов интернета, чтобы вы могли составить личное суждение

об уровне извращения современного представления о психике:

«Нейролептик (в переводе означает «нейро» — нервная система и «leptikos» — способный взять) это антипсихотические средства, насильно тормозящие нервную систему человека и берущие руководство высшей нервной деятельностью человека в свои руки. Эти лекарства применяются при лечении психически больных людей, к которым, страдающие вегетососудистой дистонией, не имеют никакого отношения. Поэтому лечение ВСД нейролептиками не должно иметь право на существование. Посмотрим на эти лекарства более детально.

Механизм действия нейролептиков. Как и для всех психотропных лекарств, вопрос о том, куда именно и каким образом действуют нейролептики, до настоящего времени неизвестен. Существуют только предположения. Согласно им, действие нейролептиков связано с прямым вмешательством в обмен биологически активных веществ в центральной нервной системе, а именно в мозге. Они снижают передачу нервных импульсов в разных отделах мозга, где она осуществляется с помощью такого вещества как дофамин. Кроме необходимого воздействия на участки мозга, отвечающие за возникновение психоза (лимбическая система), под их действие попадают различные участки мозга и соединений нервных клеток с нормальной деятельностью. Это экстрапирамидная система, гипоталамус, гипофиз. При этом их деятельность существенно снижается, что приводит к огромному списку серьезных нарушений в организме. Нарушение работы дофаминовых рецепторов (чувствительных к дофамину нервных соединений) в мезокортикальной системе (средняя часть коры головного мозга) приводит к когнитивной дисфункции (когнитивная означает умственная работа мозга, а дисфункция — нарушение нормальной работы). Проще говоря, человек превращается в простой, бездумный и нечувствительный овощ. Кроме дофаминовых рецепторов, нейролептики блокируют рецепторы чувствительные к адреналину, ацетилхолину и серотонину.

Побочное действие нейролептиков. Исходя из механизма действия, их способности блокировать огромное количество нервных рецепторов, побочные эффекты нейролептиков имеют очень непростой и разнообразный характер. Они вызывают: • нейролептический синдром — экстрапирамидные нарушения по типу гипо- (понижение) или гипер- (повышение) двигательных функций скелетных мышц; • лекарственная дистония (непроизвольное сокращение и расслабление мышц); • лекарственный паркинсонизм (дрожание рук и головы), нарушение мимики лица; • акатизия (чтобы успокоиться, человек ощущает необходимость постоянно двигаться); • когнитивная дисфункция — нарушение умственной деятельности мозга, снижение интеллекта; • злокачественный нейролептический синдром (ЗНС) — после лечения нейролептиками возникает почечная недостаточность, ригидность мышц, повышенная температура тела, что может привести к смерти; • расстройство работы вегетативной нервной системы (падение артериального давления, тахикардия, снижение температуры тела, нарушение работы желудка и кишечника); • задержка выделения мочи; • нарушение выработки гормонов в гипофизе (этот орган считается самым главным гормональным регулятором в организме); • расстройства половой функции, как у мужчин, так и у женщин; • поражение тканей печени и почек, причём некоторые препараты очень сильно бьют по этим органам; • ухудшение зрения; • нарушение формулы крови; • повышение риска возникновения онкологических заболеваний; • нарушение развития плода при беременности. В результате их влияния на жировой обмен значительно возрастает у больных, принимающих нейролептики, риск возникновения инфаркта миокарда, инсульта, сердечно-сосудистых заболеваний, пневмонии и сахарного диабета. Повышается этот риск при одновременном приёме типичных и атипичных нейролептиков. Нейролептики также способствуют увеличению веса тела, а нарушение выработки гормона пролактин, вызывает увеличение молочных желез. Последние исследования говорят

о том, что риск развития сахарного диабета, больше возможен при применении новых атипичных нейролептиков.

Структурные изменения мозга

Плацебо-контролируемые исследования трёх групп макак, получавших в течение 17—27 месяцев галоперидол либо оланзапин в терапевтической дозировке, свидетельствуют о снижении веса и объёма мозга вследствие приёма нейролептиков, достигающем 8—11% [66] и связанном со снижением объёмов как серого, так и белого вещества в ряде областей. Снижение объёма серого вещества оказалось вызвано преимущественно потерей глиальных клеток [67], в первую очередь астроцитов (до 20% в париетальной области) и олигодендроцитов (до 11%) [68]. За публикациями последовали обвинения, адресованные фармакологическим компаниям, в том, что действие их медикаментов не было должным образом проверено на животных моделях перед выводом лекарств на рынок [69].

Исследователь Нэнси Андреасен полагает, что ускоренная потеря серого вещества у пациентов, получающих повышенное количество антипсихотиков, говорит о негативном влиянии лекарств [70] и что приём нейролептиков приводит к постепенной атрофии префронтальной коры [71] [72], обусловленной тем, что префронтальная кора отключается под действием препаратов [72]. Выводы Андреасен были подтверждены другими исследователями [72], однако подвергались и критике, в том числе Фуллером Тори [73].

С другой стороны, Н. Андреасен отмечала, что предотвращение рецидива является важной задачей, однако его нужно обеспечивать, применяя, насколько возможно, самые низкие дозы антипсихотиков, позволяющие держать симптомы под контролем [74]. Как подчёркивает Н. Андреасен, следует искать другие лекарства, действующие на иные системы и области мозга, а на практике, какие бы препараты ни использовались, необходимо сочетать их с когнитивной и социальной терапией [72].

В 2010 году исследователи J. Moncrieff и J. Leo опубликовали систематизированный обзор исследований магнитно-резонансных изображений головного мозга, выполненный для сравнения мозговых изменений у пациентов, принимавших антипсихотики, и пациентов, их не принимавших. 14 из 26 исследований, включая самые обширные, показали уменьшение общего объёма головного мозга, объёма серого вещества или увеличение объёма полостей, заполненных цереброспинальной жидкостью, во время курса лечения. Среди 21 исследований пациентов, не принимавших антипсихотики или принимавших их лишь в малых дозах, пять указывали на различия с контрольной группой; но никаких изменений объёма мозга, невзирая на длительную историю болезни, не было обнаружено в результате трёх исследований групп пациентов, не принимавших препараты. По мнению авторов обзора, мозговые изменения, традиционно связываемые с патофизиологическими механизмами при шизофрении, могут быть вызваны приёмом антипсихотических средств [75].

В 2011 году Нэнси Андреасен с соавторами опубликовала результаты исследования, в ходе которого было обнаружено уменьшение объёма ткани головного мозга у 211 пациентов с диагнозом «шизофрения», принимавших антипсихотики от 7 до 14 лет. При этом бóльшая интенсивность лечения, как и бóльшая длительность наблюдения за пациентами, коррелировала с более значительным снижением объёма ткани мозга. Тяжесть болезни, а также наблюдавшееся у некоторых пациентов злоупотребление алкоголем и наркотиками оказывали малозначительное влияние на объём ткани или не оказывали его вообще [76].

Существуют и другие исследования, подтверждающие вывод о связи между приёмом антипсихотиков и снижением объёма мозга [77] [78] [79] [80], причём указывается, что типичные антипсихотики оказывают более значительное влияние на объём мозга, чем атипичные [77] [78]. Например, в работе S. A. Castner с соавторами (2000) было показано, что назначение антипсихо-

тиков приматам в течение около 18 месяцев и крысам в течение 8 недель привело к снижению объёма мозга с редукцией нейропиля и когнитивным дефицитом, обусловленным компенсаторной десенсибилизацией D1-рецепторов лобной коры [81]. В исследованиях отмечается нейротоксичность галоперидола [82] [83].

Предложен был термин «нейролептики» в 1967 году, когда разрабатывалась классификация первых психотропных средств [3], и относился главным образом к препаратам, которые не только имеют выраженное антипсихотическое действие, но и способны часто вызывать характерную для них неврологические (экстрапирамидные) расстройства [1] — нейролептический паркинсонизм, акатизию, дистонические реакции и др. В особенности часто эти побочные эффекты развиваются на фоне приёма таких антипсихотических средств, как галоперидол, аминазин и трифтазин [4] [5] [6], и нередко сопровождаются психическими побочными действиями: депрессия, выраженный страх и тревога, эмоциональная индифферентность [4] [5].

Основным свойством антипсихотиков является способность эффективно влиять на продуктивную симптоматику (бред, галлюцинации и псевдогаллюцинации, иллюзии, нарушения мышления, расстройства поведения, психотические возбуждение и агрессивность, мания). Помимо этого, антипсихотики (в особенности атипичные) часто назначаются для лечения депрессивной и/или негативной (дефицитарной) симптоматики (апато-абулии, эмоционального уплощения, аутизма, десоциализации и др.). Тем не менее, в некоторых источниках высказывается сомнение по поводу способности этих средств влиять на дефицитарную симптоматику изолированно от продуктивной [10] [1]:

Приём антипсихотиков может приводить к симптомам поздней дискинезии и симптомам психоза, утяжеляющим течение основного расстройства [58]. Развитие так называемых поздних психозов (психозов дофаминовой сверхчувствительности, психозов гиперчувствительности, «психозов отдачи») на-

блюдалось, вследствие возникновения гиперчувствительности дофаминовых рецепторов или повышения их плотности, у пациентов, длительное время принимавших мощные дофаминблокирующие нейролептики в период ремиссии между психозами либо по поводу аффективных нарушений или неврологических расстройств. Оно могло происходить как на фоне приёма препарата, так и при его отмене, уменьшении дозировки или переходе на антипсихотик, более слабо связывающийся с дофаминовыми рецепторами [59]. Высказывается мнение, что длительная антипсихотическая терапия может сделать некоторых пациентов более подверженными психозу, чем при естественном течении заболевания [60] [59]; учащение рецидивов психоза и возникновение резистентности в некоторых случаях связывают именно с длительным приёмом антипсихотиков [59]. Данное мнение вызывало возражения и подвергалось критике [61] [62]».

ГЛАВА 9. РАЦИОНАЛИЗМ ЭЙНШТЕЙНА ПРОТИВ ЭМПИРИЗМА БОРА

1. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА ПОД ВОПРОСОМ

«Было ощущение, что земля уходит из-под ног, нигде не было видно того, на что можно опереться, на чем можно что-то построить»

А. Эйнштейн

«Эйнштейн неоднократно проявлял свое недовольство взглядами копенгагенской школы, которые к тому же не удовлетворяли его в эстетическом плане. Так в 1938 году в письме к Соловину он порицал «чрезмерный субъективизм» копенгагенской школы. Год спустя после этого в послании Шрёдингеру он даже назвал Бора «мистиком». В 1950 году в письме к Лауэ он высмеивал «осторожничанье с реальностью», «философствующих физиков», имея в виду прежде всего сторонников Бора. Так, после прочтения одной из ранних работ Бора он сказал физику-атомщику Хевеши:

«Такую работу я и сам, пожалуй, мог бы написать, но если она правильна, то это конец физики как науки»

Ф. Гернек Пионеры атомного века

Спор Эйнштейна с Бором был спором о наличии или отсутствии объективной реальности, о наличии или отсутствии законов природы. Другими словами, это был спор рационалиста с эмпириком.

Надо сказать, что квантовая механика, как никакие другие природные процессы прежде, давала повод опровергнуть метафизику интеллекта Платона, усомниться в существовании неизменных законов природы и в способности человека познавать их, в то есть в наличии активного и пассивного полюсов интеллекта.

Так невозможно было понять природу квантов, которая оказалась одновременно и волновой и корпускулярной. Кванты, будучи частицами, вели себя как волна. Однако, при всех попытках измерения вновь превращались в частицы. Бор сформулировал для квантов принцип дополнительности, который гласил, что волновые и корпускулярные свойства квантов не опровергают, а дополняют друг друга. Примеряют эти две теории особая трактовка процесса измерения, которая оправдывает влияние измерительных приборов на результаты исследования как неотъемлемый элемент квантовой теории.

Гейзенберг, помощник Бора, сформулировал принцип неопределенности, который гласил:

> «Гейзенберговское соотношение неопределенностей есть выражение невозможности наблюдать мир атома, не разрушая его. Любая попытка дать четкую картину микрофизических состояний должна поэтому опираться или на корпускулярное, или на волновое толкование»

Ф. Гернек Пионеры атомного века

В этой связи возникли противоречивые мнения о том, возможно ли вообще объективное суждение о мире, или же на-

блюдение всегда искажает и интерпретирует действительность. «Существует ли Луна, когда на нее никто не смотрит?», — спрашивал Эйнштейн. Принцип неопределенности гласил, что нет.

> «Выполняя тот или иной эксперимент, ученые всегда полагали, что они пассивные наблюдатели, что они могут изучать природу, не подвергая возмущению объект исследований. Очень четко разделялись объект и субъект, наблюдатель и объект наблюдения. Согласно копенгагенской интерпретации, в атомном царстве это правило нарушается. Именно это Бор отождествлял с тем, что он назвал «сущностью» новой физики — «квантовым постулатом. Он ввел этот термин, чтобы зафиксировать связанное с неделимостью квантов существование в природе нарушений непрерывности. Квантовый постулат, говорил Бор, не позволяет при исследовании атомного объекта явно отделить наблюдателя от наблюдаемого явления. Согласно Бору, взаимодействие между тем, что измеряется, и измерительным устройством означает, что «как исследуемому явлению, так и средству наблюдения невозможно приписать самостоятельную понимаемую в обычном смысле физическую реальность».
> Реальность, о которой говорил Бор, не существует в отсутствие наблюдателя. Согласно копенгагенской интерпретации, любой микрофизический объект не обладает имманентно присущими ему свойствами. Электрон не существует где-либо, пока не выполнено наблюдение или измерение, позволяющее локализовать его. Между измерениями бессмысленно спрашивать, какова координата или скорость электрона. Поскольку квантовая механика не говорит ничего о физической реальности, существующей независимо от измерительных приборов, электрон становится «реальным» только при акте измерения. Ненаблюдаемый же электрон не существует.
> «Неверно думать, будто задача физики — выявить, что представляет собой природа, — утверждал позднее Бор. — К физике относится только то, что мы можем сказать о природе. И ничего больше». Он верил, что у науки может быть всего две цели: «расширить наши эмпирическое знание о мире и упорядочить его». «Единственная задача того, что мы называем наукой, — определить то, что есть», — сказал однажды Эйнштейн. Физика для него — попытка понять независимую от наблюдателя реальность. Именно это подразумевается, утверждал он, «когда говорят о «физической реальности». Бора, вооруженного копенгагенской интерпретацией, интересовало не то, что «есть», а то, что мы можем сказать друг другу о мире. Как утверждал позднее Гейзенберг, в отличие от объектов в окружающем нас мире, «атомы или элементарные частицы сами

> по себе не совсем реальны; они скорее образуют мир потенциальных возможностей и вероятностей, а не вещей и фактов».
> **Для Бора и Гейзенберга переход от возможного к реальному происходил во время акта наблюдения. Нет независимой от наблюдателя реальности, лежащей в основании квантового мира. Для Эйнштейна главным в науке была вера в существование именно такой, независимой от наблюдателя, реальности. В споре, вскоре начавшемся между Эйнштейном и Бором, на карту была поставлена суть физики и природа реальности»**

Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности

Наконец кванты поставили вопрос нелокальности, который уже прямо опровергал всю классическую физику. Так, подсистемы квантов (спутанные кванты) могли взаимодействовать (обмениваться информацией) со скоростью много раз превышающей скорость света, что согласно классической физике абсолютно невозможно.

Получалось, что метафизика интеллекта окончательно опровергнута эмпиризмом. Законов природы не существует, в любой момент может возникнуть явление вроде квантовой запутанности, которое опровергнет всю прежнюю физику. Наше мышление не ключ к открытию объективных законов природы, не один из полюсов интеллекта, а всего лишь субъективная интерпретация действительности. Объективной реальности не существует, одна только трансцендентальная эстетика Канта, феноменальный мир намертво скрывающий от нас мир ноуменов.

Эйнштейн не согласился с этой позицией. Он критиковал ее за субъективизм, за «осторожничанье с реальностью», за «мистику». Юмовский скептицизм абсолютно оправдался, то что казалось освоенной землей детерминизма, вдруг рассыпалось на части и предстало результатом не размышлений и открытий законов природы, а воображения и «привычки» к регулярностям. Эмпиризм, как эпистемология отрицающая неизменные законы природы, представлялся Эйнштейну концом науки. Хотя саму квантовую механику он хоть и не считал не полной теорией, методы которой временны, тем не менее высоко ценил: «Я

полагаю, что без Бора мы и сегодня знали бы слишком мало о теории атома».

> «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а «копенгагенская интерпретация» Бора — некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: «Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика»

Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор
и великий спор о природе реальности

2. КОПЕНГАГЕНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

«Квантового мира нет. Есть только его абстрактное математическое описание»

Нильс Бор

«Выяснилось, что атомную модель Бора не следует понимать буквально. Нельзя было схематически применять законы небесной механики для объяснения внутриатомных связей. Даже понятия пространства и времени в существующей форме оказались неподходящими для описания микрофизических явлений. Атом физиков-теоретиков все больше и больше становился абстрактно-ненаблюдаемой суммой уравнений»

Ф. Гернек Пионеры атомного века

«Копенгагенская интерпретация предполагает, что на волновую функцию могут влиять два процесса:

- унитарная эволюция согласно уравнению Шрёдингера
- процесс измерения

По поводу первого процесса не возникает разногласий ни у кого, а по поводу второго имеется ряд различных интерпре-

таций, даже в пределах самой копенгагенской интерпретации. С одной стороны, можно полагать, что волновая функция является реальным физическим объектом и что она во время второго процесса претерпевает коллапс, с другой стороны, можно считать, что волновая функция — лишь вспомогательный математический инструмент (а не реальная сущность), единственное предназначение которой — это давать нам возможность рассчитывать вероятности. Бор подчёркивал, что единственное, что можно предсказывать — это результаты физических опытов, поэтому дополнительные вопросы относятся не к науке, а к философии. Бор разделял философскую концепцию позитивизма, которая требует, чтобы наука говорила только о реально измеримых вещах»

Эксперимент Юнга:

Это очень знаменитый эксперимент многочисленными видеороликами с демонстрациями которого заполнен интернет, так что каждый легко может визуально с ним ознакомится.

Существо его в том, что хотели проверить, как будет вести себя поток квантов (фотонов, электронов): как частица или как волна. Если пропустить волну через щит с двумя щелями она даст на заднем экране рисунок интерференции (несколько вертикальных чередующихся белых (наибольшая интенсивность волн) и черных (погасившие друг друга волны) полос). Если пропустить частицы через щит с двумя щелями, то на заднем экране отразятся две белые линии, в которые через эти две щели частицы и должны попадать по логике движения точечного материального тела.

Эксперимент показал что кванты, будучи частицами, и выпускаемые потоком или по одному, всегда дают интерференционную картину на экране при проходе через щит с двумя щелями. Всегда, независимо от того, один квант выстреливается или поток частиц. Это картина, которую можно было четко видеть, за объективность (то есть независимость от средств исследования) которой можно было ручаться.

Отметили и другую жесткую закономерность. При всех попытках регистрации частиц при прохождении через щели, кванты стабильно и упорно переходили от волнового поведения к дискретному. Ставили ли измерительное оборудование у обоих щелей или у одной, ставили ли его на пути квантов, когда они уже прошли через щели — получалась стабильная картина из двух полос.

«Данный опыт ставит следующие вопросы:

> 1. Законы квантовой механики говорят о том, где частицы попадут в экран *статистически* и дают возможность рассчитать местоположение светлых полос, куда *скорее всего* попадёт много частиц и местоположение тёмных полос, куда *скорее всего* попадёт мало частиц. Однако для отдельной частицы законы квантовой механики не способны предсказать, где она окажется *фактически*. Каковы в таком случае правила поведения отдельных частиц?
> 2. Что происходит с частицей между моментом испускания и моментом регистрации? Создаётся впечатление, что частица претерпевает взаимодействие с обеими щелями. И это кажется противоречащим тому, как может себя вести точечная частица. Тем более что, когда частица регистрируется, она оказывается точечной.
> 3. Что заставляет частицу переключаться от статистического к нестатистическому поведению и обратно? Когда частица летит сквозь щели, её поведение описывается нелокализованной волновой функцией, которая одновременно проходит через обе щели. Когда же частица регистрируется, никогда не получается размытый волновой пакет, но всегда фиксируется точечная частица»

Копенгагенская интерпретация отвечает на эти вопросы так:

> 1. Вероятностный характер предсказаний квантовой механики принципиально неустраним, то есть он вовсе не говорит о том, что наши знания ограничены, что мы не знаем значений каких-то скрытых переменных. В классической физике вероятность использовалась для описания результатов типа подбрасывания игральной кости, хотя фактически этот процесс считался детерминированным. То есть вероятности использовались вместо неполного знания. Напротив, копенгагенская интерпретация утверждает, что в квантовой механике результат измерения принципиально недетерминирован.

> 2. Физика — это наука о результатах измерительных процессов. Измышления на тему того, что происходит за ними, неправомерны. Копенгагенская интерпретация отбрасывает вопросы типа «где была частица до того, как я зарегистрировал её местоположение» как бессмысленные.
> 3. Акт измерения вызывает мгновенное схлопывание, «коллапс волновой функции». Это означает, что процесс измерения случайно выбирает в точности одну из возможностей, допустимых волновой функцией данного состояния, а волновая функция мгновенно изменяется, чтобы отразить этот выбор».

Физика, безусловно, включает в себя измерительные процессы, но разве эксперимент Юнга не является таковым весь, включая первую часть эксперимента, когда поток квантов дает четкую интерференционную картину? Разве это нам приснилось? Разве это наблюдение не было повторено тысячи раз в различных лабораториях и не дало с железной стопроцентной достоверностью наблюдение причинной связи: всегда поток частиц, прохождение которых через щели не замеряется, дает интерференционную картину волны?

На каком основании господин Бор так выборочно трактует факты эксперимента, признавая за наблюдение данные счетчиков и не признавая наблюдением данные экрана? Как он может называть «измышлениями за границами наблюдения» жестко зафиксированного наблюдением факта наличия волны, факта, а не просто математического предположения о ее существовании?

Итак, если исправить этот логический недочет в интерпретации Бора результатов эксперимента Юнга, то неполнота описания физической реальности копенгагенской интерпретацией становится очевидной.

Если есть факт существования волны, которая «схлопывается» каждый раз при измерении координат конкретных частиц, всякая теория, которая не объяснит этого факта, будет оставаться неполной теорией. И никакое оправдание типа «квантового мира нет. Есть только математическое описание» тут не поможет. Потому что есть тысячи раз повторенный эксперимент, тысячи

раз виденная всеми волна квантов, которая почему то именно в момент измерения координат конкретных частиц перестает существовать.

Никто не спорит, что движение отдельных частиц этой волны будет вероятностным и нелокальным, но тем не менее, вся волна существует и не вероятностно и не локально, а самым реальным и самым жестко детерминированным образом. Она существует всегда, безо всяких исключений, и всегда безо всяких исключений перестает существовать в момент измерения.

Вот это очень важный момент. Она существует как вероятностные значения конкретных частиц, но абсолютно детерминирована как волна целого потока частиц. Она могла бы дать хаотичную картину, портрет Сталина или Нильса Бора на экране, могла бы однажды ошибиться и дать две полосы дискретной картины, но вместо этого она каждый раз со стопроцентной точностью дает картину волны. И точно также каждый раз со стопроцентной точностью при измерении эта волна превращается в поток частиц. Действительно ли полна теория, которая не может объяснить этот переход от волны к частице, переход со стопроцентной причинно-следственной связью, многократно фиксированный экспериментом? Теория, которая не может предложить ничего лучше кроме отказа признавать существование волны до измерений счетчиков, словно бы показания экрана не были экспериментом вовсе?

Нет, такая теория не может считаться полной, и в этом Эйнштейн был абсолютно прав.

Эйнштейн говорил, что наверное производит впечатление человека, который прячет голову в песок, чтобы не смотреть в лицо гадким квантам. Если мы будем прямо смотреть в лицо квантам, какие выводы мы должны сделать? Вовсе не безнадежные для метафизики интеллекта, как полагал Эйнштейн.

Если трактовать волну квантов как математическую абстракцию, как предлагали Бор и Гейзенберг, то получается, что в момент измерения происходит «материализация» частицы и она получает конкретные параметры, которых у нее не было до из-

мерения. Эта гипотеза вполне согласуется с метафизикой интеллекта, поскольку тогда волна квантов представляет собой идею Платона, и именно этим объясняется ее вероятностный и детерминированный характер в одно и то же время. Она вероятностна, так как представляет все возможные значения, представляет не реализацию идеи, а саму идею. И она детерминирована, так как все возможные вероятности ограничены самой идеей, законом, который она представляет. В этом смысле вероятностный характер не противоречит детерминированности объективной реальности, а переход от волны к частице, от статического к нестатическому поведению, от нелокального к локальному получает полное объяснение: как переход от идеи, представленной волной к материальной частице.

Однако, Бор дает только негативную характеристику и потому остается на поле эмпиризма. Он говорит, что поскольку волновая функция — это абстрактное математическое описание квантового мира, то самого квантового мира не существует. То есть никакой идеи Платона не существует, абстракция тоже порождение нашего ума, а не часть реальности. Но ведь мы много раз видели эту волну в экспериментах Юнга? Тысячи раз? Следовательно, мы можем со стопроцентной уверенностью заключить, что если Бор прав в отношении вероятностного характера волновой функции и ее существования как математической абстракции, то он абсолютно не прав в том, что это говорит о нереальности «квантового мира», которого «не существует». Совершенно напротив, поскольку существование этой математической абстракции много раз доказано экспериментов с рисунком интерференции на экране — она существует.

Но как мы должны определить эту математическую абстракцию, которая существует в виде луча света, в виде волны энергии, в виде идеи? Мы можем трактовать ее как активный полюс интеллекта, как способность «мыслить» у частиц света, пусть даже в самой минимальной степени. И тогда подобно человеку, у них представлены оба полюса: и пассивный, детерминация законами природы и активный, способность мыслить.

В этом случае, все «странности» квантов не только не разрушают метафизики интеллекта и вытекающей из нее объективной реальности, но напротив абсолютно подтверждают ее.

Бор, как известно, «примирил» волновую и корпускулярную теории квантов своей теорией о характере участия измерительных приборов в процессе наблюдения и исследования. Именно принцип неопределенности Гейзенберга так сильно возмущал Эйнштейна, который не позволял устранить влияние измерения и получить объективную картину реальности.

> «Принципиально новой чертой в теоретико-познавательном анализе квантовых явлений, согласно Бору, является введение основополагающего различия между измерительным прибором и исследуемым объектом. Взаимодействие между измерительными приборами и атомными объектами образует неотделимую составную часть явлений атомного мира. ...Результаты этой работы мысли были сформулированы в 1927 году как «соотношение неопределенностей» Гейзенберга и «принцип дополнительности» Бора. Бор в своем принципе дополнительности придал гейзенберговскому соотношению неопределенностей законченную теоретико-познавательную форму. Основное содержание этого принципа он сформулировал так: «Понятие частицы и волны дополняют друг друга и в то же время противоречат друг другу; они являются дополняющими картинами происходящего»

Ф. Гернек Пионеры атомного века

Однако, должны ли мы объяснять «странности» в поведении квантов влиянием измерительных приборов? Вспомним факты. Во время эксперимента Юнга делались многочисленные попытки измерить движение квантов, при этом кванты всегда переходили от волнового поведения к дискретному, от статического к нестатическому, они превращались в частицы и давали уже не картину интерференции на экране (как положено волне), а картину двух полос (как делают частицы). Бор объяснял это влиянием измерительных приборов.

Однако, счетчики для измерения квантов располагали таким образом, что никоим образом нельзя объяснить поведение квантов только влиянием измерительных приборов. Так, иногда

счетчики ставили у самых щелей, через которые проходили кванты. Иногда только у одной щели. Иногда через некоторое расстояние после того, как кванты уже пройдут через щели. Волна могла получится, только если кванты проходили сразу через две щели. Следовательно, если измерять их когда они уже пройдут щели и если измерять прямо у щелей — влияние измерительного прибора должно быть очень разным. Действительно, без измерения кванты ВСЕГДА дают волновую картину. Если счетчик виновен в том, что при измерении кванты превращаются в частицы, как говорит Бор, тогда если счетчик поставить на пути квантов, когда они уже прошли щели, должна получится волновая картина. Ведь без счетчика не было ни единого случае в тысячах экспериментах, чтобы кванты вели себя не как волна. Однако, независимо от того, где находится счетчик, кванты всегда ЗНАЮТ что их измеряют и всегда начинают вести себя как частицы, где бы не находились счетчики и как бы их не прятали.

Следовательно, мы можем говорить о том, что дело вовсе не во влиянии измерительных приборов на кванты, а в их способности к активному интеллекту. Тогда фактор субъективности процесса исследования полностью устраняется, и поведение квантов вместо того чтобы опровергать метафизику интеллекта только подтверждают ее.

3. ЭКСПЕРИМЕНТ БЕЛЛА-АСПЕКТА

«Вы верите в Бога, который играет в кости,
а я — в абсолютный закон и порядок
в объективно существующем мире, который
я чисто умозрительно стараюсь понять, —
написал Эйнштейн Борну в 1944 году. —
В это я твердо *верю* и надеюсь, что кому-
нибудь удастся обнаружить более
реалистический подход или, скорее, более
материальную основу для такой
уверенности, нежели мой жребий позволил

сделать мне. Даже невероятный успех,
с самого начала сопутствующий квантовой
теории, не заставит меня поверить
в основополагающую роль игры в кости, хотя
я очень хорошо знаю, что наши молодые
коллеги объясняют это старческим
слабоумием. Нет сомнения, придет день,
и мы увидим, чья интуитивная позиция
оказалась правильной»

Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности

Детерминированные энергии природы — это материальное движение, или движущаяся материя. Они представляют единое пространство-время с едиными физическими характеристиками.

Человек движется как бы поверх этого материального мира, по срезу его пассивного интеллекта, открывая и познавая законы природы. Это процесс познания, активный интеллект, движение контрольной энергии, способной вмешиваться в законы природы и получать доступ к силе детерминированных энергий.

Это доступ в пространство интеллекта, который мы имеем благодаря наличию у нас мышления, активного полюса интеллекта. Декарт противопоставил движение человека, как мысли, как познания, пассивному движению материи, детерминированного законами природы. Это дуализм всех метафизиков интеллекта от мира идей Платона до субстанции мышления Декарта.

Платон, Декарт, Кьеркегор и все прочие метафизики интеллекта считали что пространство интеллекта не имеет времени, оно вечно, как вечен его создатель. Мы этого знать не можем, но то что с приходом человека в это пространство оно обретает время для человека — это безусловно. Время пространства интеллекта измеряется количеством пройденного в нем пути, количеством знаний, приобретенных человечеством в целом и каждым конкретным индивидом в отдельности.

Контролировать физические законы — уже способность если не выходить за пределы пространства-времени физического мира, то по крайней мере влиять на него. А мысленно человек постоянно переходит эти пределы: он способен преодолевать необъятные расстояния за считанные секунды, он способен общаться через посредство книг с давно ушедшими людьми, он способен восстанавливать в своем сознании давно ушедшие цивилизации, производить мысленные эксперименты и тд и тп

Наличие активного интеллекта говорит о доступе в пространство интеллекта. Мы, люди, не имея отношения к созиданию этого пространства, там гости и наше время измерено. По крайней мере, мы знаем начало нашего пути и не видим его конца в этом пространстве. Нам позволено видеть законы движения материи и контролировать это движение, но больше ничего другого наш интеллект нам не дает. За исключением может быть способностей ясновидения у таких известных людей как Нострадамус, Эдгар Кейси, Иоанн Йерусалимский или Ванга, но и об этих способностях мы ничего не знаем.

Если предполагать активный интеллект свойством квантов, то вполне понятна их способность выходить за пределы физического пространства-времени, как это имеет место в экспериментах Белла-Асперса. Это взаимодействие квантов –результат не детерминации пассивным интеллектом, а общения активным полюсом интеллекта. Понятно, что все что связано с активным полюсом интеллекта выпадает из зоны нашего познания и контроля; наши способности ограничиваются возможностями познания и контроля законов природы, законов движения материи, то есть пассивного интеллекта. Поэтому свойства демонстрируемые квантами не могут иметь отношения к тому, что есть наука, так что все фантазии об использовании этих средств в строительстве техники только грубое недоразумение. Эти свойства только доказывают нам действительность метафизики интеллекта, а значит наличие объективной реальности и победу рационализма над эмпиризмом.

Теперь обратимся к другому не менее знаменитому эксперименту, также многократно проверенному во многих лабораториях мира. Это эксперимент Белла-Аспекта, который опытным путем подтверждает тот факт, что подсистемы квантов, способны передавать информацию друг другу (взаимодействовать) мгновенно, со скоростью многократно превышающей скорость света. Это опровергает предположение Эйнштейна о скрытых свойствах, которые детерминируют поведение квантов, подтверждая нелокальный характер их существа.

> «Белл вывел свое неравенство исходя только из двух предположений. Во-первых, существует не зависящая от наблюдателя реальность, то есть частица обладает строго определенными свойствами, такими как спин, еще до того, как это свойство измерено. Во-вторых, сохраняется локальность. Нет воздействия, которое распространяется быстрее света, а значит, то, что происходит здесь, не может мгновенно подействовать на то, что происходит где-то в другом месте. Результаты Аспекта означают, что одно из этих предположений должно нарушаться. Белл был готов пожертвовать локальностью. „Хочется реалистически смотреть на мир, рассуждать о мире, считать его реальным, даже если он не наблюдаем“, — говорил он. Белл умер в октябре 1990 года от инсульта в возрасте шестидесяти двух лет. Он до конца верил, что „квантовая теория — только временная уловка“, которую, в конечном счете, заменит лучшая теория. Тем не менее, он признавал, что эксперимент указывает, что „взгляд Эйнштейна на мир оказался несостоятельным“. Теорема Белла „звонила“ по Эйнштейну и локальной реальности»

Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор
и великий спор о природе реальности

Мы можем видеть, что в конечном итоге прав оказался Эйнштейн: странности квантов говорили не против метафизики интеллекта, но в ее пользу, не за эмпиризм, но против него. Однако, теория относительности Эйнштейна, доказав единство пространственно-временного континуума физического мира, не предполагала пространства-времени интеллектуального мира, частью которого человек тоже является. Это и помешало ему включить активный полюс интеллекта в свое представление об объективной реальности. Тем не менее, это

пространство прямо следовало из проповедуемой им метафизики интеллекта. Он также оказался прав в том, что решение парадокса квантов будет возможно только на другом уровне научного знания, и придет с решением какой-то другой крупной проблемы. В данном случае это открытие психической энергии.

В этих цитатах Эйнштейна со всей возможной очевидностью проявляется его рационализм, его неприятие эмпиризма, его уверенность в метафизике интеллекта и ее двух полюсах: активном и пассивном интеллекте.

> «Истинному исследователю природы не обойтись без своего рода религиозного преклонения. Ведь невозможно вообразить, что те тончайшие нити, которыми связаны его умозаключения, он создал сам.
> Все предопределено... силами, над которыми мы не имеем власти. Все предопределено — в равной мере для насекомого и для звезды. Люди, растения, космическая пыль — все мы танцуем под мелодию невидимого дудочника.
> Я верю в Бога Спинозы, открывающего нам себя в гармонии всего сущего, — но не в Бога, озабоченного судьбой и деяниями людей.
> Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает форму восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох.
> Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных.
> К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры.
> Основной источник современных конфликтов между религией и наукой — представление о личном Боге.
> Чем дальше продвигается духовное развитие человечества, тем, на мой взгляд, становится яснее, что путь к истинной религиозности проходит не через страх перед жизнью, не через страх перед смер-

тью, не через слепую веру, а через стремление к рациональному знанию.
Не знаю лучшего слова, чем «религиозность», для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма.
Я глубоко религиозный неверующий... Вот такая новая религия.
В личного бога я не верю и никогда этого не отрицал, но всегда говорил об этом прямо. Если что-то во мне можно назвать религиозным — это истинное восхищение перед структурой мира, которую открывает нам наука.
Состояние ума, дающее человеку возможность выполнять такого рода работу... сродни состоянию благоговейного верующего или влюбленного: ежедневные усилия определяются не сознательным намерением, не какой-то программой — они исходят прямо из сердца.
Я глубоко убежден в том, что развитие науки связано прежде всего со стремлением удовлетворить жажду чистого познания
Я придерживаюсь мнения, что все сложные и творческие изыскания в научной сфере исходят из глубоко религиозного чувства... кроме того, я верю, что такая религиозность — это единственно возможная творческая религиозная активность в наше время
Наши действия должны основываться на постоянном сознании того, что в своем мышлении, чувствах и действиях люди не свободны — вся их жизнь также обусловлена причинно-следственными связями, как и движение звезд
Эпистемология без связи с естественными науками превращается в пустую схему. А естественные науки без эпистемологии (если такое вообще мыслимо) примитивны и запутаны.
А там был этот огромный мир, существующий независимо от нас людей, стоящий перед нами как великая и вечная загадка, отчасти доступная нашему наблюдению и постижимая для нашей мысли. Размышление над этим миром казалось каким-то освобождением, и скоро я заметил, что множество людей, которых я научился почитать и восхищаться ими, именно в постижении мира обрели внутреннюю свободу и уверенность»

А. Эйнштейн Цитаты и афоризмы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011

2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011

3. Аристотель «О душе»

4. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008

5. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010

6. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982

7. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011

8. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012

9. Пейн Т. Здравый смысл

10. Пейн Т. Век Разума

11. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011

12. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

13. Толстой Л. Н. Исповедь. О жизни. СПб Азбука, 2012

14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

16. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

17. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

19. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

20. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

21. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

22. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

23. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009
24. Платон Диалоги М: Астрель 2012
25. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012
26. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011
27. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010
28. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011
29. Руссо «Эмиль, или о воспитании»
30. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012
31. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011
32. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003
33. Гете И. В. Страдания юного Вертера
34. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007
35. Маркиз де Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008
36. Маркиз де Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008
37. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009
38. В. И. Ленин «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984
39. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007
40. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» (Великие исследователи от Максвелла до Гейзенберга) 1974
41. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011
42. Эйнштейн А Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967
43. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903
44. Лауэ М. История физики Москва 1956
45. Мах Э. Познание и заблуждение Москва 2003
46. К. Маркс Капитал
47. Эрих Фромм Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
48. Эрих Фромм Искусство любить М: АСТ, 2010
49. Эрих Фромм Здоровое общество М: АСТ, 2005

50. Эрих Фромм Иметь или быть? М: АСТ, 2000

51. Эрих Фромм Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000

52. Эрих Фромм Анатомия человеческой деструктивности, М: АСТ, 1998

53. Альфред Адлер Наука жить Киев 1997

54. Альфред Адлер Практика и теория индивидуальной психологии

55. Альфред Адлер Понять природу человека Спб 1997

56. Альфред Адлер О нервическом характере АСТ 1997

57. Альфред Адлер Воспитание детей Ростов на Дону 1998

58. Абрахам Маслоу Мотивация и личность Спб Питер 2003

59. Абрахам Маслоу Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999

60. Абрахам Маслоу Психология Бытия М: 1997

61. Виктор Франкл Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990

62. Виктор Франкл Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004

63. Виктор Франкл Доктор и душа Спб: Ювента 1997

64. Гордон Олпорт Становление личности М: Смысл 2002

65. Карл Роджерс О становление личности Киев 2004

66. Карл Роджерс Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002

67. Карл Роджерс Консультирование и психотерапия

68. Зигмунд Фрейд Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

69. Зигмунд Фрейд Три очерка сексуальности

70. Зигмунд Фрейд Будущее одной иллюзии

71. Зигмунд Фрейд Тотем и табу

72. Зигмунд Фрейд Я и Оно

73. Зигмунд Фрейд По ту сторону принципа удовольствия

74. Зигмунд Фрейд Психология масс и анализ человеческого Я

75. Курт Левин Динамическая психология М: Смысл 2001

76. Карл Густав Юнг Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997

77. Карл Густав Юнг Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991

78. Карл Густав Юнг Проблемы души человека

79. Карен Хорни Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997

80. Ч. Ломброзо Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

81. Л. Леви — Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

82. С. Мади. Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.

83. Л. Хъелл. Д. Зиглер. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.

84. Бертран Расселл «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

85. B. Russell «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

86. B. Russell «Political ideals»

87. B. Russell «The Power» London Allen & Unwin, 1938

88. Бертран Расселл Автобиография. Выдержки.

89. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

90. Б. Рассел Практика и теория большевизма Москва

91. Б. Рассел Брак и мораль Москва

92. B. Russell The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

93. Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.

94. Бенедикт Спиноза Этика М, Хар, 1998

95. Бенедикт Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

96. Бенедикт Спиноза Политический трактат М, Хар, 1998

97. Платон «Государство»

98. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013

99. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

100. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993

101. Джон Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

102. Маргарет Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

103. Л. С. Васильев История Востока М Высшая школа 2005

104. Э. Людвиг Наполеон М. Вагриус 1998

105. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

106. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

107. Фридрих Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

108. Воспоминания секретаря Гитлера Траудль Юнге

109. П. Хлебников Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив- Пресс 2001

110. Поль Брег Чудо голодания

111. Н. Макиавелли Государь М: Эксмо 2009

112. Роберт Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

113. Роберт Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

114. Э. Мортон История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

115. Стенли Бинг Как бы поступил Макиавелли?

116. Кристофер Хитченс 10 книг изменивших мир Томас Пейн Права человека

117. Саймон Блекберн 10 книг изменивших мир Платон Республика

118. Джанет Браун 10 книг изменивших мир Дарвин Происхождение видов

119. Френсис Вин 10 книг изменивших мир Маркс Капитал

120. Stanley Milgram Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

121. Давид Майерс Психология Минск Попурри 2008

122. Давид Майерс Социальная психология Спб: Питер 2009

123. Эллиот Аронсон Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

124. Джером Селинджер Над пропастью во ржи М: Тройка 1993

125. К. Ясперс Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999

126. А. Кемпинский Психология шизофрении СПб. Ювента 1998

127. В. П. Критская Т. К. Мелешко Ю. Ф. Поляков Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991

128. Г. И. Каплан Б. Дж. Сэдок Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.

129. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

130. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000

131. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002

132. С. Цвейг Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука- классика 2001.

133. С. Цвейг Письмо незнакомки М: АСТ 2009

134. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

135. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

136. П. Б. Ганнушкин Клиника малой психиатрии

137. Карл Леонгард Акцентуированные личности

138. Эрнст Кречмер Строение тела и характер

139. Эрнст Кречмер Гениальные люди, Москва 1998

140. Е. П, Ильин Эмоции и чувства СПб 2001

141. Серен Кьеркегор Или-Или СПб: Амфора 2011

142. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

143. Лев Толстой Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009

144. Жан-Поль Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

145. Жан-Поль Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006
146. Жан-Поль Сартр Дьявол и Господь Бог
147. Э. П. Юровская Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006
148. Жан-Поль Сартр Экзистенциализм — это гуманизм
149. Жан-Поль Сартр За закрытыми дверями
150. С. Кьеркегор Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996
151. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010
152. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г
153. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996
154. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998
155. Дж. Гренвилл История 20 века. М. Аквариум 1999
156. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973
157. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967
158. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996
159. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма- Инфра- м 1998
160. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма- Инфра 1998
161. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994
162. Я. С. Ядгаров История экономических учений М. Экономика 1996
163. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов- Ключ 1993
164. М. С. Горбачев Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

165. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999

166. Хрущев Воспоминания М. Вагриус 1997

167. Роналд Коуз, Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

168. Симона де Бовуар «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997

169. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956

170. Bertrand Russell «Proposed roads to freedom»

171. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990

172. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

173. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

174. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

175. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

176. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

177. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

178. Тургенев И. Дневник лишнего человека

179. Милль Д. С. Автобиография М: Либроком, 2013

180. Mill J. S. «On liberty»

181. Чаадаев П. Философические письма

182. Лев Толстой «Царство Божие внутри вас»

183. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

184. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

185. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

186. Хугаева Л. Закон сохранения силы Психической энергии или снять защиту Эго, Владикавказ: ИПП им. В. Гасиева, 2012

187. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

188. Хугаева Л. Контрольный ток или остановить ДТПЭ Москва Спутник +, 2008

189. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

190. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

191. П. И. Новгородцев, Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

192. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

193. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

194. Сазонова К. Участие «великих держав» в миротворческой деятельности ООН

195. «Центр исследований ООН»

196. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005

197. Ремарк Эрих Мария На западном фронте без перемен, Ростов на Дону: Феникс, 1993

198. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

199. Хомский Ноам, Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002

200. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012

201. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013

202. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

203. Малюгин Л, Гитович И, Чехов, М: Советский писатель, 1983

204. Так говорил Ландау Феникс 2014

205. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014

206. Уеллс Г. Люди как боги

207. Чехов А. Полное собрание сочинений

208. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

209. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

210. История теоретической социологии в 4т под ред. Ю. Давыдова Москва 1997 Канон

211. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

212. Милль Джон Огюст Конт и позитивизм М: ЛКИ 2017

213. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: Ко-Либри, Азбука-атикус 2016

214. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

215. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016

216. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

217. Кропоткин П., Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017

218. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014

219. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989

220. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016

221. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017

222. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС- Ц 1998

223. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017

224. Оруэлл Дж 1984 М: АСТ 2017

225. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

226. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981

227. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017

228. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

229. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

230. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017

231. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008

232. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977

233. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016

234. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018

235. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

236. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

237. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017

238. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979

239. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013

240. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий М:T8RUGRAM, 2017

241. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002

242. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981

243. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994

244. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017

245. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011

246. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018

247. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

248. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988

249. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979

250. Альберт Эйнштейн. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015

251. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012

252. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007

253. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018

254. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017

255. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016

256. Фишер К. История новой философии. Фихте. Издательство Русского Христианского гуманитарного института 2004

257. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956

258. Коников И. А. Материализм спинозы Наука 1971

259. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991

260. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015

261. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015

262. Фуко М. История безумия в классическую эпоху

263. Лосев А., Тахо-Годи А., Аристотель. Молодая гвардия, 2014

264. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009

265. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы М: КоЛибри 2015

Лейла Хугаева

Рационализм против эмпиризма

Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero